

**Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ
2025. Том XXVIII. № 3**

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2025**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Foundation “Intersotsis”**

**ZHURNAL SOTSIOLOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII
(The Journal of Sociology and Social Anthropology)
2025. Volume XXVIII. No 3**

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2025**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д. филос. н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалхан Ользонович Бороноев (д. филос. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (к. соц. н., зам. главного редактора, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д. соц. н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к. соц. н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к. соц. н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Иванович Ильин (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинский университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебель (Др., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (дистор. н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВОРАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Др., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д. соц. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д. соц. н., профессор, БГУ, Минск, Беларусь)

Жанна Владимировна Чернова (д. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)
Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Ruslan Braslavskiy (CSc., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)
Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)
Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)
Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far-East, Vladivostok, Russia)
Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)
Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)
Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)
Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)
Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)
Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Социология социальных проблем

<i>Богомяжкова Е.С.</i> Теория социальных проблем в постижении меняющейся современности	7

Социология труда

<i>Туракаев М.С., Батталова А.И.</i> Региональная, отраслевая и социально-демографическая дифференциация структуры предложения труда на российской платформе занятости «Профи»	30

Социология культуры

<i>Ильиных С.А.</i> Финансовая культура населения: социологический анализ на примере Новосибирской области	57
<i>Ткаченко К.В.</i> Творческий потенциал акторов в реализации социального перформанса: методологическая рамка Джеффри Александра	83

Инвйронментальная социология

<i>Захарова О.В., Пупышева И.Н., Глазкова А.В.</i> Соединяя разрывы: социальные практики регионального оператора по обращению с отходами	109
<i>Черкасов А.С.</i> Ландшафт браконьерских промыслов в изолированных местных сообществах Дальнего Востока	137

Сельская социология

<i>Соловченков С.А., Комарова Т.М., Стельмах Е.В.</i> Сельская социология в России: два века истории	160

Социология потребления

<i>Ткач С., Коровина А.И.</i> Субъективное экономическое благополучие в рамках структур потребительских услуг	184

Социальная антропология

<i>Ватолина Ю.В.</i> Гостеприимство как сценарий деколонизации мысли: опыт Эдуарду Вивейруша де Кастру	204
<i>Котельников А.В.</i> Отношения и киборги: публичное и приватное в городской коммуне	228

Рецензии

<i>Головин Н.А.</i> Архивные материалы в изучении творческого наследия П.А. Сорокина	258
<i>Сосновская А.М.</i> Рецензия на книгу: Городские асимметрии: политики, практики и репрезентации (2024) отв. ред. Е.В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН. — 264 с.	267

CONTENTS

Sociology of Social Problems

- Elena Bogomiagkova*. Theory of Social Problems in Understanding
of Changing Modernity 7

Sociology of Labor

- Marcel Turakayev, Alsu Battalova*. Regional, Sectoral, and Socio-Demographic
Differentiation in the Structure of Labor Supply
on the Russian Employment Platform *Profi* 30

Sociology of Culture

- Svetlana Ilyinykh*. Financial Culture of the Population: Sociological Analysis
on the Example of the Novosibirsk Region 57
- Kirill Tkachenko*. The Creative Potential of Actors
in the Implementation of Social Performance:
Jeffrey Alexander's Methodological Framework 83

Environmental Sociology

- Olga Zakharova, Irina Pupysheva, Anna Glazkova*. Bridging the Gaps:
Social Practices of a Regional Operator for Municipal Solid Waste 109
- Alexander Cherkasov*. The Landscape of Poaching in Isolated
Local Communities of the Russian Far East 137

Rural Sociology

- Sergey Solovchenkov, Tatyana Komarova, Elena Stelmakh*. Rural Sociology
in Russia: Two Centuries of History 160

Sociology of Consumption

- Sergey Tkach, Anastasia Korovina*. Subjective Economic Well-Being
within Consumer Service Structures 184

Social Anthropology

- Yulia Vatolina*. Hospitality as a Scenario for Decolonizing Thought:
The Experience of Eduardo Viveiros de Castro 204
- Artem Kotelnikov*. Relations and Cyborgs: Public and Private
in an Urban Commune 228

Reviews

- Nikolay Golovin*. Archival Materials in the Study of P.A. Sorokin's
Creative Heritage 258
- Anna Sosnovskaya*. Book Review: *Urban Asymmetries: Policies, Practices,
and Representations* (2024) ed. by E.V. Tykanova. Moscow;
Saint Petersburg: FCTAS RAS. — 264 p. 267

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПОСТИЖЕНИИ МЕНЯЮЩЕЙСЯ СОВРЕМЕННОСТИ¹

Богомяжкова Елена Сергеевна (e.bogomyagkova@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Богомяжкова Е.С. (2025) Теория социальных проблем в постижении меняющейся современности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 7–29. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.1> EDN: IDZOYR

Аннотация. Статья представляет собой попытку ревизии и обновления теории социальных проблем в контексте социальных трансформаций рубежа XX–XXI вв. Сложившееся в социологии положение дел можно охарактеризовать как кризис теории социальных проблем. Несмотря на достигнутые успехи в изучении отдельных тем, значительная часть реализуемых эмпирических исследований либо опирается на концепции, разработанные в XX в., либо вовсе не использует какой-либо внятный понятийный аппарат. Однако социальная реальность драматически меняется: сегодня наряду с институтами и интеракциями все большее распространение получают сетевые и потоковые структуры, формируется гибридная, дополненная реальность. В результате концепции, созданные для объяснения процессов, происходивших в XIX–XX вв., становятся не чувствительными к текущей ситуации. Цель статьи заключается в том, чтобы на основе анализа сложившейся конфигурации знания наметить перспективы его дальнейшего преобразования в условиях экспансии новых типов социальности. В результате были выделены и описаны основные типы теоретизирования, сложившиеся в социологии в отношении изучения социальных проблем, и показаны ограничения существующих концепций в объяснении актуальных социальных процессов. Для различения использованы следующие критерии: 1) понимание социального порядка и лежащего в его основании типа социальности и 2) взгляд на роль социолога в социальных изменениях. Два первых типа являются традиционными и опираются на институциональные и конструкционистские трактовки социальной реальности. Соответственно в этих случаях социальные проблемы интерпретируются в терминах дисфункций и коллективных определений. Третий тип теоретизирования слабо представлен сегодня в академическом поле, однако полагаем, что является перспективным в понимании актуальной ситуации. Он основывается на представлениях о сложности современной реальности и все более заметной роли в ней сетевых и потоковых структур. Кроме того, на основе

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 24-18-00261, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00261>.

развитого третьего подхода возможен переход к четвертому, интегралистскому, позволяющему адекватно интерпретировать разрывы социальности, включая фундаментальный разрыв между истощенной и дополненной современностями. Если социология социальных проблем претендует на адекватное объяснение текущих процессов и стремится предлагать нетривиальные и работающие решения, ей необходимо включать в свой теоретический арсенал новейшие представления о социальности и начать движение от репрезентационной к перформативной модели познания. Соответственно в ревизии нуждаются сложившиеся в науке представления о роли социолога в изучении и решении социальных проблем.

Ключевые слова: социальные проблемы, социологическая теория, институциональные концепции социальных проблем, социальный конструкционизм, социальные сети, потоки, дополненная реальность.

Введение

Социальные проблемы — один из первых, наиболее постоянных и при этом один из наименее рефлекслируемых объектов социологического интереса. В то время как политики, общественные активисты, медиа и обыватели предлагают собственные определения «социального зла» и варианты его преодоления, именно от социологов ожидается получение научного, строго обоснованного знания. Несмотря на многообразие трактовок источников социальных проблем, разработку и реализацию социальных реформ, на протяжении истории периоды угасания одних сменяются периодами роста других. Такая ситуация характерна для всех стран, а потому нельзя сказать, что общество достигло значительного успеха в полном искоренении какой бы то ни было социальной проблемы. Это заставляет ученых вновь и вновь искать варианты объяснения и решения возникающих противоречий.

Для того чтобы проиллюстрировать суть социологического подхода к социальным проблемам, исследователи, как правило, приводят цитату Ч.Р. Миллса: «Если в городе один безработный, то это его личная проблема; если в городе тысячи безработных, то это социальная проблема». Однако вопреки проекту самого Миллса, настаивавшего на необходимости понимания структурных причин проблем, на уровне повседневного и научного мышления социальная проблема «воплощается, как правило, очень реалистично, в различных “группах населения”, о решении “проблем” которых идет речь» (Ленуар 2001). В результате нередко единственным критерием опасности и остроты проблемы служит количество «задетых» ею людей. Социологические интерпретации, с одной стороны, описывающие социальные и поведенческие характеристики таких групп, а с другой — обосновывающие методы и формы «работы» с ними, конку-

рируют с определениями психологов, специалистов по социальной работе, политиков, журналистов и общественных деятелей. Однако в этом случае исследователи начинают «играть» на чужом поле — поле медиа и политики — и вынуждены следовать предлагаемым правилам игры. Выполняя своеобразный социальный заказ, социологи нечасто обращают внимание на перспективу, из которой осуществляется исследование (Бауман 1996; Дудина 2013b), и вместо развития собственных объяснительных моделей склонны использовать категории, предложенные государством и/или экономической элитой. В результате ученые завершают свой анализ там, где его следует начать, и полагают объясненным то, что только требуется объяснить.

Смысловая связь социологии с социальными проблемами настолько прочна, что необходимость какой бы то ни было теоретической рефлексии осознается далеко не всегда. Так, в одном из современных учебников (Социальные проблемы 2020) обсуждению концепций социальных проблем уделено пять страниц, а основной объем посвящен подробному рассмотрению различных кейсов, опирающихся на принципиально разные методологические основания. Сложившееся в социологии положение дел можно охарактеризовать как кризис теории социальных проблем. Несмотря на достигнутые успехи в изучении отдельных тем, значительная часть реализуемых эмпирических исследований либо опирается на концепции, разработанные в XX в., либо вовсе не использует какой-либо внятный понятийный аппарат. Наиболее востребовано обращение к объективистским трактовкам социальных проблем, а социальный конструкционизм — концепция, которой уже более полувека, позиционируется как самая современная (Социальные проблемы 2020), а частью российского социологического истеблишмента до сих пор рассматривается как маргинальная. Кроме того, прикладные и эмпирические исследования социальных проблем нередко обгоняют теоретические построения.

Однако социальная реальность драматически меняется: сегодня речь идет о существовании и взаимопроникновении различных типов социальных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков (Иванов 2024b). В результате концепции, созданные для объяснения процессов, происходивших в XIX–XX вв., перестают адекватно отражать актуальные тенденции. Несмотря на предпринимаемые попытки апгрейда теории социальных проблем (Loseke 2009; Loseke 2013; Dello Buono 2018; Dello Buono 2015; Богомягкова 2016), остро чувствуется дефицит оригинальных разработок. Вопрос о том, что собой представляют социальные проблемы, оказывается отнюдь не праздным, поскольку способность социальной науки диагностировать, объяснять и предлагать решения социальных

проблем является маркером ее общественной и научной полезности (Бауман 1996; Мертон 2006). Должны ли социологи давать объяснения и разрабатывать рекомендации на языке политики и медиа, связывая социальные проблемы с наличием в обществе тех или иных социальных групп, или могут и должны самостоятельно конструировать предмет своего интереса, избегая категорий, формулируемых на уровне здравого смысла? Если социология претендует на автономию и экспертизу в изучении социальных феноменов, она должна предоставлять нетривиальные, неочевидные и при этом работающие решения. В этом случае требуется не только тщательная ревизия имеющегося теоретического арсенала, но и его обновление, позволяющее анализировать социальные трансформации рубежа XX–XXI вв.

Цель статьи — на основе анализа сложившейся конфигурации знания о социальных проблемах наметить перспективы его дальнейшего преобразования в условиях экспансии новых типов социальности. Сначала мы кратко остановимся на истории становления социологии социальных проблем, принимая во внимание ключевые теоретические и методологические вызовы. Затем укажем на необходимость обновления теории социальных проблем в ответ на формирование сетевых и потоковых структур. В заключение обозначим возможности ее развития в ситуации растущей потребности в новой теоретической интеграции.

Исследования социальных проблем в контексте развития социологии

Исследования социальных проблем развивались в общей логике становления социологии как науки, когда периоды теоретического размежевания сменялись периодами попыток интеграции разных школ и направлений. Обращаясь к наиболее значимым вехам формирования этой предметной области, мы будем опираться на следующие критерии: 1) понимание учеными социального порядка и лежащего в его основании типа социальности; 2) взгляд на роль социолога в социальных изменениях.

Рост социальных проблем в ответ на фундаментальные трансформации европейских обществ эпохи модерна — индустриализацию, урбанизацию, социальное расслоение — обычно рассматривают как одну из основных причин возникновения социологии. Помимо объяснения происходящего от новой науки ожидалась рекомендации и рецепты по преодолению возникающих угроз. В этот период сложились две пересекющиеся траектории изучения социальных проблем.

Во-первых, отметим характерные для европейской социологии большие проекты преобразования социальной действительности на основе

достоверного и надежного научного знания, согласно различным образом понимаемой идее социального прогресса, разрабатываемые О. Контом и К. Марксом. «Социальное зло» считалось производным от общественного порядка, а потому с его изменением должно было исчезнуть само собой. Во-вторых, речь идет о проводимых в середине XIX — начале XX в. в странах Западной Европы, России, США социальных обследованиях (social surveys), представлявших собой сбор и анализ статистических и эмпирических данных, характеризовавших различные трудности: положение рабочего класса, бедность, неравенство, алкоголизм, нищету, преступность и др. (см., например: Лапин 2004). Полученная в результате таких обследований информация использовалась для разработки и реализации социальных реформ. В то время как теоретические построения Маркса и Конта не были укоренены в эмпирических данных, социальные обследования либо вовсе обходились без какой бы то ни было объяснительной модели, либо в качестве таковой прибегали к наиболее популярной и влиятельной на тот момент концепции социальной патологии.

В отличие от стран Западной Европы, в США социология возникла прежде всего как прикладная наука — «третья социология» в терминологии З. Баумана (Бауман 1996), характеризующаяся либеральной критикой и ориентированная на обеспечение задач социальной политики. Новую науку отличало стремление не к фундаментальным изменениям общества в духе европейских теоретиков, а к улучшению отдельных его аспектов, социальному реформированию. «Социология обосновывала свои притязания на общественное признание обещаниями помочь в управлении социальными процессами, как геология и физика помогают в строительстве небоскребов. Другими словами, социология поступила на службу построения и поддержания социального порядка» (Бауман 1996: 235).

Для начального этапа изучения социальных проблем характерна та же фрагментарность, что и для социологии в целом: разрыв между теорией и эмпирией; требование к ученым быть не только поставщиками знаний об обществе, но и «социальными реформаторами», участвующими в повышении качества жизни людей. Истина и польза, знание и действие были тесно связаны, а научность социологии нуждалась в подтверждении — демонстрации ее вклада в общественные изменения, фундированного как большими теоретическими проектами, так и потребностью в обеспечении «социального заказа» в рамках прикладных исследований. В результате уже на заре социологического интереса к социальным проблемам обозначились две «болевые точки», задающие основные векторы развития этого предметного поля и сегодня. Исследователи, изучающие «социальное зло», вынуждены определять свое положение в системе

координат, выбирая по одной оси способы объяснения проблем, а по другой — позицию по отношению к социальной действительности.

Преодолеть разрозненность ранних исследований социальных проблем стремились представители Чикагской школы, деятельность которых служит примером, с одной стороны, попыток интеграции теоретического и эмпирического уровней анализа, а с другой — выстраивания эффективных коллабораций с органами муниципальной и государственной власти по решению проблем городского сообщества. До сих пор не теряет своей актуальности разработанная в рамках Чикагской школы первая собственно социологическая концепция социальных проблем — концепция социальной дезорганизации, выражающая стремление социологов порвать с патологизирующими объяснениями и перестать рассматривать социальные проблемы как обусловленные несовершенством человеческой природы.

Движение к построению интегрированной — «большой» — социологии завершилось к середине XX в. В поле исследований социальных проблем наиболее ярким и авторитетным решением стал функционалистский подход (Р. Мертон, Р. Нисбет). Он доминировал в изучении социальных проблем до 1970-х годов, а на страницах отечественных учебников и монографий, в преподавании социологических дисциплин до сих пор остается фактически единственным. Трактовки социальных проблем как объективных условий, выраженных в уровнях и показателях и требующих диагностики и последующего решения, оказываются созвучны обыденным представлениям, а потому находят отклик за пределами академического сообщества. Функционализм опирается на понимание социальной реальности как институционально организованной, а появление социальных проблем связывается прежде всего с «неправильной работой» — дисфункциями — социальных институтов. Исключительной экспертизой в распознавании таких дисфункций обладают социологи, а потому именно им принадлежит уникальное, зачастую представляемое как почти сакральное знание о социальных проблемах. Они владеют надежными инструментами измерения меры негативного воздействия «социального зла» на жизнь людей и способны вырабатывать рекомендации по изменению текущей ситуации. Такая интерпретация является логичным следствием распространенных в середине XX в. представлений о равновесном, стабильном, институционально организованном обществе.

В это же время в качестве образца научности окончательно утвердилось требование к социологии сохранять нейтральность по отношению к изучаемым явлениям и поставлять достоверное и объективное знание.

Вовлеченность исследователей в преобразование действительности стало признаком слабости дисциплины, потери ею академического статуса. За социологией сохранялись задачи репрезентации — верного отражения — социальной реальности, а объект познания оказался отделен от субъекта. Изучая социальные проблемы, социологи стали обязаны придерживаться принципа беспристрастности, оставляя вмешательство социальным реформаторам.

В последней четверти XX в. функционализм был подвергнут серьезной критике в соответствии с развернувшимся в тот период в социологии парадигмальным кризисом, ознаменовавшим поворот исследователей от структуры к действию, от фактов к смыслам и от количественной методологии к качественной (Иванов 2024а). Ответом на новый вызов стал получивший развитие в американской социологии в 1970-е годы и основывающийся на идеях символического интеракционизма и феноменологии конструкционистский подход к социальным проблемам (Spector, Kitsuse 1977; Best 2003; Ибарра, Адорьян 2019). В отличие от предыдущих подходов, для конструкционистов реальность производится субъектами в процессе социального взаимодействия. Будучи воспринимаемой в качестве объективной на уровне повседневного опыта, онтологически она конструируется приписыванием акторами смыслов и значений действиям друг друга и окружающей действительности. В результате негативные обстоятельства приобретают статус социальной проблемы не благодаря степени их опасности или масштабу, а благодаря коллективному определению. Социальные проблемы предстают как деятельность по выдвижению утверждений-требований (*claims-making activity*), в ходе которой группа или индивид обозначает беспокоящие их условия в качестве социальной проблемы и требует их изменения (Spector, Kitsuse 1977). Результатом исследований, выполненных в конструкционистской перспективе, являются многочисленные и многообразные нарративы о «социальном зле» — подростковой преступности, загрязнении окружающей среды, наркомании и др.

Социолог-конструкционист теряет монополию на производство экспертного знания о социальных проблемах. Будучи исследователем дискурса социальных проблем, в то же время он оказывается и одним из его участников (Gubrium, Holstein 2011). Предлагаемые им трактовки могут быть рассмотрены как конструкции «первого порядка» (А. Шюц) и сами стать предметом социологического анализа. В результате социологическое знание становится лишь одной из возможных интерпретаций неблагоприятных обстоятельств и конкурирует с версиями, предлагаемыми государством, медиа, активистами и обывателями. В рамках конструк-

ционистского подхода социальные изменения связываются прежде всего с переменами в коллективных определениях, а не со структурными или институциональными трансформациями.

На сегодняшний день социальный конструкционизм является последней оригинальной концепцией социальных проблем (Challenges and Choices... 2003). Однако внутри социологического сообщества все чаще в его адрес начинает звучать явная критика (Dello Buono 2018; Dello Buono 2015). Предметом критических замечаний выступает игнорирование структурной обусловленности конструирования социальных проблем, а, соответственно и невозможность проведения на его основе преобразований, улучшающих положение тех или иных общностей. Изначально имеющий цель деконструкции социальной реальности, в том числе с помощью предоставления голоса уязвимым группам, обычно исключенным из публичного дискурса (Ибарра, Адорьян 2019), конструкционизм превратился в теорию, поддерживающую существующий статус-кво. Он остался лишь продуктивным аналитическим инструментом, далеким от вклада в общественные преобразования. Выходом из сложившейся ситуации видится разработка диалектического подхода (Dello Buono 2015), учитывающего структурную укорененность социальных акторов и необходимость действительных социальных изменений. Такие призывы не новы (Fuller, Myers 1941), однако на сегодняшний день интегративные варианты синтеза институциональной и конструкционистской оптик (Симонова 2009) не приводят к оригинальным результатам и не выходят за рамки констатации необходимости одновременного учета объективных и субъективных компонентов социальных проблем. Наиболее удачное решение рассматриваемого вопроса, предложенное Р. Ленуаром в духе идей П. Бурдьё (Ленуар 2001), до сих пор осталось не замеченным значительной частью социологического сообщества.

На сегодняшний день социология социальных проблем не преодолела вызовов интегративной волны последней четверти прошлого века (Иванов 2024а) и вошла в XXI в., сохраняя фрагментарность. Текущее положение дел можно охарактеризовать как состояние конкуренции двух основных направлений — институционального (объективистского) и конструкционистского (интеракционистского, или субъективистского), выбор между которыми остается прерогативой и бременем ученых. Кроме того, за исключением редких попыток использования единой концептуальной призм для анализа разных примеров «социального зла» (Merton, Nisbet 1961), в большинстве случаев понимание одной социальной проблемы — ее источников, форм существования, методов решения — оказывается почти бесполезным для понимания другой.

Нерешенным остается и вопрос о роли социолога в социальных изменениях. Несмотря на методологический и теоретический поворот, обусловивший появление конструкционистского подхода, в его рамках знание по-прежнему отделено от действия, а функции познания сводятся к репрезентации и референции. Акционистские проекты А. Турена с его идеей социологической интервенции (Турен 1998) и М. Буравого с концепцией публичной социологии (Burawoy 2005) оказались в стороне от социологического мейнстрима и слабо встроены в современные исследования социальных проблем.

Таким образом, сегодня рассматриваемое предметное поле отстает от магистральных трендов развития социологической науки в целом. Полагаем, что объяснение актуальных социальных противоречий с помощью категорий, разработанных пятьдесят и сто лет назад, выглядит бесперспективным, а потому социология социальных проблем нуждается в переосмотре традиционных подходов и обновлении своего теоретического багажа.

Перспективы развития теории социальных проблем в условиях формирования сетевых и потоковых структур

Сегодня социальные институты и интеракции перестают рассматриваться как единственные структуры, организующие жизнь индивидов. К началу XXI в. все чаще социальная реальность осмысливается как сетевая и потоковая (Appadurai 1996; Castells 2010; Latour 2005; Urri 2000). Согласно М. Кастельсу, сети занимают промежуточное положение между институтами и интеракциями, представляя собой гибкие, мобильные и горизонтальные структуры, коммуникации в которых пересекают институциональные границы (Castells 2010). Представители акторно-сетевой теории предлагают рассматривать социальный мир как сборку, ассамбляж, сеть, объединяющую разнородных акторов, среди которых «человеки» и «не-человеки». При этом ученые осознают недостаточность сетевой оптики. Так, для Б. Латура интерес представляет не столько результат сборки, превращающейся, по сути, в «черный ящик», сколько процесс плетения сети (worknet) (Latour 2005), а М. Кастельс фокусирует свое внимание на повторяющихся обменах между физически разделенными позициями, занимаемыми акторами в сетевых структурах (Castells 2010). Таким образом, сеть выступает скорее инфраструктурой, обеспечивающей движение потоков, — перемещение людей, машинерии, денег, образов, идей, технологий (Appadurai 1996). Несмотря на многообразие разработанных в социологии трактовок сетей и потоков, для нас важно, что сегодня социальная реальность перестает мыслиться лишь как фор-

мируемая нормативными предписаниями или как свободно конструируемая в процессе межличностных интеракций, а может быть рассмотрена как гибкая и подвижная сеть, лишенная классических иерархий и обеспечивающая трансграничное движение потоков.

Несмотря на то что до сих пор категории «сети» и «потока» напрямую не используются в исследованиях социальных проблем, их интеграция в данное предметное поле обладает существенным потенциалом. Во-первых, именно проблематизация, «указывающая на маршруты и обходные пути, которыми нужно двигаться, а также на альянсы, которые нужно заключать» (Каллон 2015: 209), становится отправной точкой плетения сети. По сути, она задает логику и направление формирования связей и ассоциаций, приписывая акторам их идентичности и цели. Примерами таких идентичностей могут служить «мигрант», «безработный», а также «социальный работник», «муниципальный служащий» и др. Такая процедура — не просто маркирование чего-то существовавшего ранее, до начала «плетения», но деятельность, исполнение (*performance*), производство реальности. Актеры, среди которых и материальные объекты, обретают свое место и значение лишь в рамках новых структур. Таким образом, проблема становится отправной точкой создания сети — от того, какие акторы будут привлечены, какие идентичности им приписаны, как будет скоординирована их деятельность, зависит то, каким будет исполнение реальности. Парадоксально, но схожее представление о проблематизации как необходимом условии превращения того или иного явления (безумия, сексуальности, системы наказания) в «объект мысли» и, соответственно, последующего формирования дискурса мы можем найти у М. Фуко (Фуко 1996), ученого, максимально далекого от размышлений об обществе в сетевой оптике.

Во-вторых, социальные проблемы могут быть рассмотрены как разрывы в сетях, по которым проходят потоки, будь то сети коммуникаций в духе М. Кастельса или сборки людей и вещей в интерпретации Б. Латура. Соответственно проблемы — это ситуации, когда взаимодействия прерываются или становятся неэффективными, сети недостаточно плотные или в них случились «поломки». Понятие «плотность» сети может пониматься как характеристика интенсивности, результативности сетевых коммуникаций, устойчивости, многообразия и разветвленности социальных связей, продуктивности совершаемых обменов. Чем больше акторов включено в сеть, чем более разнообразны и интенсивны коммуникации, тем сеть плотнее и прочнее. Решением проблемы будет восстановление утраченных цепочек сети или сборка иного ее варианта — поиск новых союзников, заключение новых альянсов, переопределение идентичностей

участников. Рассмотрение проблем и их решений в оптике сетевых структур находит свое выражение в дискурсах о межинституциональном и межсекторальном взаимодействии, социальном партнерстве (Бодрова 2020). Все более частыми становятся ситуации, когда имеющуюся проблему невозможно решить в рамках одного института, а потому требуется выход за его пределы и выстраивание сети коммуникаций поверх институциональных границ. Таким образом, сегодня найденные практические решения обгоняют теоретическое обоснование.

Новое понимание социальной реальности делает устаревшим использование репрезентационной концепции познания, разделяющей знание и действие, и побуждает к пересмотру устоявшихся представлений о роли социолога в социальных изменениях. Полагаем, что требуется не только новый «инструментарий, обеспечивающий объединение и гибридизацию разнородной разноуровневой информации в виде обогащенного комплекса — дополненных данных (augmented data)» (Иванов 2024b), но и обновление логики всего исследовательского процесса. Это заставляет ученых обратиться к потенциалу перформативного поворота, представляющего собой «переход от репрезентации к исполнению в понимании познания социальной реальности» (Дудина 2013a: 17). В этой методологической перспективе научное знание перестает лишь отражать реальность, но участвует в ее производстве (Pickering 1994). Тем самым снимается антагонизм между незаинтересованным познанием мира и заинтересованным действием, наукой и ценностями (Столярова 2018), исследованием и практикой (Alakavuklar 2023). Исследовательский процесс становится деятельностью, стратегией, включающей вербовку союзников, создание альянсов и выстраивание сетей (Дудина 2013a), а его эффективность может быть оценена не по тому, насколько верно отражается окружающий мир (репрезентация), а по тому, насколько устойчивыми и «твердыми» оказываются произведенные реальности, насколько прочна их новая конфигурация. Эта версия является «сильной программой» роли социологического знания в социальных изменениях (Дудина 2012).

Поскольку решение любой проблемы всегда связано с изменением действительности, в изучении «социального зла» социальная наука наиболее прочно связана с обществом, политикой, ценностями и нормами. Преобладающих в настоящее время прикладных исследований, предоставляющих данные для обоснования тех или иных вмешательств и реформ, оказывается недостаточно. Само исследование должно быть способом решения социальной проблемы. Именно поэтому перформативная логика становится особенно актуальной в обсуждении перспектив развития поля исследований социальных проблем. Сегодня делаются только

первые попытки ее интеграции в процесс научного поиска, находящие отражение в дискуссиях о научном активизме, перформативном активизме (Alakavuklar 2023; Столярова 2018; Ткаченко 2024). В этом случае социолог перестает быть лишь наблюдателем-диагностом или интерпретатором, но становится соисполнителем реальности — специалистом по плетению сети, через которую проходят потоки обменов и коммуникаций. Он занимает активную позицию, «прогибает» реальность под себя, выстраивая новые конфигурации и сети отношений, привлекая людей и материальные объекты, организуя альянсы с сообществами и общественными организациями (Alakavuklar 2023). Перформативные представления наиболее близки почти забытому социологами концепту «социологической интервенции» А. Турена и сегодня воплощаются в партисипативных исследованиях и стратегии action research (Burns 2015).

От сложной социальной реальности к новой интегративной теории социальных проблем

Как показал наш обзор, в социологии последовательно возникали институциональное и конструкционистское объяснения природы социальных проблем. С распространением новых форм социальности — сетевых и потоковых структур — востребованным становится третий подход, в рамках которого проблемы могут быть осмыслены как разрывы в сетях и потоках. Однако сегодня актуальное теоретизирование идет дальше, акцентируя внимание на сложности новой социальной реальности. Выделенные четыре типа социальных структур — институты, интеракции, сети и потоки — не существуют независимо, а взаимопроникают и взаимообуславливают друг друга, образуя сложные гибриды, предстают дополненной социальной реальностью (Иванов 2024b). Удачные примеры разработки объяснений социальных феноменов, основанных на соединении институтов и интеракций, содержатся в теориях П. Бурдьё и Э. Гидденса. Однако развитие представлений о других конфигурациях рассматриваемых структур становится вызовом и насущной задачей социологии.

В изучении социальных проблем оправданно вести речь о перспективах развития нового интегралистского подхода, учитывающего все типы структур и их комбинации. В его рамках в корне всех социальных проблем лежит дезинтеграция, потеря связности внутри и между разными структурами. Например, дисфункциональность институтов обусловлена тем, что нормы и учреждения отрываются от действий акторов и их субъективных смыслов. Дискурсивная бессвязность в одних сообществах и медийная активность в других создают проблемы как сильные и слабые конструкторы, разделяющие группы интересов. Отрыв мегаполисов, где

концентрируются сетевая и потоковая жизнь, по уровню и качеству жизни от малых городов и деревень, где в упадок приходят институты и обедняются интеракции, становится проблемой для самых развитых стран. Преодолевать разрывы на стыках структур разных типов, сосуществующих и в чем-то конкурирующих форм социальности, в будущем станет интегральной задачей исследователей в области социальных проблем.

Новый интегралистский подход, вероятно, будет требовать все более интенсивного движения в сторону применения перформативной методологии, а также объединения в одном исследовании различных методов и стратегий. Растущая сложность социальной реальности предполагает и совершенствование способов ее изучения. Интерпретируя социальные проблемы как недостаток связанности между разными структурами, социологи смогут находить возможности для ее восстановления, а в результате — производить новые реальности. Уже сегодня можно назвать выдающиеся примеры решения проблем, выражающие принципы интеграции разных типов социальности. Одним из них, безусловно, является некоммерческое объединение — поисковый отряд «Лиза Аллерт», объединяющий добровольцев и ставящий своей целью оперативное реагирование и гражданское содействие в поиске пропавших всех категорий¹. Выполняя задачи, с которыми не справляются институциональные структуры, «Лиза Аллерт» комбинирует сетевые и потоковые формы социальности. Организация имеет собственный сайт, а также страницы в разных социальных сетях, что позволяет максимально оперативно с помощью лайков и репостов распространять информацию о новых случаях пропажи людей и генерировать потоки желающих помочь в поисках. Эти потоки активизируются ситуативно под решение конкретных задач. Благодаря гибкости и мобильности такая интегративная структура имеет возможность максимально быстро и эффективно помогать обращающимся, закрывая брешы, возникающие в результате дисфункций социальных институтов. В этом же направлении действуют и иные общественные организации, когда выстраивают коммуникации со своими аудиториями поверх институциональных границ, используя социальные сети, мессенджеры, чат-боты и др., и формируя потоки партнеров и клиентов.

Еще одним случаем решения проблемы (загрязнения окружающей среды) являются протесты против строительства мусорного полигона на станции Шиес, закончившиеся победой общественности в 2020 г. В процессе борьбы активистами был задействован и потенциал социальных сетей, генерирующих потоки сочувствующих, и организация митингов

---

¹ Подробнее см.: <https://lizaalert.org/o-nas/>.

и акций офлайн, и другие методы работы. Этот кейс служит иллюстрацией успешных практик цифрового активизма (Ткаченко 2024), поскольку значительная часть инициатив была организована «снизу» в социальных сетях, минуя официальные медиаисточники и институты. Сегодня эффективные и работающие решения социальных проблем «вырастают» из повседневных практик вовлеченных участников, интуитивно следующих логике социальных изменений и в соответствии с ней вырабатывающих новейшие технологии преодоления противоречий. Такие решения лежат в плоскости комбинации разных типов социальных структур. Следует признать, что социологи пока занимают догоняющую позицию в этом вопросе, однако, для того чтобы быть востребованными, вынуждены будут подхватить этот тренд.

Мы наметили первые, достаточно общие контуры перспектив обновления теории социальных проблем в свете последних академических дискуссий. Получившаяся систематизация пока выглядит весьма лаконичной (табл.) и, безусловно, требует дальнейшей проработки.

В результате теоретического анализа выделены три основных типа теоретизирования в отношении социальных проблем и намечены возможности для развития четвертого типа. В рамках первого типа социальность предстает институционально организованной, а социальные проблемы вызываются «поломками» — дисфункциями и дезорганизацией в функционировании социальных институтов. Участие социолога в социальных изменениях сводится к использованию лицами, принимающими решения, данных, полученных в ходе исследований. Второй тип теоретизирования основан на представлении о реальности как конструируемой в ходе многочисленных интеракций. В этом случае социальные проблемы выступают результатом коллективного определения, а социолог совмещает роли исследователя и участника процесса проблематизации. Потенциал решения социальных проблем в этом случае видится в смене доминирующих дискурсов.

Третий тип теоретизирования в отношении социальных проблем на сегодняшний день слабо представлен в академическом поле, однако безусловно обладает значительным потенциалом. Опираясь на идею о все более заметной роли сетевых и потоковых структур в современности, он трактует социальные проблемы как разрывы в сетях и потоках. Поскольку решение проблем предполагает восстановление утраченных связей и возобновление потоков, социолог становится специалистом «по плетению сети», не просто репрезентируя реальность, а реконструируя ее. Кроме того, полагаем, что на основе развитого третьего подхода можно будет перейти к четвертому, интегралистскому, позволяющему адекватно

Таблица

Теоретические подходы к исследованию социальных проблем

Критерии	Институциональный подход	Конструкционистский подход	Сетевой / потоковый подход	Интегралистский подход
Тип социальной проблемы (онтологические представления)	Социальные институты	Интеракции	Социальные сети и потоки	Дополненная социальная реальность — комбинации четырех типов структур
Социальные проблемы	«Поломки» (дисфункции и дезорганизация) социальных институтов	Процесс конструирования — определения ситуаций как проблемных	Разрывы в сетях и потоках	Разрывы социальной связности между разными типами структур
Концепции	Концепция социальной дезорганизации (Э. Дюркгейм, У. Томас, Ф. Знанецкий) Структурный функционализм (Р. Мертон)	Социальный конструкционизм (М. Спектор, Дж. Китсьюз)	Акторно-сетевая теория (Б. Латур) Теория сетевого общества (М. Кастельс) Концепция потоков (А. Аппадурай, Дж. Урри)	Теория структуры (Э. Гидденс) Теория полей (П. Бурдьё) Теория «дополненной социальной реальности» (Д.В. Иванов)
Роль социолога	Эксперт в объяснении и решении социальных проблем	Участник и исследователь процесса конструирования социальных проблем	Участник / исполнитель реальности	Интегратор экспертных, дискурсивных, перформативных, трансформативных функций / практик
Результат процесса познания	Репрезентация	Репрезентация	Отказ от репрезентации — производство социальной реальности	Отказ от репрезентации — научный/ перформативный активизм
Эмпирические методы	Преимущественно количественные	Преимущественно качественные	Комбинированные методы, партисипативные исследования, action research	Комбинированные методы, партисипативные исследования, action research

интерпретировать разрывы социальности, включая фундаментальный разрыв между истощенной и дополненной современностями (Иванов 2023). Социальные проблемы более эффективно решаются там, где сети плотнее и прочнее, а затем решения продвигаются туда, где нужно преодолевать разрывы и восстанавливать связность социальной жизни.

Понимание социального порядка как подвижного, неустойчивого и динамичного нуждается в обновлении теории социальных проблем. Некоторые элементы такого апгрейда могут быть резюмированы следующим образом.

1. Социологи не должны ограничиваться рассмотрением социальных проблем как дисфункций социальных институтов или конкурирующих дискурсов, проявляющих себя в социальных практиках и зависимых от них. Сегодня все более насущной задачей становится учет разных типов социальности, прежде всего сетевой и потоковой, и реализация исследований, опирающихся на эти теоретические перспективы. Попытки размышлять о социальных проблемах, с одной стороны, как о разрывах в сетях и потоках, а с другой — как об источниках конфигурации различных версий социальной реальности, могут существенно продвинуть наше понимание как привычных социальных проблем, так и вновь возникающих угроз.

2. На основе расширения представлений о разнообразии источников и проявлений социальных проблем станет востребованным развитие нового интегралистского подхода, соответствующего актуальным трендам в социологии. Ключевой для анализа социальных проблем станет категория «дезинтеграции». Представления о том, что причиной «социального зла» служит дезинтеграция, не новы. Еще Э. Дюркгейм, У. Томас и Ф. Знанецкий активно использовали этот теоретический конструкт, однако оставались при этом в рамках рассмотрения реальности как организованной институционально, т.е. говорили о потере связанности внутри одной социальной структуры — рассогласовании нормативной регуляции социальной жизни. Конкуренция между разными дискурсами или разрывы в сетях и потоках также могут быть истолкованы как проявления дезинтеграционных и дезорганизующих процессов, но развивающихся внутри одного типа структур. Интегралистская оптика идет дальше и отстаивает взгляд на реальность как на комбинацию разных типов социальности, например институтов и интеракций в версиях П. Бурдьё и Э. Гидденса. Сегодня только начинается разговор об усложнении социального порядка, пересечении и взаимопроникновении сетей и потоков, с одной стороны, и институтов и интеракций — с другой. Полагаем, что новейшие представления о реальности потребуют

и новых интерпретаций социальных проблем как результата дезинтеграции уже не только внутри одного типа структур, но между разными социальными структурами. Соответственно эффективные решения будут заключаться в преодолении дезинтеграционных процессов, в поиске большей связанности и согласованности, преодолении противоречий на обоих уровнях.

3. Новый теоретический проект потребует усложнения методологических подходов к процессу познания, сочетания разных методов и исследовательских стратегий в постижении меняющейся современности. Классические способы получения знания будут дополняться вновь возникающими, а репрезентационные модели исследовательского процесса — перформативными.

Подчеркнем, что речь идет не о полной замене одного способа теоретизирования или методологического подхода другим, а о поиске вариантов их интеграции, взаимообогащения и взаимодополнения, повышающих наше понимание текущих вызовов и угроз.

Заключение

Мы кратко рассмотрели основные теоретические перспективы, сложившиеся в социологии в отношении изучения социальных проблем, и показали ограничения существующих концепций в объяснении актуальных социальных процессов. Несмотря на то что исследования социальных проблем следовали в общей логике развития социологии, сегодня они очевидно отстают от новейших теоретических разработок. Некоторые вызовы так и не были преодолены, а современные представления о социальности, равно как и перформативный методологический поворот, до сих пор не интегрированы в рассматриваемое предметное поле.

На сегодняшний день и институциональный, и конструкционистский подходы к изучению социальных проблем исчерпали себя в качестве односторонних, абсолютизируемых доктрин. Конкуренция между ними лишь усложняет объяснение социальных процессов и не приводит к оригинальным результатам. Теряет значимость и сведение исследовательского процесса к репрезентации окружающей действительности: исключительно диагностические и описательные функции социолога должны быть дополнены перформативными и трансформативными, требующими активности и вовлеченности исследователей в социальные практики, в сложную ткань социальной жизни. В этих условиях интегралистский подход, апеллирующий к логике теорий, выявляющих взаимосвязанность и взаимообусловленность социальных структур разных типов, выглядит привлекательной, хотя и не близкой перспективой.

Настоящая статья представляет собой скорее постановку задачи, а не готовое решение. Это лишь первый шаг на пути ревизии и обновления современной теории социальных проблем. Отметим лишь, что, для того чтобы отстаивать собственное право на экспертность за пределами академии, социологи не только должны быть «прикладниками», но и наращивать свой теоретический потенциал, предлагая нетривиальные объяснительные модели, выходящие за рамки категорий здравого смысла. Сегодня основными трендами являются движение от разобщенности и абсолютизации отдельных теорий и подходов к попыткам их синтеза и интеграции, а также переход от репрезентации к перформативности в процессах познания. Для того чтобы новые идеи стали частью теории социальных проблем, нужно приложить немало усилий.

Литература / References

Бауман З. (1996) *Мыслить социологически*: учеб. пос. Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Аспект Пресс.

Bauman Z. (1996) *Thinking Sociologically*. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Богомягкова Е.С. (2016) Потенциал социологии эмоции в исследовании социальных проблем. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 4: 41–52.

Bogomiagkova E.S. (2016) The Potential of the Sociology of Emotions in the Study of Social Problems. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], 4: 41–52 (in Russian).

Бодрова О.А. (2020) Партнерство в социальной сфере: трансформация межинституционального взаимодействия. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 57: 190–199.

Bodrova O.A. (2020) Partnership in the Social Sphere: Transformation of Inter-Institutional Interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 57: 190–199 (in Russian).

Дудина В.И. (2012) Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(3): 35–50.

Dudina V.I. (2012) Epistemological Reconfiguration of Sociological Knowledge: from Representation to Performativity. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(3): 35–50 (in Russian).

Дудина В.И. (2013а) Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии. *Социологические исследования*, 10: 13–21.

Dudina V.I. (2013a) Fictitious Crisis of Sociology and a New Shape of Epistemology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 10: 13–21 (in Russian).

Дудина В.И. (2013b) *Эпистемические матрицы социологического знания*. СПб.: Изд. дом СПбГУ.

Dudina V.I. (2013b) *Epistemic matrices of sociological knowledge*. St. Petersburg: Izdatel'skii dom St. Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russian).

Ибарра П., Адорьян М. (2019) Социальный конструкционизм: социальные проблемы как выдвигание требований (часть 1). *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*, 48: 143–182.

Ibarra P.R., Adoryan M. (2019) Social constructionism: social problems as claims-making (part 1). *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya:4M)* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology:4M)], 48: 143–182 (in Russian).

Иванов Д.В. (2023) Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 7–35.

Ivanov D.V. (2023) Critical theory of digitalization: algorithmic rationality domination and authenticity revolt. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 7–35 (in Russian).

Иванов Д.В. (2024a) Третья интегративная волна в развитии социологии. Ч. 1: Актуальность новой повестки. *Социологические исследования*, 6: 3–15.

Ivanov D.V. (2024a) The Third Integrative Wave in Sociology. Part I: The Relevance of a New Agenda. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 6: 3–15 (in Russian).

Иванов Д.В. (2024b) Третья интегративная волна в развитии социологии. Ч. 2: Теории и методы для дополненной социальной реальности. *Социологические исследования*, 7: 23–36.

Ivanov D.V. (2024b) The Third Integrative Wave in Sociology's Development. Part II. Theories and Methods for Augmented Social Reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 7: 23–36 (in Russian).

Каллон М. (2015) Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё. *Социология власти*, 1: 196–231.

Callon M. (2015) Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of Saint Brieuc Bay. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 1: 196–231 (in Russian).

Лапин Н.И. (2004) *Эмпирическая социология в Западной Европе*: учеб. пос. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Lapin N.I. (2004) *Empirical sociology in Western Europe*: a teaching aid. Moscow: Izdatel'skii dom GU VShE (in Russian).

Ленуар Р. (2001) Предмет социологии и социальная проблема. В кн.: *Начала практической социологии*. Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Д.В. Баженова, Е.Д. Вознесенской, Г.А. Чередниченко; отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко; послесл. А.Т. Бикбова. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя: 77–145.

LeNoire R. (2001) The subject of sociology and the social problem. In: *The beginnings of practical sociology*. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aletea: 77–145 (in Russian).

Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ; Хранитель.

Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST; Khranitel (in Russian).

Симонова Т.М. (2009) Теоретические аспекты изучения социальных проблем. *Социологические исследования*, 8: 65–69.

Simonova T.M. (2009) Theoretical aspects of the study of social problems. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 8: 65–69 (in Russian).

Столярова О.Е. (2018) Научный активизм и идея перформативности. *Epistemology & Philosophy of Science*, 55(2): 42–48.

Stolyarova O. (2018) Science activism and idea of performativity. *Epistemology & Philosophy of Science*, 55(2): 42–48 (in Russian).

Сыроед Н.С., Осмачко Н.В., Гайнуллина Ю.И. [и др.] (2020) *Социальные проблемы: учеб. пос. для академического бакалавриата*. Под ред. Н.С. Сыроед. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та.

Syroed N.S., Osmachko N.V., Gainullina Yu.I. [et al.] (2020) *Social Problems: A Textbook for the Academic Bachelor's Degree*. N.S. Syroed (ed.). Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta (in Russian).

Ткаченко К.В. (2024) Перформативный активизм или перформативность активизма: от концептуализации к исследованиям. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 17(2): 141–158.

Tkachenko K.V. (2024) Performative activism or performativity of activism: From conceptualization to research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], 17(2): 141–158 (in Russian).

Турен А. (1998) *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. М.: Научный мир.

Touraine A. (1998) *The Return of the Active Man. An Essay on Sociology*. Moscow: Nauchnyj mir (in Russian).

Фуко М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Пер. с фр. М.: Касталь.

Foucault M. (1996) *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works from Different Years*. Moscow: Castal (in Russian).

Alakavuklar O. (2023) An attempt to become an-Other critical scholar: Bridging as 'activist performativity'. *Management Learning*, 55(1): 1–16.

Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis.

Best J. (2003) Social problems. In: Reynolds L. T., Herman-Kinney N. J. (eds.) *Handbook of Symbolic Interactionism*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press: 981–996.

Burawoy M. (2005) For Public Sociology. *American Sociological Review*, 70: 4–28.

Burns A. (2015) Action research. In: Brown J. D., Coombe C. (eds.) *The Cambridge Guide to Research in Language Teaching and Learning*. Cambridge: Cambridge University Press: 187–204.

Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed.. Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Holstein J. A., Miller G. (eds.) (2003) *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. New York: Walter de Gruyter.

Dello Buono R. (2015) Presidential Address: Reimagining Social Problems: Moving Beyond Social Constructionism. *Social Problems*, 62(3): 331–342. <https://doi.org/10.1093/socpro/spv013>.

Dello Buono R. (2018) Social Constructionism in Decline. A “Natural History” of a Paradigmatic Crisis. *The Lab's Quarterly*, 20(3): 7–19.

Fuller R.C., Myers R.R. (1941) The natural history of a social problem. *American Sociological Review*, 6: 320–328.

Gubrium J.F., Holstein J.A. (2012) “Don’t Argue with the Members”. *The American Sociologist*, 43(1): 85–98. <https://doi.org/10.1007/s12108-011-9145-y>.

Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Loseke D.R. (2009) Examining Emotion as Discourse: Emotion Codes and Presidential Speeches Justifying War. *Sociological Quarterly*, 50(3): 497–524.

Loseke D.R. (2013) Keynote Address: Empirically Exploring Narrative Productions of Meaning in Public Life. *Qualitative Sociology Review*, 9(3): 13–30.

Merton R.K., Nisbet R.A. (eds.) (1961) *Contemporary Social Problems: An Introduction to the Sociology of Deviant Behavior and Social Disorganization*. New York: Harcourt, Brace & World.

Pickering A. (1994) After representation: Science studies in the performative idiom. *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, 2: 413–419.

Spector M., Kitsuse J. (1977) *Constructing Social Problems*. Menlo Park: Cummings Publishing Company.

Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London; New York: Routledge.

THEORY OF SOCIAL PROBLEMS IN UNDERSTANDING OF CHANGING MODERNITY

Elena Bogomiagkova (e.bogomyagkova@spbu.ru)

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Bogomiagkova E. (2025) Theory of social problems in understanding of changing modernity. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 7–29 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.1> EDN: IDZ0YR

Abstract. The article is an attempt to revise and update the theory of social problems in the context of social transformations at the turn of the 20th and 21st centuries. The current situation in sociology can be characterized as a crisis of the theory of social problems. Despite the successes achieved in the study of separate topics, a significant part of the empirical research either relies on concepts developed in the 20th century or does not use any clear conceptual apparatus at all. However, social reality is changing dramatically: today, along with institutions and interactions, network and flow structures are becoming more widespread, and a hybrid, augmented reality is being formed. As a result, the concepts created to explain the processes that took place in the 19th and 20th centuries are becoming insensitive to the current situation. The purpose of the article is to outline the prospects for its further transformation in the context of the expansion of new types of sociality based on the analysis of the existing configuration of knowledge. As a result, the main types of theorizing that have developed in sociology in relation to the study of social problems were identified and described, and the limitations of existing concepts in explaining current social processes were shown. The following criteria were used for the distinction: 1) understanding of the social order and the underlying type of sociality and 2) a view of the role of a sociologist in social change. The first two types are traditional and rely on objectivist interpretations of social reality, represented by the concept of social disorganization and structural functionalism, and on social constructionism. Accordingly, in these cases, social problems are interpreted in terms of institutions and interactions. The third type of theorizing is poorly represented today in the academic field, but we believe that it is promising in understanding the current situation. It is based on ideas about the complexity of modern reality and the increasingly noticeable role of network and flow structures in it. In addition, based on the developed third approach, it is possible to move to the fourth, integrative one, which allows for an adequate interpretation of the gaps in sociality, including the fundamental gap between the exhausted and augmented modernities. If contemporary sociology of social problems claims to adequately explain current processes and strives to offer non-trivial and working solutions, it must include the latest concepts about sociality in its theoretical arsenal and begin moving from a representational to a performative model of knowledge. Accordingly, established scientific ideas about the role of a sociologist in studying and solving social problems need to be revised.

Keywords: social problems, sociological theory, institutional concepts of social problems, social constructionism, social networks, social flows, augmented reality.

Acknowledgements

This work is based on research supported by the Russian Science Foundation (the grant no. 24-18-00261, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00261>).

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

РЕГИОНАЛЬНАЯ, ОТРАСЛЕВАЯ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТРУДА НА РОССИЙСКОЙ ПЛАТФОРМЕ ЗАНЯТОСТИ «ПРОФИ»

Марсель Салаватович Туракаев^{1,2}
(mturakaev@gmail.com)

Алсу Ильшатовна Батталова¹
(battalovaalsu@yandex.ru)

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

² Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Москва, Россия

Цитирование: Туракаев М.С., Батталова А.И. (2025) Региональная, отраслевая и социально-демографическая дифференциация структуры предложения труда на российской платформе занятости «Профи». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 30–56. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.2> EDN: IGTLSP

Аннотация. Статья посвящена анализу профилей платформенных занятых одного из самых популярных сервисов по поиску и предложению работы «Профи» (profi.ru). Труд платформенных занятых почти всегда принимает неформальную и нестандартную форму. Цель исследования заключается в выявлении региональной, отраслевой и социально-демографической структуры предложения труда на российской платформе занятости «Профи». Данные с сайта profi.ru получены в результате краулинга/скачивания. Объем полученных данных в итоге составил 965 726 уникальных профилей платформы (из них 935 312 профилей относятся к России). Основными параметрами, которые были использованы для выполнения поставленных в работе задач, являются социально-демографические и другие данные о самом занятом, а также категории услуг сервиса «Профи». В связи с тем, что некоторые параметры невозможно было автоматически выгрузить с сайта, возникла необходимость обогащения таких данных, как возраст и общий опыт работы. Анализ метакатегорий услуг исполнителей сервиса «Профи», а также кластеризованных категорий услуг, полученных методом вероятностного латентно-семантического анализа ключевых слов в описании профилей пользователей, показал, что самыми распространенными отраслями (сферами) являются услуги, связанные с ремонтом, сферой красоты и репетиторством, а самыми редкими стали такие узкоспециализированные сферы деятельности, как психология, перевозки, фитнес, юридические услуги и др. Кроме того, выявлена социально-демографическая структура категорий услуг исполнителей, а также их региональная

дифференциация. Услуги исполнителей платформы «Профи» больше всего распространены в относительно развитых социально-экономически регионах и городах России. Это может быть связано с высоким уровнем развития практик использования цифровых платформ для поиска и предложения работы.

Ключевые слова: неформальная занятость, самозанятость, фриланс, большие данные, платформенная занятость, «Профи», profi.ru.

Введение

В России возрастает распространенность платформенной занятости преимущественно в больших городах и экономически развитых регионах страны «как в терминах оборота средств, так и по числу занятых» (Синявская и др. 2021). Среди причин роста платформенной занятости, помимо виртуализации общества и цифровизации экономики, выделяются распространенность теневой экономики и неустойчивой занятости (Бобков, Черных 2020). Поиск работы посредством цифровых платформ удаленными (онлайн) работниками, а также офлайн-работниками мы рассматриваем как преимущественно неформальную занятость. Цифровые платформы занятости или онлайн рынки труда выступают в качестве посредников между заказчиками и исполнителями, не предоставляя каких-либо социальных и трудовых гарантий работникам и не гарантируя выполнение и качество работы заказчикам. Признаком неформальной занятости является небольшая длительность трудовых отношений (неформально занятые чаще всего берут разовые заказы). Кроме того, неформальность трудовых отношений работника и работодателя возникает в связи с несоблюдением трудовых прав работника. Работа в неформальном секторе экономики также рассматривается как неформальная. К примеру, В.Е. Гимпельсон и Р.И. Капелюшников выделяют производственный (основной критерий — организации, работающие без официальной регистрации) и легалистский (основной критерий — нарушение трудовых прав работников) подходы к неформальной занятости (Гимпельсон, Капелюшников 2013).

Преимуществом и причиной популярности платформенной занятости среди онлайн- и офлайн-работников, а также заказчиков является возможность уходить от налоговых и социальных отчислений, что позволяет платформенным занятым зарабатывать сравнительно больше, а работодателям платить меньше. Социально-трудовые отношения исполнителей и заказчиков (компаний и физических лиц) практически полностью находятся в неформальной экономике (Стребков, Шевчук 2022). Известно, что в некоторых странах уже начался процесс «введения новых форм

занятости в нормативное поле», опосредованных цифровыми платформами (Синявская и др. 2021). В 2023 г. были внесены поправки в закон «О занятости населения в Российской Федерации» в части платформенной занятости, в результате чего был создан единый интернет-портал «Работа России»¹. Последние два года активно обсуждается законопроект о платформенной занятости, направленный на предоставление социальных гарантий лицам, занятым на цифровых платформах².

Н. Срничек определяет любые цифровые платформы как «новый тип фирмы; их особенность в том, что они обеспечивают инфраструктуру, выступающую посредником между различными группами пользователей, тяготеют к монопольным форматам за счет сетевых эффектов, используют перекрестное субсидирование ради вовлечения различных групп пользователей и опираются на некоторую базовую архитектуру, определяющую возможности взаимодействия» (Срничек 2019: 77). Как пишет Г.Ю. Канарш, новый высокотехнологичный капитализм порождает следующие социальные проблемы: эксплуатация (приватизация компаниями данных пользователей), неравенство (сокращение традиционных сфер занятости и падение доходов среднего класса), монополизм (увеличение благосостояния компаний за счет доминирующего положения, извлечение ренты), надзорный капитализм (контроль за поведением людей), цифровая собственность (лишение прав собственности из-за лицензионных соглашений), прекаризация (гиг-экономика способствует прекаризации трудовой занятости), эксплуатация природы и работников сферы производства цифровых товаров в странах третьего мира (Канарш 2022a: 100–101; Канарш 2022b: 127–128). Л.В. Томин выделяет такие «структурные противоречия» модели «капитализма платформ», как усиление государственного и корпоративного контроля за гражданами; прекаризация занятости; рост уровня бедности; жилищный кризис; «цифровой тейлоризм» (лишение сотрудника автономии и приватности на рабочем месте); деполитизация отношений гражданина и государства (усиление роли корпораций) (Томин 2019).

В данной статье авторы рассматривают только структуру предложения труда на примере платформы занятости «Профи», поскольку на основании

---

¹ Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 № 565-ФЗ (последняя редакция). *КонсультантПлюс* [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093] (дата обращения: 09.10.2024).

² Исаев А. О законах-спутниках к закону о занятости [<https://er.ru/activity/news/o-zakonah-sputnikah-k-zakonu-o-zanyatosti-statya-andreya-isaeva>] (дата обращения: 10.10.24).

полученных данных выявить роль платформенных капиталистов и глобальных инвесторов цифровой экономики, а также их интересы не представляется возможным.

В настоящем исследовании мы применяем один из методов идентификации неформально занятых, предлагающих свои услуги в интернете. Отбор профилей с платформы «Профи» осуществлялся методом идентификации профилей на платформах занятости. Исследования неформально занятых на цифровых платформах занятости опираются на анализ опубликованных открытых данных, поддающихся краулингу (скачиванию): вакансий, резюме с услугами, конкурсов, проектов, заказов и других данных онлайн-рынков труда (Shevchuk et al. 2021: 94–113; Стребков, и др. 2019; Макеев 2019; Баймурзина, Черных 2024; Kassi, Lehdonvirta 2018). Несмотря на то что данные слабоструктурированные, все профили пользователей сайта относятся к физическим лицам или организациям, предоставляющим частные услуги. Такая форма занятости в настоящее время не регулируется законодательством. Однако такие отношения все же можно назвать трудовыми.

Кроме того, среди исследователей популярны методы отбора релевантных профилей преимущественно в социальных сетях при помощи лингвистических маркеров (ключевых слов и стоп-слов) (Мищенко и др. 2022; Бабкина и др. 2018; Чудинов и др. 2021; Чернышев и др. 2023; Плешкевич 2022) и метода снежного кома начиная с известного и точно идентифицированного профиля или сообщества (Мацута и др. 2020; Щекотин и др. 2022; Щекотин и др. 2023).

Среди преимуществ платформенной занятости для работников исследователи выделяют высокий спрос на услуги со стороны работодателей, снижение издержек на поиск работы, гибкий график работы, возможности для «женщин, находящихся в отпуске по уходу за детьми, лиц с ограниченными возможностями здоровья, мигрантов» (Гохберг и др. 2023: 45), стимулирование рождаемости за счет удаленной занятости женщин с детьми (Черных 2021; Тонких 2021), снижение затрат на транспорт и питание, дополнительное свободное время (Плотников, Брагина 2021), свобода выбора проектов, места и графика работы¹. Среди недостатков выделяются дисбаланс семьи и работы, ухудшение здоровья (Стребков, Шевчук 2019; Шевчук, Красильникова 2019; Iskra-Golec et al. 2016), проблемы с самоконтролем, нарушение корпоративных связей (Плотников,

---

¹ Платформенная занятость: вызовы и возможные решения (2022). Фонд «Центр стратегических разработок» [<https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0uyx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf>] (дата обращения: 09.10.2024). С. 19.

Брагина 2021), высокая конкуренция, нестабильность, ограничения карьерного роста, проблема безопасности данных (Гохберг и др. 2023: 45), сложность выхода на рынок, отсутствие социальных гарантий, переработки и штрафы¹.

Негарантированный и неустойчивый труд, проявляющийся в неопределенности относительно длительности трудовых отношений с работодателем и условий и оплаты труда, а также в отсутствии социальных льгот, имеет свои негативные социальные последствия как для самих неформально занятых, так и для общества в целом. Неформально занятые (в том числе самозанятые), осуществляющие поиск работы на цифровых платформах, не имеют социальных и трудовых гарантий занятости. Государство недополучает налоговые отчисления и не регулирует трудовую занятость неформальных удаленных и офлайн-работников. Кроме того, труд платформенных занятых часто имеет нестандартный характер, предполагающий гибкий график работы, который негативно сказывается на здоровье и балансе семьи / личной жизни и работы.

Методология и методы

Объектом настоящего исследования стали профили платформенных занятых с сайта по поиску и предложению работы «Профи» (profi.ru). Цель исследования заключается в выявлении региональной, отраслевой и социально-демографической структуры предложения труда России на платформе занятости «Профи». Задачи исследования заключаются 1) в описании основных социально-демографических характеристик услуг платформенных занятых сервиса «Профи» по отраслям и регионам страны и 2) выявлении отраслевой и региональной специфики структуры предложения труда на платформе занятости «Профи».

В работе выдвигаются следующие гипотезы исследования: 1) на сайте «Профи» платформенные занятые мужчины чаще женщин оказывают услуги в сфере строительства и ремонта, а женщины чаще мужчин оказывают услуги в сфере красоты; 2) услуги платформенных занятых на сервисе «Профи» сравнительно больше распространены в социально-экономически развитых субъектах РФ.

«Профи» (profi.ru) — цифровая платформа для поиска заказов и профессионалов в разных областях специализации, в том числе удаленных (онлайн-) и офлайн-работников. Это один из крупнейших сайтов по поиску и предложению работы в категории «работа и занятость» по дан-

---

¹ Платформенная занятость: вызовы и возможные решения (2022). Фонд «Центр стратегических разработок» [https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0_uhx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf] (дата обращения: 09.10.2024). С. 20.

ным сервиса веб-аналитики Similarweb¹. За сентябрь 2024 г. сайт посетили 9,3 млн человек.

Платформа занятости «Профи» — один из самых популярных сайтов как для удаленных работников (фрилансеров), так и для офлайн-занятых, которые ищут работу. Тут можно найти специалистов широкого круга специализаций из разных регионов страны (2600 тыс. специалистов по 900 видам услуг)². Схожими по охвату платформенных занятых являются сервисы YouDo (2,1 млн визитов за сентябрь 2024 г.) и «Яндекс.Услуги» (5 млн визитов за сентябрь 2024 г.). Однако выгрузить данные с этих двух сайтов технически невозможно, в том числе поэтому мы остановились на платформе «Профи». Существует техническая возможность выгрузить только данные профилей пользователей, предлагающих частные услуги, с сайта profi.ru. Данные заказов, заказчиков и вакансий недоступны для выгрузки.

Данные профилей пользователей сервиса «Профи» состоят из таких элементов, как персональные и рейтинговые данные, а также социально-демографические характеристики платформенных занятых (специалистов) или организаций. Сюда входят фото профиля, ФИО, пол, местонахождение (страна, субъект РФ, город, адреса, метро), образование (название учебного заведения или курсов, факультет, специализация (направление), период обучения), статус профиля («специалист»/«организация»); место работы («выезд к клиенту» или «принимает у себя»); количество лет на сайте, дата последнего посещения сайта, рейтинг на сайте, активность («активный»/«неактивный»); статус верификации профиля («верифицирован»/«не верифицирован»), проверка паспорта («паспорт проверен» / «паспорт не проверен»), результат проверки паспорта («имя, фамилия и фото совпадают», «следы редактирования отсутствуют»), подтверждение образования, квалификаций и опыта работы («подтверждено ПРОФИ», «подтверждено документом»). Отдельно стоит выделить категории специализаций специалистов или организаций, которые описываются ключевыми словами, характеризующими навыки; данные «О себе», которые представляют собой текстовое описание карьерного пути, предоставляемых услуг и их стоимости, а также опыта работы и дополнительные достижения (курсы, сертификаты, дипломы и т.д., а также годы получения достижений). Раздел с услугами и их стоимостью описывает категории услуг, фото работ по каждой категории услуги, стоимость услуги в валюте

¹ Top Websites Ranking. Most Visited Jobs and Employment Websites in Russia [https://www.similarweb.com/top-websites/russian-federation/jobs-and-career/jobs-and-employment] (дата обращения: 09.10.2024).

² Что такое Профи? [https://profi.ru/about] (дата обращения: 09.10.2024).

или стоимость «по договоренности», а также предоставляемые пользователем заказчику гарантии и скидки. Последний раздел описания профиля пользователя включает отзывы о специалисте или организации по категориям услуг: оценка из пяти звезд, дата отзыва, текст отзыва, данные о заказчике, который оставил отзыв, ответ исполнителя на отзыв, количество лайков и дизлайков на отзыв.

Основными ограничениями, которые не позволяют делать более точные выводы о формальности работы и масштабах структуры предложения труда на платформе занятости «Профи» являются невозможность определить правовой статус исполнителя (зарегистрирован как самозанятый, ИП, нет регистрации, физическое лицо), невозможность выгрузить информацию о заказчиках и заказах, а также неточность самих данных профилей. Так, профили специалистов могут оказаться профилями организаций и наоборот. Профили могут дублироваться, так как специалисты могут работать и под аккаунтами организаций. Также под одним профилем могут скрываться несколько специалистов (Баймурзина, Черных 2024: 216). Реальное местоположение исполнителя также может отличаться от указанного местоположения в профиле. Занятые на других национальных рынках труда не учитываются в силу того, что, опираясь только на большие нереактивные данные, невозможно определить реальное местоположение платформенно занятого.

Выгруженный датасет *profi.ru* получен в результате выполнения следующих действий: извлечение первичных слабоструктурированных данных из сети Интернет — краулинг/скачивание; преобразование, связывание и подготовка массива данных для дальнейшего применения средств статистического анализа данных. В результате скачано 965 726 уникальных профилей. Из них 935 312 профилей относятся к России. 897 418 профилей не относятся к организации, т.е. это платформенные занятые, имеющие на сайте статус «специалист». Затем отфильтрованные данные профилей были объединены с данными об услугах и ценах, что привело к значительному увеличению объема данных. Количество услуг с указанием и без указания стоимости составило в итоге 8 903 510 строк. Распределение уникальных профилей платформенных занятых по регионам показано на рисунке 1. На карте плохо заметны Москва и Санкт-Петербург, и именно в этих субъектах страны самое большое количество пользователей. Наибольшая доля пользователей приходится на Москву (431 041 профилей), Санкт-Петербург (119 378), Краснодарский край (35 919), Свердловскую область (22 742), Новосибирскую область (19 021), Татарстан (17 492), Ростовскую область (14 719), Нижегородскую область (13 711), Самарскую область (12 688) и Красноярский край (9986).

Рис. 1. Распределение уникальных профилей платформенных занятых сервиса «Профи» по регионам России (количество)
(выгруженные данные профилей исполнителей цифровой платформы «Профи»)

В целях анализа категорий услуг платформенных занятых использованы автоматически выгруженные метакатегории услуг сервиса «Профи» и кластеризованные категории услуг, полученные методом вероятностного латентно-семантического анализа ключевых слов в описании профилей пользователей данной платформы.

Отраслевая дифференциация услуг платформенных занятых сервиса «Профи»

Рассмотрим некоторые доступные параметры структуры предложения труда России на платформе занятости «Профи». Наблюдений достаточно много, а параметров недостаточно, чтобы делать основательные выводы о социальном портрете занятого на цифровой платформе, его доходах, активности и т.д. Кроме этого, большие данные как правило нерепрезентативны, что делает невозможным процедуру обобщения результатов исследования на все или хотя бы часть регионов России. Сплошное обследование всех профилей интернет-платформы не позволяет достичь необходимой представительности полученных данных, так как сама структура этих данных не представительна. Тем более что одни и те же исполнители могут присутствовать на разных платформах и в социальных сетях. Сопоставить автоматически эти данные также пока не представляется возможным, так как они не структурированы и к тому же слишком большого объема. Таким образом, региональная дифференциация занятых на платформе «Профи» не репрезентирует сферу предложения платфор-

менных занятых в России или в отдельном регионе. Однако мы можем делать выводы о распространенности структуры предложения труда России на примере платформы занятости «Профи». В данном случае это одна из самых популярных в России и некоторых странах СНГ платформа.

Согласно метакатегориям услуг «по умолчанию» сервиса «Профи», мы видим, что «ремонт», «репетиторство» и «красота» самые распространенные категории услуг на данном сайте (табл. 1). В свою очередь, такие категории услуг, как «спорт», «артисты», «разное», «ветеринары», «автоинструкторы», менее популярны среди исполнителей. Стоит отметить, что таксисты здесь не представлены, так как они используют другие специализированные сервисы услуг.

Таблица 1

Метакатегории услуг сервиса Профи

Категории	Частота	%
Ремонт (remont)	3 358 446	37,8
Репетиторы (repetitor)	2 055 401	23,1
Красота (krasota)	1 469 349	16,5
Информационные технологии и фриланс (it_freelance)	648 602	7,3
Домашний персонал (domashnii_personal)	362 511	4,1
Бухгалтеры и юристы (buhgaltery_i_yuristy)	355 962	4,0
Спорт (sport)	190 167	2,1
Артисты (artist)	189 446	2,1
Разное (raznoe)	171 961	1,9
Ветеринары (veterinar)	57 778	0,6
Автоинструктор (autoinstructor)	36 232	0,4
Всего	8 895 855	100,0

Источник: выгруженные данные профилей исполнителей цифровой платформы «Профи».

Для сравнения приведем распределение категорий услуг по кластерам. В результате процедуры кластеризации методом вероятностного латентно-семантического анализа на основании ключевых слов в профилях исполнителей было получено 19 кластеров (табл. 2). Также была попытка получить кластеры, используя непосредственно названия услуг, но в данном случае почти все кластеры пересекались, так как у одного пользователя могут быть разные услуги из разных категорий услуг. Категории услуг, полученные методом кластеризации, гораздо детальнее автоматически

выгруженных метакатегорий услуг сервиса «Профи». Хотя не все профи исполнителей платформы «Профи» вошли в полученные кластеры, общее достаточно большое количество данных внушает доверие к полученным результатам.

В таблице 2 можно увидеть, что самыми распространенными являются сферы услуг, связанные с ремонтом, сферой красоты и репетиторством. Это подтверждает распределение по метакатегориям. В свою очередь, относительно менее популярными на платформе «Профи» услугами стали узкоспециализированные сферы деятельности, такие как психология, перевозки, фитнес, юридические услуги и т.д. Здесь можно отметить более детализированное представление видов услуг.

Таблица 2

Кластеризованные категории услуг сервиса «Профи»

Кластеры	Частота	%
Работа, ремонт, мелкий, отделочный, сантехника, малярный, комплексный, пол, штукатурный, плиточник	1 376 793	15,5
Мебель, ремонт, сборка, дверь, окно, мелкий, сантехника, кухонный, гарнитур, замок	924 246	10,4
Язык, английский, русский	706 100	7,9
Установка, монтаж, компьютер, настройка, машина, кондиционер, стиральный, система, электромонтажный, программный	634 694	7,1
Бровь, волос, коррекция, окрашивание, макияж, татуаж, прическа, стрижка, укладка, ресница	537 071	6,0
Строительство, демонтаж, конструкция, сооружение, монтаж, металлоконструкция, натяжной, стена, сварка, территория	465 368	5,2
Школа, подготовка, начальный, игра, обучение, музыка, музыкальный, фортепиано, логопед, сольфеджио	451 862	5,1
Дизайн, обучение, разработка, графический, дизайнер, логотип, полиграфия, художник, рисование	426 491	4,8
Фотограф, фотосъёмка, фотосессия, интерьер, портретный, пошив, дизайн-проект, выездной, дизайн, фотография	427 936	4,8
Текст, набор, создание, копирайтер, сайт, редактор, продвижение, маркетинг, интернет-маркетинг, веб-дизайн	371 586	4,2
Математика, физика, алгебра, информатика, геометрия, высокий	374 575	4,2
Массаж, классический, антицеллюлитный, эпиляция	325 872	3,7
Маникюр, ноготь, наращивание, гель-лак, ресница, педикюр, аппаратный, снятие, дизайн, классический	320 458	3,6

Окончание табл. 2

Кластеры	Частота	%
Составление, юрист, учёт, сдача, документ, отчётность, исковый, заявление, бухгалтер, бухгалтерский	311 553	3,5
Уборка, квартира, домработница, генеральный, собака	305 911	3,4
Фитнес, танец, заказ, стретчинг, шоу, ведущий, вокал, хореография, тренинг, йога	293 357	3,3
Химия, услуга, цена, история, обществознание, биология, недвижимость, неорганический, органический	245 539	2,8
Водитель, грузоперевозка, курьер, автомобиль, переезд, перевозка, персональный, грузчик, вождение, доставка	196 597	2,2
Психология, помощь, коучинг, психологический, взрослый, поиск, взаимоотношение, проблема, решение, семейный	199 846	2,2
Всего	8 895 855	100,0

Источник: выгруженные данные профилей исполнителей цифровой платформы «Профи».

Кластеризованные категории услуг, равно как и метакатегории услуг, далеки от идеального соотношения с опубликованными пользователями услугами. Если кластеры так или иначе пересекаются, то в метакатегориях «Профи» можно обнаружить услуги, которые не имеют отношения к самой категории.

Социально-демографическая дифференциация услуг платформенных занятых сервиса «Профи»

Основными параметрами профилей цифровой платформы «Профи», представляющими социальный портрет исполнителей, являются их социально-демографические характеристики. Далеко не во всех профилях указаны пол и образование, а возраст вообще мы определяли исходя из других параметров. К тому же возникает необходимость обогащения таких данных, как уровень образования, по названию образовательного учреждения или курсов, срокам обучения и уровню квалификации (в данной работе мы этого не делали). Местоположение автоматически было получено по всем профилям. То есть это системные данные. Однако не все работники трудятся в регионе проживания. Удаленные работники могут выполнять заказы из других регионов России и даже из других стран.

На платформе «Профи» мужчин 45 %, а женщин 55 %. Если рассматривать количество услуг в профилях, то у мужчин их больше, чем у женщин (52 % услуг предоставляют мужчины и 48 % — женщины), что говорит

о сравнительно большей активности мужчин в предложении своих услуг. По сравнению с мужчинами женщины чаще предлагают услуги: преподавание языков (14,4 % против 2,4 %), в сфере красоты (25,9 и 2,6 %), педагогика и музыка (9,0 и 2 %), дизайн и рисование (7,3 и 2,8 %), фотография (6,9 и 3,2 %), уборка помещений и выгул собак (5,6 и 1 %), работа с текстами и маркетинг (5,4 и 3,3 %), работа с документами и бухгалтерия (4,8 и 2,6 %), фитнес, танцы и шоу (4,4 и 2,4%), психология и коучинг (4,0 и 0,8 %). Мужчины намного чаще работают в сфере ремонта и строительства (67,1 и 3,4 %), а также в сфере перевозок и обучения вождению (3,7 и 0,5 %). Преподавание точных школьных образовательных дисциплин одинаково представлено среди обоих полов: 4,6 % женщин и 4,3 % мужчин.

Как уже упоминалось, некоторые ключевые параметры невозможно выгрузить с сайта «Профи». В связи с чем возникла необходимость обогащения данных. Начало карьеры исполнителя определялось следующим образом. При помощи регулярных выражений выполнялась попытка определить год из таких параметров, как «образование» (education), «опыт» (experience) и «достижения» (achievements).

В связи с тем, что дата или хотя бы год рождения профиля пользователя не указаны на сайте, год рождения в этих профилях получен по следующей формуле: начало карьеры — 22 (исходя из гипотезы, что карьера начинается обычно в 22 года). Ручное сопоставление возраста в годах с фотографиями профилей пользователей позволяет убедиться в том, что полученный в результате расчетов возраст примерно совпадает с реальным возрастом исполнителей. Профили пользователей по возрасту находятся в диапазоне от 20 до 105 лет. Слишком нереалистичные данные были удалены — это в основном группа от 120 лет и более.

В кластере «бровь, волос, коррекция...», который относится к сфере красоты, преобладают молодые специалисты в возрасте от 20 до 25 лет (12,9 %) (табл. 3). Чем старше платформенные занятые, тем меньше среди них доля тех, кто относится к этой категории услуг. Похожие тенденции можно наблюдать и в таких кластерах, как «массаж, классический, антицеллюлитный, эпиляция»; «дизайн, логотип, полиграфия, художник»; «маникюр, ноготь, ресница»; «фотограф, интерьер, пошив, дизайн»; «текст, копирайтер, редактор маркетинг, веб-дизайн». Кластер «фитнес, танец, ведущий, вокал...» чуть больше представлен в молодых группах исполнителей. Преподавание точных наук, подготовка к школе, преподавание музыки, логопедия в наибольшей мере характерны для самых старших групп исполнителей. Услуги, связанные с ремонтом, строительством, а также с работой с документами, больше распространены в средних (промежуточных) возрастных группах работников.

Таблица 3

**Распределение кластеризованных категорий услуг по возрасту
платформенных занятых сервиса «Профи» (% от ответивших)**

Кластеры	20–25	26–35	36–45	46–55	56–65	66–105
Бровь, волос, макияж, ресница	12,9	8,5	4,8	3,8	2,9	0,8
Языки	11,0	14,4	10,2	10,4	11,8	18,6
Массаж, классический...	9,6	5,5	2,7	3,4	3,5	1,3
Дизайн, логотип, полиграфия, художник	8,6	6,3	3,5	2,4	2,3	2,8
Маникюр, ноготь, ресница	7,8	4,5	1,7	0,7	0,3	0,0
Фотограф, интерьер, пошив, дизайн	7,4	5,8	4,1	3,7	3,1	2,2
Текст, копирайтер, редактор маркетинг...	6,9	3,9	2,5	1,4	0,8	0,9
Математика, физика, алгебра...	6,8	7,8	4,0	4,1	8,8	21,2
Фитнес, танец, ведущий, вокал...	4,3	4,7	3,6	2,7	1,9	1,3
Школа, игра, обучение, музыка, логопед	4,1	7,0	6,1	9,1	13,9	14,0
Психология, коучинг, семейный	4,1	2,8	3,4	3,6	2,1	1,3
Химия, услуга, история...	3,7	4,8	2,9	3,5	4,8	7,6
Уборка, квартира, домработница, собака	3,0	2,6	1,8	2,0	2,4	1,0
Работа, ремонт	2,8	5,3	13,0	13,1	12,2	6,1
Установка, монтаж, компьютер...	2,7	5,3	9,3	8,4	8,4	6,3
Мебель, дверь, окно, сантехника...	1,4	4,5	14,6	15,6	12,8	9,9
Строительство, конструкция, монтаж...	1,4	2,6	4,6	4,0	3,7	2,0
Юрист, документ, заявление, бухгалтер	0,9	3,0	6,0	7,1	3,2	1,5
Водитель, грузоперевозка, курьер...	0,7	0,9	1,3	1,2	1,2	1,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: выгруженные данные профилей исполнителей цифровой платформы «Профи».

В связи с тем, что опыт работы не указан в большинстве профилей, мы учитывали только опыт работы, указанный под каждой услугой пользователя сайта «Профи».

Опыт (стаж) работы не коррелирует с кластерами (коэф. кор. Спирмена = $-0,08$). Стоит отметить, что в самой опытной группе платформенных занятых от 31 до 81 года на первом месте по популярности наравне с «ремонтom» располагается кластер «школа, подготовка, начальный, игра, обучение, музыка, фортепиано, логопед...» (16,4 %). Как уже упоминалось, данная категория услуг популярнее в старших возрастах.

Если рассматривать опыт работы на сервисе «Профи», можно отметить, что в группе самых ранних пользователей этой платформы (от 14 до 20 лет работы на сайте) преобладают кластеры, связанные с преподаванием и репетиторством. Платформенные занятые, зарегистрированные на сайте от 9 до 13 лет, также чаще работают в вышеперечисленных кластерах. Разница заключается в том, что в данной группе пользователей сервиса «Профи» гораздо больше, чем в предыдущей группе, занятых в сфере ремонта: кластер «мебель, ремонт, сборка, дверь, окно, мелкий, сантехника, кухонный, гарнитур, замок» (8,2 % против 0,1 %) и кластер «работа, ремонт, мелкий, отделочный, сантехника, малярный, комплексный, пол, штукатурный, плиточник» (5,9 % против 0,2 %). Исполнители платформы «Профи», работающие на сайте не больше десяти лет, чаще оказывают услуги в сфере ремонта. В то время как пользователи, работающие на сайте относительно больше, чаще оказывают услуги в сфере репетиторства, преподавания языков, музыки и т.д.

Таким образом, отчетливо заметна специфика дифференциации различных категорий услуг по полу, возрасту и опыту (стажу) работы в отрасли и на платформе «Профи».

Региональная дифференциация услуг платформенных занятых сервиса «Профи»

Распределение платформенных занятых по федеральным округам и регионам России по данным Обследования рабочей силы¹ (доля занятых от общей численности платформенных занятых в России) не соотносится с региональной дифференциацией профилей исполнителей платформы «Профи»: Центральный федеральный округ (ЦФО) – 27,5 %, Приволжский федеральный округ (ПФО) — 17,9 %, Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) — 14,2 %, Южный федеральный округ (ЮФО) — 13,6 %, Северо-

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы (2023). *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>] (дата обращения: 09.10.2024).

Западный федеральный округ (СЗФО) — 8,6 %, Сибирский федеральный округ (СФО) — 7,7 %, Уральский федеральный округ (УФО) — 6,9 %, Дальневосточный федеральный округ (ДФО) — 3,6 %. Северо-Кавказские регионы почти не представлены на крупнейшей платформе «Профи» (см. табл. 4). Хотя на СКФО приходится 14,2 % платформенных занятых в России, а доля занятых в неформальной экономике составляет 40,8 %. Тот факт, что Северо-Западный федеральный округ находится на втором месте по числу профилей занятых на платформе «Профи» (а по данным Росстата там всего 8,6 % платформенных занятых среди других федеральных округов России), связан с тем, что наибольший вклад в долю платформенных занятых на сайте «Профи» вносит Санкт-Петербург (88,4 % от всего СЗФО).

Относительно низкие доли занятых в неформальном секторе экономики от общей численности занятого населения в регионе наблюдаются в сравнительно более развитых социально-экономически федеральных округах и регионах России: Северо-Кавказский федеральный округ (40,8 %), Южный федеральный округ (24,7 %), Сибирский федеральный округ (21,3 %), Дальневосточный федеральный округ (21,0 %), Приволжский федеральный округ (19,5 %), Уральский федеральный округ (13,9 %), Центральный федеральный округ (12,0 %), Северо-Западный федеральный округ (12,0 %)¹.

Таблица 4

Распределение уникальных профилей платформенных занятых сервиса «Профи» по федеральным округам России

Федеральные округа	Частота	%
Центральный федеральный округ	484 378	54,4
Северо-Западный федеральный округ	135 109	15,2
Приволжский федеральный округ	84 943	9,5
Южный федеральный округ	66 471	7,5
Сибирский федеральный округ	56 253	6,3
Уральский федеральный округ	43 958	4,9
Дальневосточный федеральный округ	10 544	1,2
Северо-Кавказский федеральный округ	8921	1,0
Всего	890 577	100,0

Источник: выгруженные данные профилей исполнителей цифровой платформы «Профи».

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы (2023). *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>] (дата обращения: 09.10.2024).

Рассмотрим распределение социально-демографических характеристик исполнителей, зарегистрированных на сайте «Профи», по регионам. В возрастную группу от 20 до 25 лет входят 11,0 % пользователей сайта. В группе от 26 до 35 лет таковых 44,7 %, от 36 до 45 лет — 25,7 %, от 46 до 55 лет — 11,6 %, от 56 до 65 лет — 5,0 % и от 66 до 105 лет — 2,0 %. В большинстве регионов, представленных на платформе, распределение исполнителей по возрасту примерно одинаковое. Наибольшее число работников приходится на возрастные группы 26–35 и 36–45 лет.

Распределение платформенных занятых мужского и женского пола по регионам уже не такое равномерное. Как уже говорилось, на данном сайте мужчин 45 %, женщин 55 %. В некоторых регионах, в которых относительно мало пользователей на данной платформе, заметно преобладают женщины. Например, в Карачаево-Черкесии (58,9 % женщин), Ненецком АО (57,9 % женщин), Ингушетии (57,5 % женщин), Туве (54,7 % женщин), Кабардино-Балкарии (54,1 % женщин), Амурской области (53,8 % женщин), Калмыкии (53,0 % женщин). В регионах с самым большим количеством исполнителей на платформе «Профи» наблюдается примерное равенство мужчин и женщин или преобладание мужчин. Женщины активно представлены на платформе «Профи» в Москве (50,1 %), Санкт-Петербурге (50,9 %), Краснодарском крае (45,1 %), Свердловской области (44,7 %), Новосибирской области (42,8 %), Татарстане (45,5 %), Ростовской области (48,2 %), Нижегородской области (47,5 %), Самарской области (45,8 %) и Красноярском крае (43,7 %). В нескольких регионах доля женщин меньше 40 %: Ярославская область (39,9 %), Тульская область (39,2 %), Иркутская область (39,1 %), Республика Алтай (38,6 %), Томская область (38,3 %), Сахалинская область (36,8 %), Тверская область (36,7 %), Тамбовская область (36,6 %), Чувашия (35,6 %), Новгородская область (34,6 %), Костромская область (33,7 %), Калужская область (33,4 %).

Во всех регионах пользователи, предоставляющие частные услуги, зарегистрировались на сайте «Профи» в качестве профессионалов в течение последних нескольких лет. За это время данная платформа получила наибольший рост по количеству исполнителей. За последние четыре года (2021–2024 гг.) наиболее активно регистрировались на платформе «Профи» исполнители из Якутии (91,4 %), Чечни (91,0 %), Тувы (90,9 %), Ингушетии (90,1 %), Северной Осетии (87,1 %), Приморского края (86,3 %), Ямало-Ненецкого автономного округа (85,7 %), Кабардино-Балкарии (85,5 %), Еврейской автономной области (84,6 %), Карачаево-Черкесии (84,4 %), Мордовии (83,8 %), Камчатского края (83,5 %), Курганской области (82,5 %), Карелии (82,5 %), Забайкальского края (81,7 %), Дагестана

(81,6 %), Ханты-Мансийского автономного округа (81,2 %), Ненецкого автономного округа (80,7 %), Амурской области (80,2 %), Магаданской области (80,2 %), Сахалинской области (80,2 %), Псковской области (80,0 %) и Удмуртии (79,9 %). В основном это те регионы, в которых сравнительно меньше пользователей на данной платформе, чем в других регионах страны.

Что касается общего опыта работы в отрасли, который мы получили путем расчетов, то практически во всех регионах России преобладают исполнители, имеющие стаж (опыт) работы до 10 лет включительно. Сравнительно больше всего новичков, имеющих опыт работы до пяти лет, в Туве (88,2 %), Еврейской автономной области (82,7 %), Чечне (56,6 %), Кабардино-Балкарии (55,3 %), Карачаево-Черкесии (51,7 %), Якутии (49,6 %), Амурской области (44,8 %), Забайкальском крае (43,7 %) и Хабаровском крае (42,8 %). Это также относительно менее распространенные регионы на платформе «Профи» по количеству пользователей, предлагающих свои услуги в разных сферах профессиональной деятельности.

Рассматривая распределение регионов по кластерам услуг, мы выявили, что в 10 топовых регионах больше всего услуг приходится на кластеры «работа, ремонт...» и «мебель, ремонт...»: Москва (23,2 %), Санкт-Петербург (22,3 %), Краснодарский край (27,5 %), Свердловская область (29,0 %), Новосибирская область (32,1 %), Татарстан (26,7 %), Ростовская область (25,2 %), Нижегородская область (26,2 %), Самарская область (27,5 %) и Красноярский край (32,1 %).

В конце списка почти во всех регионах расположились кластеры «психология...» и «водитель...». В общем тенденции распределения профилей платформенных занятых по кластерам по самым популярным 10 регионам совпадают, но с небольшими погрешностями.

Сравнение распределения автоматически скаченных метакатегорий услуг сервиса «Профи» по 10 самым популярным регионам подтверждает самую большую распространенность среди исполнителей данного сервиса сфер ремонта, репетиторства и красоты. Самыми редкими сферами являются услуги в области ветеринарии и «автоинструкторы». На сферу ремонта приходится 34,4 % услуг в Москве и Санкт-Петербурге, 41,6 % — в Краснодарском крае, 43,0 % — в Свердловской области, 45,3 % — в Новосибирской области, 39,4 % — в Республике Татарстан, 37,5 % — в Ростовской области, 39,0 % — в Нижегородской области, 41,1 % — в Самарской области и 45,0 % — в Красноярском крае.

Если рассматривать регионы, в которых относительно мало наблюдений, то распространенность категорий среди пользователей из этих

регионов может быть разной. Такие метакатегории, как «информационные технологии и фриланс (it_freelance)», «ремонт (remont)» и «репетиторы (repetitor)», распространены больше всего в республиках Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Бурятия, Коми, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карелия, Чечня, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Калмыкия и Тыва, а также в Приморском и Забайкальском краях, Тамбовской, Вологодской и Курганской областях, Ямало-Ненецком автономном округе и Еврейской автономной области. «Информационные технологии и фриланс (it_freelance)», «ремонт (remont)», «бухгалтеры и юристы (buhgaltery_i_yuristy)» являются самыми популярными сферами услуг в Ненецком и Чукотском автономных округах, а также в Якутии. В некоторых слабо представленных на платформе «Профи» субъектах страны можно наблюдать относительно низкую распространенность сферы красоты: Тува (3,9 %), Якутия (4,5 %), Еврейская автономная область (4,7 %) и Калмыкия (6,8 %). В Ненецком автономном округе в сфере красоты работают всего 23 человека (11,7 %). А в Чукотском автономном округе такой категории услуг вообще нет. В свою очередь, в Краснодарском крае категория услуг в сфере красоты на втором месте (19,2 %) по популярности среди исполнителей региона, зарегистрированных на сайте «Профи».

Как видим, в регионах России с количеством профилей от нескольких тысяч пользователей «Профи» распределение категорий услуг и социально-демографических характеристик исполнителей примерно похожее. Распределение по полу неравномерное. Однако объяснить причины такой тенденции пока не представляется возможным. Существенная региональная дифференциация видна только в слабо представленных на платформе «Профи» субъектах страны. В этих регионах сравнительно высокая доля новичков, которые зарегистрировались на платформе за последние несколько лет. Региональная дифференциация структуры предложения труда России на платформе занятости «Профи» слабо соотносится с распространенностью неформальной занятости по данным различных обследований. Так, самозанятые и платформенные занятые чаще представлены в крупных городах и в южных и северокавказских субъектах РФ. Авторы связывают это с высокой долей сервисной экономики в крупных городах (Бычков и др. 2024: 344–346). По разным данным, среди платформенных занятых преобладают мужчины и молодежь. Это может быть обусловлено «высоким уровнем цифровых навыков и наличием необходимого технического оснащения (смартфонов, компьютеров и пр.)» (Гохберг и др. 2023: 45). Популярность такой формы занятости в городах и социально-экономически развитых регионах России также может быть

связана с относительно высоким уровнем развития практик использования цифровых платформ.

Заключение

Самыми распространенными отраслями (сферами) услуг являются услуги, связанные с ремонтом, сферой красоты и репетиторством. Самыми непопулярными на платформе «Профи» услугами стали узкоспециализированные сферы деятельности: психология, перевозки, фитнес, юридические услуги и др.

Выявлено, что на сайте «Профи» платформенные занятые мужчины чаще женщин оказывают услуги в сфере строительства и ремонта, а женщины чаще мужчин оказывают услуги в сфере красоты. Таким образом, первая гипотеза подтвердилась. Изначально было неясно, как различается отрасль (сфера) оказываемых услуг в зависимости от возраста. Впоследствии мы определили, что возраст также значительно влияет на отраслевую структуру занятости. Чем старше исполнители на платформе «Профи», тем меньше среди них доля тех, кто предоставляет услуги в сфере красоты, и больше процент тех, кто преподаёт точные науки, музыку, логопедию, готовит детей к школе. Услуги в сфере ремонта и строительства чаще характерны для средних возрастных групп исполнителей.

Общий опыт (стаж) работы не влияет на предпочтение той или иной сферы услуг. Однако слабо заметна тенденция увеличения доли пользователей платформы, предлагающих услуги в сфере подготовки к школе, преподавания музыки, логопедии и т.д., по мере увеличения их общего стажа работы в отрасли и работы на сайте «Профи».

В большинстве регионов есть разница в процентном соотношении мужчин и женщин. Однако такое распределение сложно интерпретировать. В то же время возрастная структура регионов практически не различается. Число исполнителей платформы «Профи» больше всего увеличилось за последние несколько лет. При этом новых пользователей сайта сравнительно больше в регионах из Северо-Кавказского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Региональная дифференциация категорий услуг исполнителей платформы «Профи» наблюдается в основном среди регионов, в которых относительно мало наблюдений (профилей и услуг соответственно). Услуги платформенных занятых на сервисе «Профи» сравнительно больше распространены в социально-экономически развитых субъектах РФ. Вторая гипотеза также подтвердилась. Дифференциация неформальной

и платформенной занятости по федеральным округам и регионам России по данным Обследования рабочей силы Росстата не соотносится с региональной дифференциацией профилей исполнителей платформы «Профи». Так, в Северо-Кавказских регионах сравнительно много неформально занятых. В то время как на одной из самых популярных платформ занятости «Профи» эти регионы в сфере предложения платформенных занятых почти не представлены. Высокий спрос на услуги платформенных занятых в относительно развитых социально-экономически регионах и городах России может быть связан с высоким уровнем развития практик использования цифровых платформ для поиска и предложения работы.

Региональная, отраслевая и социально-демографическая дифференциация занятых на платформе «Профи» не репрезентирует сферу предложения платформенных занятых в России или в отдельном регионе, что стало основным ограничением данного исследования. К тому же мы не учитывали занятых на других национальных рынках труда, так как невозможно определить реальное местоположение платформенно занятого. В дальнейших исследованиях необходимо по мере возможности включать в анализ другие платформы занятости для более полного представления о региональной, отраслевой и социально-демографической специфике сферы предложения платформенных занятых в России.

Выражение благодарности

Исследование выполняется в рамках гранта РНФ № 23-18-00775 «Неформальная занятость в регионах России: социальные риски и возможности».

Литература / References

Бабкина Т.С., Гойко В.Л., Мундриевская Ю.О., Сухарева М.А., Богданов А.А., Мягков М.Г. (2018) Траектория выпускников российских вузов на данных социальных медиа. В кн.: Васильева С.Н., Цвиркуна А.Д. (ред.) *Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2018): материалы XI междунар. конф.: в 2 т., Москва, 1–3 октября 2018 г.* Т. 2. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН: 489–491.

Babkina T.S., Goiko V.L., Mundrievskaya Yu.O., Sukhareva M.A., Bogdanov A.A., Myagkov M.G. (2018) The Trajectory of Graduates of Russian Universities based on Social Media Data. In: Vasilyeva S.N., Tsvirkuna A.D. (eds.) *Managing the Development of Large-Scale Systems (MLSD'2018): Proceedings of the Eleventh International Conference. In 2 vols, Moscow, October 1–3, 2018.* Vol. 2. Moscow: Institut problem upravleniya imeni V.A. Trapeznikova RAN: 489–491 (in Russian).

Баймурзина Г.Р., Черных Е.А. (2024) Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 17(2): 202–219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11>.

Baimurzina G.R., Chernykh E.A. (2024) Features of Platform Employment in Russia: what do the Data of Digital Employee Profiles say. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 17(2): 202–219. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.11> (in Russian).

Бобков В.Н., Черных Е.А. (2020) Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости. *Мир новой экономики*, 14(2): 6–15. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15>.

Bobkov V.N., Chernykh E.A. (2020) Platform Employment: Scale and Signs of Instability. *Mir novoy ekonomiki* [The World of the New Economy], 14(2): 6–15. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15> (in Russian).

Бычков Д.Г., Гришина Е.Е., Феоктистова О.А., Локтюхина Н.В. (2024) Профили самозанятости и платформенной занятости в России. *Уровень жизни населения регионов России*, 20(3): 339–355. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355.

Bychkov D.G., Grishina E.E., Feoktistova O.A., Loktyukhina N.V. (2024) Profiles of Self-Employment and Platform Employment in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 20(3): 339–355. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355 (in Russian).

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2013) Нормально ли быть неформальным? *Экономический журнал ВШЭ*, 17(1): 3–43.

Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. (2013) Is it Normal to be Informal? *Ekonomicheskiy zhurnal VSHE* [Higher School of Economics Economic Journal], 17(1): 3–43 (in Russian).

Гохберг Л.М., Глазков Б.М., Рудник П.Б., Абдрахманова Г.И. (ред.) (2023) *Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад*. М.: ИСИЭЗ ВШЭ [<https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf>] (дата обращения: 09.10.2024).

Gokhberg L.M., Glazkov B.M., Rudnik P.B., Abdrakhmanova G.I. (eds.) (2023) *Platform Economy in Russia: Development Potential: Analytical Report*. Moscow: ISIEZ VSHE [<https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf>] (date of access: 09.10.2024) (in Russian).

Канарш Г.Ю. (2022a) Капитализм платформ, эксплуатация и неравенство. Ч. I. *Знание. Понимание. Умение*, 1: 86–103. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.1.7>.

Kanarsh G.Yu. (2022a) Platform Capitalism, Exploitation, and Inequality. Part I. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 1: 86–103. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.1.7> (in Russian).

Канарш Г.Ю. (2022b) Капитализм платформ, эксплуатация и неравенство. Ч. II. Знание. Понимание. Умение, 2: 115–129. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.8>.

Kanarsh G.Yu. (2022b) Platform Capitalism, Exploitation, and Inequality. Part II. Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе [Knowledge. Understanding. Skill], 2: 115–129. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.8> (in Russian).

Макеев П.А. (2019) Репетиторство в России: описание явления на основе онлайн-платформ. Журнал институциональных исследований, 11(4): 106–120. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.106-120>.

Makeev P.A. (2019) Tutoring in Russia: Description of the Phenomenon based on Online Platforms. Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies], 11(4): 106–120. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.106-120> (in Russian).

Мацута В.В., Мундриевская Ю.О., Сербина Г.Н., Мищенко Е.С. (2020) Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скулшутинга). Гуманитарный научный вестник, 3: 90–101. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3763848>.

Matsuta V.V, Mundrievskaya Yu.O, Serbina G.N, Mishchenko E.S (2020) Analysis of Text content of Deviant Online Communities (on the Example of Schoolshooting Communities). Gumanitarnyy nauchnyy vestnik [Humanitarian Scientific Bulletin], 3: 90–101. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3763848> (in Russian).

Мищенко Е.С., Кашпур В.В., Мундриевская Ю.О. (2022) Структура российской онлайн-благотворительности на основе анализа больших данных (сообщений и профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте»). В кн.: Современная социологическая наука: ключевые тренды и перспективы исследования общества: сб. науч. трудов V междунар. конф., Казань, 20–21 мая 2022 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та: 73–85.

Mishchenko E.S, Kashpur V.V, Mundrievskaya Yu.O (2022) The Structure of Russian Online Charity based on Big Data Analysis (Messages and User Profiles of the Social Network “Vkontakte”). In: Modern Sociological Science: Key Trends and Prospects for Studying Society: Collection of Scientific Papers of the V International Conference, Kazan, May 20–21, 2022. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta: 73–85 (in Russian).

Плешкевич И.Б. (2022) Методология идентификации сообществ коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в социальных сетях. В кн.: Арктические исследования: от экстенсивного освоения к комплексному развитию: материалы III междунар. молодеж. науч.-практ. конф., Архангельск, 26–28 апреля 2022 г. Архангельск: Северный (Арктический) федерал. ун-т им. М.В. Ломоносова: 126–130.

Pleshkevich I.B. (2022) Methodology for Identifying Communities of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East in Social Networks. In: Arctic Research: from Extensive Development to Comprehensive Development: Proceedings of the

III International Youth Scientific and Practical Conference, Arkhangelsk, April 26–28, 2022. Arkhangelsk: Severnyy (Arkticheskii) federal'nyy universitet imeni M.V. Lomonosova: 126–130 (in Russian).

Плотников А.В., Брагина Д.С. (2021) Удаленная работа в условиях пандемии и влияние самозанятости на теневую экономику. *Московский экономический журнал*, 5: <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10258>.

Plotnikov A.V., Bragina D.S. (2021) Remote Work in a Pandemic and the Impact of Self-Employment on the Shadow Economy. *Moskovskiy ekonomicheskii zhurnal* [Moscow Economic Journal], 5: <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10258> (in Russian).

Синявская О.В., Бирюкова С.С., Аптекарь А.П., Горват Е.С., Грищенко Н.Б., Гудкова Т.Б., Карева Д.Е. (2021) *Платформенная занятость: определение и регулирование*. М.: НИУ ВШЭ [https://ncmu.hse.ru/data/2021/05/26/1438190156/Доклад_Платформенная_занятость_002.pdf] (дата обращения: 09.10.2024).

Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Aptekar A.P., Gorvat E.S., Grishchenko N.B., Gudkova T.B., Kareva D.E. (2021) *Platform Employment: Definition and Regulation*. Moscow: NIU VSHE [https://ncmu.hse.ru/data/2021/05/26/1438190156/Доклад_Платформенная_занятость_002.pdf] (accessed: 09.10.2024) (in Russian).

Срничек Н. (2019) Капитализм платформ. *Экономическая социология*, 20(1): 72–82.

Srnicsek N. (2019) Platform Capitalism (Excerpts). *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 20(1): 72–82 (in Russian).

Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2019) Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 86–102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06>.

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2019) The Flexible Employment Trap: How Non-Standard Work Schedules Affect Freelancers' Work-Life Balance. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3: 86–102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06> (in Russian).

Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2022) Неформальная экономика фриланса в России: социологическая перспектива. В кн.: *Трудовое право: национальное и международное измерение*. М.: Норма.

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2022) Informal Freelance Economy in Russia: A Sociological Perspective. In: *Labor Law: National and International Dimensions*. Moscow: Norma Publ. (in Russian).

Стребков Д.О., Шевчук А.В., Лукина А.А., Мелианова Е.Г., Тюлюпо А.В. (2019) Социальные факторы выбора контрагентов на бирже удаленной работы: исследование конкурсов с помощью «больших данных». *Экономическая социология*, 20(3): 25–65. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-25-65>.

Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Lukina A.A., Melianova E.G., Tyulyupo A.V. (2019) Social Factors in Choosing Contractors on the Remote Job Exchange: A Study of Competitions Using Big Data. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 20(3): 25–65. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-25-65> (in Russian).

Томин Л.В. (2019) Социально-экономические конфликты в рамках «капитализма платформ». *Конфликтология*, 14(3): 33–43. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2019-14-3-33-43>.

Tomin L.V. (2019) Socio-economic Conflicts within the Framework of Platform Capitalism. *Konfliktologiya* [Konfliktologia], 14(3): 33–43. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2019-14-3-33-43> (in Russian).

Тонких Н.В. (2021) Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин. *Народонаселение*, 24(3): 92–104. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.8>.

Tonkikh N.V. (2021) Remote Employment and Parenthood: Women's Opinions. *Narodonaseleniye* [Population], 24(3): 92–104. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.8> (in Russian).

Черных Е.А. (2021) Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(2): 172–187. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.11>.

Chernykh E.A. (2021) Socio-Demographic Characteristics and Quality of Employment of Platform Workers in Russia and the World. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 14(2): 172–187. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.11> (in Russian).

Чернышев К.А., Митягина Е.В., Чернышева Н.В., Петров Е.Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодежи. *Новые исследования Тувы*, 2: 70–83. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>.

Chernyshev K.A., Mityagina E.V., Chernysheva N.V., Petrov E.Yu. (2023) The Scale and Directions of Educational Migration of Tuvan Youth. *Novyye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2: 70–83. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5> (in Russian).

Чудинов С.И., Сербина Г.Н., Мундриевская Ю.О. (2021) Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте» на примере фанатского сообщества «керченского стрелка». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 363–383. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1740>.

Chudinov S.I., Serbina G.N., Mundrievskaya Yu.O. (2021) Network Organization of School Shooters in the Social Network “VKontakte” on the Example of the Fan Community of the “Kerch Shooter”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic

and Social Changes], 4: 363–383. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1740> (in Russian).

Шевчук А.В., Красильникова А.В. (2019) Влияние нестандартных трудовых графиков на баланс между работой и жизнью (по данным Европейского социального исследования в России). *Журнал исследований социальной политики*, 17(2): 223–236. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236>.

Shevchuk A.V., Krasilnikova A.V. (2019) The Impact of Non-Standard Working Hours on Work-Life Balance (Based on the European Social Survey in Russia). *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 17(2): 223–236. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-223-236> (in Russian).

Щекотин Е.В., Гойко В.Л., Басина П.А., Бакулин В.В. (2022) Использование машинного обучения для изучения качества жизни населения: методологические аспекты. *Цифровая социология*, 5(1): 87–97. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-87-97>.

Shchekotin E.V., Goiko V.L., Basina P.A., Bakulin V.V. (2022) Using Machine Learning to Study the Quality of Life of the Population: Methodological Aspects. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology], 5(1): 87–97. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-1-87-97> (in Russian).

Щекотин Е.В., Дунаева Д.О., Басина П.А., Вахрамеев П.С. (2023) Цифровые следы в экологии: опыт эмпирического исследования. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*, 2(4): 255–263. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-255-263>.

Shchekotin E.V., Dunaeva D.O., Basina P.A., Vakhrameev P.S. (2023) Digital Traces in Ecology: an Empirical Study. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nyye seti* [Virtual Communication and Social Networks], 2(4): 255–263. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-255-263> (in Russian).

Iskra-Golec I., Barnes-Farrell J., Bohle P. (2016) *Social and family issues in shift work and non standard working hours*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-42286-2>.

Kässi O., Lehdonvirta V. (2018) Online labour index: Measuring the online gig economy for policy and research. *Technological Forecasting & Social Change*, 137: 241–248. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.056>.

Shevchuk A., Strebkov D., Tyulyupo A. (2021) Always on across time zones: Invisible schedules in the online gig economy. *New Technology, Work and Employment*, 36(1): 94–113. <https://doi.org/10.1111/ntwe.12191>.

Источники

Итоги выборочного обследования рабочей силы (2023) *Росстат* [<https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>] (дата обращения: 09.10.2024).

Исаев А. О законах-спутниках к закону о занятости [<https://er.ru/activity/news/o-zakonah-sputnikah-k-zakonu-o-zanyatosti-statya-andreya-isaeva>] (дата обращения: 10.10.24).

Платформенная занятость: вызовы и возможные решения (2022). Фонд «Центр стратегических разработок» [<https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf>] (дата обращения: 09.10.2024).

Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 № 565-ФЗ (последняя редакция) *КонсультантПлюс* [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093] (дата обращения: 09.10.2024).

REGIONAL, SECTORAL AND SOCIO-DEMOGRAPHIC DIFFERENTIATION IN THE STRUCTURE OF LABOR SUPPLY ON THE RUSSIAN EMPLOYMENT PLATFORM *PROFI*

Marcel Salavatovich Turakayev^{1,2} (mturakaev@gmail.com)

*Alsu Ilshatovna Battalova*¹ (battalovaalsu@yandex.ru)

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Citation: Turakayev M.S., Battalova A.I. (2025) Regional, sectoral and socio-demographic differentiation in the structure of labor supply on the Russian employment platform *Profi*. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 30–56 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.2> EDN: IGTLSP

Abstract. This article examines the profiles of platform workers registered on *Profi* (profi.ru), one of the most popular online services for job search and labor supply in Russia. Platform-based labor almost always takes informal and non-standard forms. The aim of the study is to identify the regional, sectoral, and socio-demographic structure of labor supply on the Russian employment platform *Profi*. The dataset was obtained through web crawling/downloading from the *Profi* website. In total, 965,726 unique platform profiles were collected, of which 935,312 belong to users from Russia. The main parameters employed in the analysis include socio-demographic and other personal data of workers, as well as the service categories provided on *Profi*. Since some parameters could not be automatically extracted from the website, additional enrichment was carried out for such variables as age and total work experience. The analysis of the service meta-categories, as well as clustered service categories obtained via probabilistic latent semantic analysis of keywords from user profile descriptions, revealed that the most common industries (service domains) are repair services, beauty-related services, and tutoring, while the least common are highly specialized fields such as psychology, transportation, fitness, legal services, and others. Furthermore, the study identified the socio-demographic structure of service categories, along with their regional differentiation. The services offered on *Profi* are most widespread in relatively socio-economically developed regions

and cities of Russia, which may be associated with a higher prevalence of practices involving the use of digital platforms for job search and labor supply.

Keywords: informal employment, self-employment, freelancing, big data, platform employment, “Profi”, profi.ru.

Acknowledgements

This article was written with support from the Russian Science Foundation grant no. 23-18-00775 “Informal Employment in the Regions of Russia: Social Risks and Opportunities”.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Светлана Анатольевна Ильиных (ili.sa@mail.ru)

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия

Цитирование: Ильиных С.А. (2025) Финансовая культура населения: социологический анализ на примере Новосибирской области. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 57–82. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.3> EDN: EAODVG

Аннотация. Финансовая культура анализируется с позиции теории социальных фактов, теории капитала и теории доверия и представлена как комплекс установок, знаний, навыков и поведения в области финансов, которые формируются в процессе финансового взаимодействия индивидов в социуме. Владение финансовой культурой рассматривается с позиции экономического, культурного и социального капитала. Благодаря финансовым знаниям, установкам, навыкам индивид может совершать финансовые действия, которые позволят ему получить экономическую прибыль. Индивиды могут повышать свой социальный капитал и создавать общественное благо. Обилие финансовой информации актуализирует вопрос доверия. Недоверие к финансовым организациям, финансовым институтам нельзя трактовать только как когнитивный фрейм интеллектуальной ригидности и неадекватности. На основании указанных трех подходов определяется понятие финансовая культура. Приводятся результаты исследования состояния финансовой культуры жителей Новосибирской области, проведенного в 2023 г. (N=1500, интервью 17 респондентов). Основное внимание сфокусировано на анализе таких структурных компонентов финансовой культуры, как знания, навыки, установки, поведение в области финансов, доверие к финансовым организациям. Выявлено, что у жителей имеется хороший уровень знаний и навыков в области финансов. Но проблемной зоной являются финансовые установки. Определенную роль в формировании этих установок играет идеология общества потребления. При реализации финансового поведения используются в большей мере традиционные инструменты, имеющие меньшую рискованность. К числу финансовых организаций, которым доверяют жители, относятся банки, государственный пенсионный фонд и страховые организации.

Ключевые слова: финансовая культура, финансовые знания, финансовые навыки, финансовые установки, финансовое поведение, доверие к финансовым организациям

---

¹ Исследование выполнено по заказу и при финансовой поддержке Новосибирского Дома финансового просвещения. Руководитель С.П. Блинов.

Введение

Социально-экономические и социально-политические процессы, развернувшиеся в России в 1990-е годы, вызвали трансформационные процессы во многих сферах жизни. Одним из таковых являются изменения в финансовой системе общества, «перезагрузка» финансовых институтов. В связи с этим в российском социологическом дискурсе появились понятия «финансовая культура», «финансовая грамотность», «финансовое сознание».

Необходимость их введения была продиктована тем, что россияне в советский период практически не имели надобности изучать вопросы инвестирования, банковских услуг или аспекты налогообложения. Однако с переходом к рыночной экономике эти вопросы обрели особую актуальность в связи с тем, что не имевшие опыта участия в инвестиционных фондах, финансовых пирамидах россияне оказались по доброй воле втянуты в финансовые мошенничества. Результатом этого стали многомиллионные финансовые ущербы многочисленных граждан, переход многих семей в разряд малоимущих. Чтобы стабилизировать сложившуюся ситуацию, в 2011 г. был разработан проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», который инициировали Министерство финансов Российской Федерации и Всемирный банк.

В связи с этим появились новые понятия, спектр представлений о которых в научных кругах достаточно широк. Вначале финансовая грамотность стала предметом исследования в экономической науке (см., например: Белехова, Калачикова 2019; Судакова 2017; Винникова, Кузнецова, Мухина 2019; Карпова 2018). Исследователи пришли к выводу о том, что финансово грамотные индивиды хорошо осведомлены в вопросах банковских, страховых услуг, управления своим бюджетом, в том числе управления своим финансовым будущим (Абышева 2018).

В русле социологического подхода можно отметить, например, работы: (Тюриков, Грызенова, Кунижева 2023; Голубева 2022; Ильиных 2023; Малкина, Рогачева 2019). Чаще всего исследуются самые разнообразные аспекты финансовой культуры.

В целом в социологии нет устоявшейся теории финансовой культуры. Как представляется, для систематизации представлений о финансовой культуре наибольший интерес представляют теория социальных фактов, теория капитала и теория доверия.

Теоретические подходы к исследованию финансовой культуры

Денежная система, правила финансового поведения в определенный исторический период, законы и т.д. — все это уже существует до рождения

человека и функционирует независимо от него. Теория социальных фактов Э. Дюркгейма (Дюркгейм 1991: 421) нацеливает на то, что эти факты существенно влияют на индивида. Подход Э. Дюркгейма позволяет высказать предположение, что финансовая культура может быть также рассмотрена как социальный факт, принуждая индивида к определенным финансовым действиям и поступкам. Иными словами, финансовая культура обладает «деятельностным» началом в силу того, что человек и обладает знаниями в области финансов, и руководствуется ими в своей повседневной жизни. В связи с этим актуально рассмотреть компоненты финансовой культуры, благодаря которым реализуется ее «деятельностное» начало.

Она может быть представлена не только как комплекс финансовых установок, финансовых знаний, финансовых навыков, но и как комплекс моделей финансового поведения, которые формируются в процессе финансового взаимодействия индивидов в социуме.

Финансовые знания, особенно их основы, индивид обычно получает в семье. В большей или меньшей степени появляются компетенции в области личного бюджета, инвестирования в выгодные проекты или, напротив, сбережения, кредитования и др. Если уровень финансовых знаний низкий, то последствия этого имеют негативный характер. При этом горизонт последствий широк, начиная с личности и заканчивая государством. Если у граждан страны финансовые знания высокого уровня, то это само по себе способствует социальной и экономической стабильности в стране. Происходит снижение рисков излишней личной задолженности граждан по потребительским кредитам, сокращение рисков мошенничества со стороны недобросовестных участников рынка и т.д. (Милославский 2016).

Установки в области финансов, как и установки индивида в целом, нацеливают его на совершение действий в сложившейся ситуации. Финансовые установки могут касаться самых разнообразных аспектов, с которыми сталкивается индивид в повседневной жизни. Например, заранее просчитывать семейный бюджет, планировать крупные покупки, откладывать определенную сумму денег каждый месяц. Финансовые установки существенно влияют на финансовое поведение индивида, которое, в свою очередь, оказывается зависимым и от культуры общества.

Финансовые навыки представляют собой воплощение имеющихся у индивида финансовых установок и реальных финансовых знаний в повседневности. Такой финансовый навык, как, например, учет доходов и расходов, в раннем периоде жизни очень неустойчивый. Однако впоследствии он становится все более прочным благодаря хабиитуализации. В соответ-

ствии с теорией П. Бурдьё, *хабитус* как система прочных приобретенных предрасположенностей, порождает и организует социальные практики и представления (Бурдьё 1995). Финансовые навыки в части учета дохода и расхода, будучи *хабитуализированными*, не требуют особого мастерства, а *хабитус* склонен порождать «резонные» манеры финансового поведения.

К числу таких «резонных» манер финансового поведения относится ежемесячный учет расходов и доходов семьи, стремление жить, не прибегая к долговым обязательствам перед финансовыми организациями, осознанный выбор финансовых продуктов и услуг.

Социологический подход к *финансовому поведению* может быть рассмотрен с позиции теории социального поведения М. Вебера (Вебер 1990). Базируясь на нем, можно выделить такие виды финансового поведения, как *аффективное*, *традиционное*, *целерациональное*, *ценностно-рациональное*. Примером аффективных видов финансового поведения могут быть азартные игры, микрозаймы, алчность в приобретении денег и т.д. В основе такого поведения импульсивные финансовые операции. Традиционное финансовое поведение базируется на стереотипизированности повседневных финансовых практик. Это может быть, например, финансовые действия в отношении банковских услуг, использования банковских карт. Целерациональный тип поведения побуждает к осознанному и вдумчивому выбору, куда и с какой целью индивид разместит свободные финансы или, напротив, проявит кредитную активность. Ценностно-рациональное поведение можно проиллюстрировать на примере сберегательной активности. К рациональному аспекту, например расчету доходности по банковским вкладам, акциям, ценным бумагам, добавляется ценностный — восприятие сбережения как богатства, силы, превосходства.

Рассмотренные компоненты финансовой культуры существуют не разрозненно, а, напротив, находятся в сложном единстве материального и духовного, формируя те или иные формы капитала. В связи с этим теория капитала имеет определенную эвристическую ценность для изучения финансовой культуры. В своей концепции П. Бурдьё выделяет три формы капитала: *экономический*, *культурный*, *социальный*. Социальный капитал индивида составляют материальные и умственные (символические) ресурсы, к которым он имеет доступ. Социальный капитал может быть конвертирован в экономический и культурный. Владение финансовой культурой одновременно относится к экономическому, культурному и социальному капиталу. Благодаря финансовым знаниям, установкам, навыкам индивид может совершать финансовые действия, которые позволяют ему получить экономическую прибыль. Например, покупая или продавая

паи инвестиционного фонда, акции и другие ценные бумаги, облигации федерального займа. Имея экономический капитал и владея им, индивид, начинает занимать определенное положение в социальном пространстве. Безусловно, это влияет на выбор им жизненного стиля и восприятие собственной успешности (Бурдые 1984: 196). При этом финансовая культура как капитал может быть скрыта, но вместе с тем обладатели крупного капитала могут извлекать большую прибыль. Например, индивид, владеющий финансовыми знаниями и навыками на высоком и среднем уровне, будет в большей безопасности при взаимодействии с финансовыми мошенниками. Преломляя идеи П. Бурдые к финансовой культуре, можно также говорить о том, что формирование финансовой культуры — это работа над собой, инвестирование времени в то, чтобы знания, установки, навыки, поведение конвертировались в экономический, культурный, социальный капитал. Каждый из форм капитала воплощается в социальной практике индивида. Не умаляя ни одну из форм капитала, сосредоточим внимание на социальном капитале финансовой культуры. По П. Бурдые, именно социальный капитал оказывает мультипликативное воздействие на капитал, которым уже обладает индивид. Это объясняется тем, что сеть социальных отношений, составляющих основу социального капитала, позволяет сохранить материальную или символическую прибыль. К примеру, индивиды, обладающие финансовой культурой по роду своей профессиональной деятельности (банкиры, финансисты и т.д.), стремятся поддерживать социальные отношения с представителями своей профессиональной группы, обмениваясь информацией, проводя совместные мероприятия и получая тем самым материальную или символическую прибыль.

Развивая идею социального капитала, отметим, что Дж. Коулман высказывается о множестве различных составляющих социального капитала, которые облегчают определенные действия акторов внутри структуры (Коулман 2001). Применительно к финансовой культуре как социальному капиталу можно привести такой пример. Индивиды гораздо успешнее взаимодействуют друг с другом, финансовыми организациями, владея финансовой информацией разного рода (дебетовая и кредитная банковская карта, полис обязательного страхования и полис добровольного страхования и т.д.). При этом индивиды могут обмениваться финансовой информацией, тем самым повышая социальный капитал и создавая общественное благо — достижение финансового благополучия.

Говоря о социальном капитале, нельзя не отметить его основные элементы: социальные связи, социальные нормы, доверие, подкрепляющие его санкции, ценностные ориентации. Важным выводом идей о социаль-

ном капитале, преломляемым в отношении финансовой культуры, является необходимость держать в фокусе внимания феномен доверия. А это означает, что финансовая культура тесно связана с феноменом доверия. Наличие знаний, навыков в области финансов позволяют индивиду формировать тот или иной уровень доверия к финансовым услугам, финансовым институтам.

Финансовые услуги многообразны как по форме, содержанию, по тому, какие организации их предлагают. Обилие финансовой информации вынуждает индивида определиться с тем, какой же из них он доверяет. Феномен доверия активно исследуется в трудах социологов, см., например: (Гидденс 2011; Дарендорф 2002; Селигмен 2002; Теннис 2002; Фукуяма 2004; Штомпка 2002).

Ученые трактуют феномен доверия в его различных общественных проявлениях. Так, Э. Гидденс, анализируя развитие символических и экспертных систем современности, приходит к проблеме доверия. По Н. Луману, доверие в современных условиях усиливается в связи с рискогенностью общества (Luhmann 1979). А. Селигмен полагает, что все устойчивые общественные отношения имеют такой существенный компонент, как доверие. По Ф. Тённису, личное доверие возможно только тогда, когда общество находится в состоянии *Gemeinschaft*. Если же общество пребывает в состоянии *Gesellschaft*, то возникает безличное доверие. Показательно, что овеществленное или безличное доверие появляется в ситуации профессионализации людей, сопровождающейся растущей экономической зависимостью (Теннис 2002: 221). Достаточно интересной является идея Ф. Фукуямы о том, что в обществе такие феномены, как доверие и социальный капитал, оказываются взаимосвязанными (Фукуяма 2004: 26). Обобщая идеи ученых и преломляя их в отношении финансовой культуры, можем отметить, что доверие в отношении как финансовой системы, институтов, так и разного рода финансовых услуг возможно, если создаются условия обеспечения безопасной жизнедеятельности индивида. При этом важно отметить, что доверие к финансовым организациям, финансовым институтам сопряжено не только с транзакционными издержками, связанными с необходимостью проверки их деятельности, но и с тем, что индивид должен занимать проактивную позицию потребителя финансовых услуг, формировать и развивать личную финансовую культуру. Иными словами, чтобы доверять либо не доверять финансовой информации, индивиду желательно иметь основательный запас знаний, навыков в области финансов, а также практический опыт их применения.

Вместе с тем недоверие к финансовым организациям, финансовым институтам нельзя трактовать только как когнитивный фрейм интеллек-

туальной ригидности и недалекости. Вообще оба понятия доверия и недоверия достаточно сложны, поскольку одновременно затрагиваются социально-экономические, социально-психологические, социально-стратификационные аспекты. Индивид существует в определенной социокультурной среде, которая сказывается на процессах финансового потребления товаров и услуг. В итоге, совершая финансовое действие, человек ориентируется не только на объективные условия, но и на субъективные — престиж, статус, мода, «быть как все» и т.п.

Для исследования финансовой культуры имеет смысл учитывать и доверие, и недоверие, однако в методологическом плане это существенно усложняет исследование. Поэтому в рамках статьи сосредоточимся на доверии к финансовым организациям, учитывая мнение А. Селигмена о том, что доверие является важной основой поддержания социального порядка в долговременной перспективе (Селигмен 2002).

Что же касается количественной оценки измерения доверия, то мы разделяем позицию Р.К. Нурмухаметов и Т.Р. Новиковой о том, что оно трудно поддается измерению. В связи с этим, по нашему мнению, имеет смысл измерять его в прямом вопросе о доверии к тому или иному финансовому институту (Нурмухаметов, Новикова 2019).

Подведем промежуточный итог. Анализ финансовой культуры как сложного феномена невозможно проводить в рамках какой-либо одной теории или концепции. Эклектичный набор разных подходов также неуместен. Поэтому авторская позиция заключается в следующем. Во-первых, финансовую культуру можно рассматривать как социальный факт (по Э. Дюркгейму), который влияет на жизнедеятельность индивида. Она обладает неким «деятельностным» началом, которое не осознается, не рефлексивируется, но вместе с тем реализуется в повседневных практиках индивида. Во-вторых, финансовые навыки как один из компонентов финансовой культуры могут быть хабиитуализированы (по П. Бурдьё). В-третьих, финансовое поведение как еще один из компонентов финансовой культуры многообразно. На основе подхода М. Вебера можно рассматривать аффективное, традиционное, целерациональное, ценностно-рациональное финансовое поведение. В-четвертых, финансовая культура в силу своей многогранности, многокомпонентности обладает экономическим, культурным и социальным капиталом (П. Бурдьё, Дж. Коулман). Социальный капитал финансовой культуры ориентирует внимание на феномене доверия к финансовым организациям, финансовым институтам. Эта сторона исследуется чаще всего не социологами, а экономистами в контексте создания доверительной среды на финансовом рынке. Авторский подход к феномену финансовой культуры, таким

образом, позволяет рассмотреть ее не только структурно, но и содержательно.

Итак, учитывая сложность и многогранность трактовки понятия «финансовая культура», нами она определяется как комплекс установок, знаний, навыков и поведения в области финансов, которые формируются в процессе финансового взаимодействия индивидов в социуме. Указанный комплекс создает экономический, культурный, социальный капитал индивида. Справедливости ради отметим, что эти формы капиталов формируются как указанным комплексом, так и другими компонентами, не исследуемыми в рамках данной статьи. Наличие знаний, навыков, социальных связей в области финансов формируют доверие или недоверие к деятельности финансовой организации или финансового института.

Состояние финансовой культуры жителей: результаты исследования

Для эмпирической проверки авторского подхода к феномену финансовой культуры было проведено исследование жителей Новосибирской области (НСО).

Отметим, что устоявшейся методики оценки состояния финансовой культуры пока в российской социологической литературе не представлено. Чаще всего можно встретить довольно обширные исследования финансовой грамотности. Отчасти это связано с реализацией в стране программы «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг.»¹ Вместе с тем изучение собственно финансовой культуры населения представляет интерес в научном и практическом аспектах. Базируясь на представленных выше теоретических подходах к финансовой культуре, мы предприняли попытку исследовать ее компоненты: знания, установки, навыки, модели финансового поведения, а также рассмотреть вопрос доверия к финансовым организациям.

Укажем, что чаще всего исследования финансовой грамотности отражают различия в финансовых знаниях, умениях, установках, т.е. отражают компетентность, рациональность, прагматичность. При этом финансовая культура не сводится лишь к финансовой грамотности, будучи

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг.». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71675558/> (дата обращения: 10.01.2024).

более широким понятием. В свете сказанного отметим, что вместе с вопросами финансовой грамотности важно изучать процессы, сопровождающие финансовое поведение, а также доверие финансовым институтам. Исследование финансовой культуры в таком ключе позволяет оценить, что предпринимают разные возрастные и социальные группы населения в ходе формирования личного благосостояния в области планирования, распределения финансов при существующем уровне развития финансовых институтов и ценностей, имеющих материальное воплощение (Фатихов, Набибуллин 2010).

В период с 10 по 25 декабря 2023 г. под руководством автора было проведено социологическое исследование состояния финансовой культуры жителей города Новосибирска и Новосибирской области. Выборочная совокупность составила 1500 респондентов в возрасте от 18 до 84 лет. Выборочная совокупность стратифицированная. Отбор осуществлялся в три ступени. Предельная ошибка репрезентативности 4 %. В анкетном опросе приняли участие 643 мужчины и 857 женщин.

Выборочная совокупность отражала имеющиеся в генеральной совокупности пропорции по основным возрастным группам взрослого населения жителей города Новосибирска и девяти районных центров Новосибирской области. Распределение респондентов: Новосибирск — 56,6 %, районные центры — 43,4 %. Семейное положение респондентов: не замужем/не женат — 20,8 %, имеют зарегистрированный брак — 49,9 %, незарегистрированный брак — 9,6 %, разведена/разведен — 11,1 %, вдова/вдовец — 8,8 %.

Имеют детей младше 18 лет 30,2 % участников исследования. Высшее образование есть у 42,3 % респондентов, среднее специальное — у 20,3 %. Если говорить о роде деятельности, то в опросе принимали участие наемные работники частных организаций (28,6 %), работники бюджетной сферы (28,1 %), временно безработные (1,2 %), предприниматели (9,1 %), пенсионеры (25,1 %), женщины в декретном отпуске (1,0 %), учащиеся (0,3 %), студенты вузов (4,4 %) и домохозяйки (2,2 %). Личный доход до 15 000 руб. имеют 6,7 %, 15 001–30 000 руб. — 28,4 %, 30 001–40 000 руб. — 19,3 %, 40 001–50 000 руб. — 16,2 %, 50 001–60 000 руб. — 9,9 %, 60 001–70 000 руб. — 6,4 %, более 70 001 руб. — 13,1 %.

Анкетирование дополнено полуструктурированными интервью 17 респондентов. Информантами выступили жители городов НСО. Полученные в ходе интервью материалы существенно обогатили представления о компонентах финансовой культуры, позволили получить более развернутую картину в области исследования. Благодаря интервьюированию получена уникальная информация, собрать которую методом

анкетирования не представляется возможным в силу ряда ограничений последнего.

В исследовании изучалось мнение в отношении ряда вопросов. В рамках представленной статьи основное внимание сфокусируем на анализе таких компонентов финансовой культуры, как финансовые знания, финансовые навыки, финансовые установки, финансовое поведение, доверие к финансовым организациям.

Представления о том, что такое финансовые знания, интересно раскрываются в интервью.

Финансовые знания не просто знания в области финансов. Надо смотреть глубже. Это управление. С их помощью хоть отдельный человек, хоть компания успешно управляет своим бухгалтером и экономикой. В каждой семье плохо или хорошо ведется бухгалтер и просчитываются экономические операции, потратить или сохранить деньги. Не говоря уже о компаниях, мелких и крупных. Так вот именно финансовые знания управляют всей этой пирамидой — бухгалтером и экономикой (муж., 59 лет).

Финансовые знания, вообще говоря, разнообразны. На нижнем уровне — это знания обычных потребителей о вкладах, банках, кредитах и тому подобное. На более высоком — это уже знания об инвестициях, ценных бумагах и многое другое. Эти знания уже надо получать. А есть еще уровень финансовых знаний предпринимателей (муж., 58 лет).

Финансовые знания в анкетировании проверялись с привлечением нескольких задач по финансовой математике. Отметим, что у жителей НСО выявлен хороший уровень знаний в области финансов. Расчет индекса финансовой грамотности проводится согласно методологии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹. На основе этой методологии проводятся замеры финансовой грамотности более чем в 30 странах мира. Согласно этой методологии, максимальное значение индекса знаний 7. Индекс финансовых знаний новосибирских респондентов составил 4,69.

Самооценка уровня финансовой грамотности в зависимости от места жительства представлена в таблице 1.

---

¹ OECD/Infe toolkit for measuring financial literacy and financial inclusion. URL: <https://www.oecd.org/financial/education/2018-INF-E-FinLit-Measurement-Toolkit.pdf>.

Таблица 1

Уровень финансовой грамотности (%)

Оцените, пожалуйста, собственный уровень финансовой грамотности		Место жительства	
		Новосибирская область	Новосибирск
1.	Очень низкий (знаний и навыков практически нет)	5,1	5,7
2.	Низкий (знаний и навыков не хватает)	20,2	22,0
3.	Средний (знаний и навыков в целом достаточно)	53,8	50,2
4.	Хороший (знаний и навыков довольно много)	18,1	17,9
5.	Отличный (знания и навыки очень обширны)	2,8	4,3
Значение Хи-квадрат Пирсона 3,839			

Респонденты с отличным уровнем немногочисленны. Приведем пример интервью, когда респондент высоко оценивает свой уровень.

Я постоянно монитору финансовый рынок. Без этого нельзя ничего делать в этой сфере. Читаю статьи профильных сайтов, есть специализированные соцсети. Знаю аналитиков крупных финучастников рынка, которым можно доверять. Что еще дает знания и уверенность? Опыт. У меня был опыт покупки пая. Я умею совершать финансовые операции через брокера. Онлайн (муж., 37 лет).

При хорошем уровне финансовых знаний респонденты умеют пользоваться как простыми, так и сложными финансовыми товарами и услугами.

Я не рискую, скажем, покупать или продавать инвестиционные пай. Просто не рискую. Но с акциями и ценными бумагами не просто знаком, а очень хорошо знаком. Продавал и покупал. Там нужно очень хорошо ориентироваться. Быть в курсе постоянно (муж., 59 лет).

В анкетном опросе мы поинтересовались о рисках, связанных с инвестированием в акции. Для 48,3 % существенным является высокий риск потерять все сбережения. 24,7 % опрошенных отмечают нестабильный доход от акций. Но при этом ни один из опрошенных за последний год не совершал таких операций. Иными словами, представления об инвестировании в акции есть, но опыт отсутствует.

Можем видеть, что жители оценивают свой уровень финансовых знаний чаще всего как средний. Это отмечают респонденты всех возраст-

ных и социальных групп. В большей мере знания касаются таких аспектов, как текущий банковский вклад — 8,8 %, интернет-банкинг/мобильный банк — 8,3 %, кредитная пластиковая банковская карта — 6,2 %, обмен валюты — 4,1 %, срочный вклад в банке — 3,7 %, потребительский кредит либо кредит на неотложные нужды — 3,7 %, ипотечный кредит — 3,4 %.

Пример среднего уровня.

В целом я более-менее знаю про вклады, особенно хорошо про ипотечный кредит, так как брала его. Но для меня «темный лес» инвестиционные паи, облигации. Я никогда не буду играть на бирже (жен., 43 года).

Примерно каждый пятый опрошенный указал на низкий уровень. К их числу относятся респонденты старших возрастных групп: от 60 до 69 лет (27,4 %), от 70 до 79 лет (29,1 %), старше 80 лет (42,2 %). Причин сложившейся ситуации может быть несколько, в том числе недостаточная включенность в трудовые и финансовые отношения.

Какие-то финансовые знания, конечно, у всех есть. С самого детства приучают считать. Но вот пенсионеры не знают и не умеют использовать совсем новые финансовые знания. Вот смотришь рекламу банков, а там то инвестиции в ценные бумаги, то что-то еще. Ну откуда же пенсионеру знать про эти инвестиции (жен., 72 года).

Сейчас пенсионеры стараются не отставать от молодежи. Особенно, мне кажется, женщины пытаются. Начинают сами что-то пробовать, потом обязательно оказываются жертвами мошенников (жен., 65 лет).

Безусловно, СМИ, особенно телевидение, реклама в какой-то мере восполняют для пенсионеров картину финансовых продуктов и финансовых инструментов. Есть еще один канал — социальное окружение. Приведем пример, как молодое поколение оценивает финансовые знания и финансовое поведение своих пожилых родственников в контексте их коммуникации друг с другом.

Бабушка говорит о вкладе с повышенным процентом одного из банков, что он выгодный и надо как следует посмотреть условия. Я ее спрашиваю: откуда она знает. Оказывается, обсуждали во дворе с пенсионерками (жен., 20 лет).

Недостаточная финансовая грамотность, низкая критичность поступающей информации вызывают большие опасения в отношении того, какие действия будут совершать пожилые родственники.

Постоянно говорим своим: из банка вам никто не будет звонить. Не вступайте в разговор, кладите трубку сразу. Но ведь никогда не знаешь, что и кто будет предлагать. Пожилые верят всему (жен., 35 лет).

Справедливости ради стоит сказать, что повышение уровня финансовых знаний и финансовой грамотности всех групп населения России является стратегической задачей. Так, в Новосибирске Домом финансового просвещения реализовано множество просветительских проектов для широкой аудитории: семейный финансовый форум, семейная онлайн-олимпиада, занятия для лиц с ограничениями по слуху, мероприятия для трудовых коллективов, тренинги для школьников, студентов, пенсионеров, педагогов, бизнеса. Для этой деятельности привлечено более 2000 волонтеров¹.

Сложность финансовой тематики, появление новых финансовых инструментов требуют постоянной корректировки уровня финансовых знаний.

Следующая составляющая финансовой культуры — это *финансовые навыки*. Если говорить в общем, то это навыки и ведения личного бюджета, и формирования «подушки безопасности», и распоряжения финансами в случае непредвиденной ситуации.

Что касается ведения личного бюджета, то 85,2 % опрошенных занимаются личным планированием и бюджетированием, из них 40,1 % ведут ежемесячный учет доходов и расходов, 18,3 % ежемесячно откладывают сбережения, 18,5 % планируют ежемесячные расходы. Приведем примеры интервью.

Сейчас есть приложения для учета финансов. Очень удобно вести учет расходов и доходов. Я уже привыкла. Хороший контроль за своими расходами. По другому не получится хоть немного, но копить деньги (жен., 20 лет).

Меня научили родители вести учет денег. Я еще и откладываю постоянно немного денег (жен., 19 лет).

Умение делать долгосрочный запас денежных сбережений для непредвиденных обстоятельств, именуемый «подушкой безопасности», тоже является финансовым навыком. Его отмечают 78,7 %, из них 44,9 % откладывают деньги от случая к случаю, 33,9 % — постоянно. У 13 % жителей отсутствуют свободные средства. 4,9 % респондентов пока не заду-

---

¹ Новосибирский Дом финансового просвещения. URL: <https://ndfp.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).

мывались об этом. 3,3 % опрошенных не видят смысла формировать сбережения по причине наличия доступных кредитов.

Оценка финансового навыка формирования запаса денежных сбережений в зависимости от места проживания представлена в таблице 2.

Таблица 2

**Долгосрчный запас денежных сбережений
для непредвиденных обстоятельств (%)**

Формируете ли вы некий долгосрочный запас денежных сбережений для непредвиденных обстоятельств?		Место жительства	
		Новосибирская область	Новосибирск
1.	Да, постоянно откладываю часть средств	32,9	35,0
2.	Да, но откладываю средства от случая к случаю	47,6	42,3
3.	Нет, так как не вижу в этом смысла (имеются доступные кредиты и займы)	2,2	4,2
4.	Нет, так как не имею свободных денежных средств	12,4	13,6
5.	Нет, так как не задумывался(-ась) об этом	4,9	4,9
Значение Хи-квадрат Пирсона 7,918			

Показательно, что чаще других постоянно откладывают респонденты в возрасте от 18 до 19 лет (45,9 %). Приведем пример интервью.

Еще в школе я научилась откладывать деньги. Сейчас это привычка. Да и есть желание иметь личные деньги, а в случае необходимости не обращаться к родителям или друзьям (жен., 19 лет).

Не уверен, что я пользуюсь какими-то конкретными финансовыми знаниями в повседневной жизни. Но стараюсь не тратить деньги на покупки, если я не полностью уверен в их надобности, а также тщательно изучаю товары, сравниваю их с конкурентами, прежде чем их приобрести. Ну и я всегда откладываю деньги «на черный день» (муж., 19 лет).

Респонденты в возрасте от 31 до 40 лет отмечают такой инструмент для сбережения денег, как использование супругами одной дебетовой карты.

Мы все считаем. Сколько денег нам понадобится в месяц на еду, сколько заплатить за кредит и сколько мы можем отложить. Потом из отложенных денег планируем, например, поездки в отпуск или для чего-то неотложного. Одна карточка очень этому способствует (жен., 36 лет).

Такой финансовый навык, как откладывание денег, у респондентов нередко формировался еще в подростковом возрасте.

Я в этом возрасте не любил расставаться с деньгами (муж., 37 лет).

В самой возрастной группе респондентов от 80 лет и старше откладывают 77,5 %, из них делают это постоянно 28,9 %, от случая к случаю — 48,9 %.

Я еще смолоду привыкла откладывать деньги. У меня всегда были. Подрабатывала. Печатала на машинке. Эти деньги и откладывала. Еще и занимала другим. Сейчас тоже подрабатываю. Детям еще помогаю. Пластиковые окна им поставила. Холодильник купила (жен. 75 лет).

Но далеко не всем пенсионерам удастся откладывать из-за невысокого уровня доходов.

Для сравнения финансовых знаний и финансовых навыков приведем исследование москвичей во второй половине 2023 г., проведенное аналитическим центром НАФИ. 77 % москвичей показали высокий уровень финансовых знаний¹. При достаточно хорошем уровне финансовых знаний слабыми оказались практические навыки распоряжения денежными средствами.

В 2020 г. аналитический центр НАФИ провел исследование финансовой грамотности жителей Ульяновской области². Оказалось, что сберегательной стратегии в соответствии с принципом которой «сначала отложить, оставшееся потратить» придерживаются только 21 % жителей региона. 40 % населения сначала тратят на текущие нужды, а потом откладывают. В зоне риска находится 37 % жителей региона, которые вообще не делают сбережений.

Можем отметить, что в Новосибирской области доля тех, кто придерживается сберегательной стратегии, выше, чем в Ульяновской. Однако необходимо сделать оговорку, что исследование в Ульяновской области трехгодичной давности, но в целом игнорировать полученные выводы не представляется возможным.

---

¹ Каждый четвертый москвич обладает отличным уровнем финансовой грамотности. URL: <https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-chetvertyy-moskvich-obladaet-otlichnym-urovнем-finansovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 10.02.2024).

² Уровень финансовой грамотности населения Ульяновской области. Отчет по результатам социологического исследования. М., 2020. С. 27.

В качестве еще одного примера финансового навыка приведем подходы к выбору кредитной организации или компании в случае необходимости займа (табл. 3).

Таблица 3

Выбор кредитных организаций

Стратегия выбора		%
1.	Выбираю компанию, которой пользовался(-ась) ранее	40,2
2.	Рассматриваю несколько вариантов от разных компаний	39,8
3.	Выбираю ту компанию, которую посоветуют родственники, друзья	15,4
4.	Выбираю одну из первых найденных компаний, увиденных в рекламе	4,6
Итого		100,0

Можно видеть, что для части опрошенных характерны опривыченные действия: 40,2 % выбирает «знакомую» компанию, а 15 % прислушиваются к мнению знакомых. Вместе с тем, наиболее разумным действием является обращение к опыту нескольких компаний (39,8 %).

Третья составляющая финансовой культуры — это *финансовые установки*, которые отражают ориентацию человека на достижение долгосрочных финансовых целей, понимание необходимости соблюдения разумного баланса трат и сбережений.

Для изучения финансовых установок в исследовании мы задали вопрос «Мне больше нравится тратить деньги, чем сберегать их на длительный срок». Все полученные данные можно распределить на две группы: 1) не разделяет идею траты денег; 2) разделяет идею траты денег.

Первая группа (39,8 %) в большей мере нацелена на финансовую уверенность в будущем. Поэтому им свойственна сберегательная стратегия. Приведем пример интервью.

Да, я люблю копить деньги. У меня есть вклад в банке. Это дает уверенность в жизни (жен., 52 года).

Можем предположить, что для данной группы характерен фактор накопительства, откладывание денег.

Вторая группа (31,3 %) не готова к сберегательным финансовым стратегиям. В данном случае в какой-то мере такие финансовые установки можно объяснить идеологией общества потребления. Если есть финансы, то нужно их использовать сегодня, а не копить на необозримое будущее. Изобилие предметов, вещей, услуг, торговые и медицинские центры, интернет-шопинг и т.д. выступают материальным воплощением счастья. Все можно получить уже сегодня, не откладывая на завтра.

Приведем пример интервью.

Я постоянно «живу в кредитах». Нечего откладывать. Перекредитовываюсь. Иначе не смогу иметь то, что есть у других. Детей воспитываю одна. Они не должны быть ущемленными. Платье на выпускной вечер у моей дочери было самое красивое и дорогое. В кредит, конечно. Ну и что? Зато сегодня у нас есть то, что и у других. Живем не хуже. А что в кредит, так никто ж не знает. Думают, что мы тоже состоятельные. Мне так легче (жен., 45 лет).

Третья группа — неопределившиеся респонденты (28,9 %), вероятно, также могут не только тратить, но и сберегать в коротком временном промежутке. Но здесь возможен и другой вариант. Вопрос о финансах, стратегиях их использования относится к числу «сензитивных», «щепетильных» (Андрееenkova 2017). При обсуждении темы финансов люди нередко преувеличивают либо преуменьшают свои доходы, траты и размер собственности. Можно предположить, что респондентам легче уйти от ответа, чем показывать свое реальное положение.

В связи с этим отметим, что в целом исследование финансовой культуры сопряжено со щепетильностью тематики. Несмотря на то что опрос анкетный, анонимный, у респондентов остается стремление скрыть свое финансовое положение, будь то бедность, или, напротив, состоятельность.

Изучение *финансового поведения* — последнего элемента финансовой культуры — проверялось на примере выявления действий по использованию и приумножению финансов. Исследование показывает, что пока что сохраняются традиционные и более понятные способы сохранения и приумножения финансов. Это банковские вклады в российской валюте (36,9 %). Все остальные стратегии используются незначительно: покупка недвижимости (7,3 %), операции с ценными бумагами (6,6 %), банковские вклады в иностранной валюте (3,6 %), покупка драгоценных металлов (2,7 %). Вероятно, причина такого финансового поведения в опасениях, связанных с недостаточным знанием предмета инвестиционного поведения.

Как мы указывали выше, финансовая культура представляет собой не только финансовую грамотность, но и действия в области планирования, распределения финансов при существующем уровне развития финансовых организаций и ценностей, имеющих материальное воплощение. Уровень развития финансовых организаций актуализирует проблематику доверия по отношению к ним (табл. 4).

В тройке лидеров, кому жители НСО доверяют в большей мере, оказываются банки (45,8 %), государственные пенсионные фонды (26,8 %) и страховые компании (17,6 %). Выбор вполне закономерен. Доверие

Таблица 4

Доверие финансовым организациям

Финансовая организация	%
Банки	45,8
Государственные пенсионные фонды	26,8
Страховые компании	17,6
Национальное бюро кредитных историй	2,7
Негосударственные пенсионные фонды	2,6
Инвестиционные компании	2,5
Кредитные потребительские кооперативы	1,5
Микрофинансовые организации	0,5
Итого	100

больше тем финансовым организациям, где, во-первых, длительная история взаимодействия с клиентами, во-вторых, финансовое мошенничество сведено к минимуму.

Что касается банков, то эти финансовые организации находятся под контролем российского Центрального банка. Истории финансового мошенничества со стороны банков пресекаются. Так, в 2018 г. Центробанком были отозваны лицензии у 67 банков из-за их причастности к незаконной деятельности (Данилова 2023). Банк России приводит обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций¹. Банки принимают комплекс мер для противодействия мошенничеству. Благодаря расширению этого комплекса мер количество операций без согласия клиентов в 2022 г. снизилось на 15,31 % по сравнению с 2021 г.

Государственный пенсионный фонд представляет собой самую крупную федеральную систему по оказанию социальных услуг в России. С одной стороны, доверие к нему, определяется тем, что его деятельность регламентирована федеральными законами, а с другой стороны, именно он обеспечивает выплаты государственных пенсий. Недоверие к негосударственным пенсионным фондам (НПФ) продиктовано отсутствием реальной доходности размещенных инвестиций. С. Кикевич, указывает, что основная задача любого НПФ — сберечь накопления будущих пенсионеров от инфляции и в идеальном варианте приумножить². А в рейтинге

¹ Банк России. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/ (дата обращения: 10.01.24).

² Кикевич С. Рейтинг доходности НПФ 2023. Десятилетие разочарований URL: https://rostsber.ru/pubLiSh/PENsIOн/NPF_2023.htMl (дата обращения: 10.01.24).

НПФ 2023 г. нет ни одного фонда из 27, у которого была бы положительная реальная доходность в промежутке 10 лет и 5 лет. Жители Новосибирской области тоже не рассматривают негосударственный пенсионный фонд в качестве надежного партнера для будущих пенсионных начислений. Лишь 6,6 % опрошенных высказались о том, что будут проводить отчисления в негосударственный пенсионный фонд.

Доверие к страховым организациям объясняется тем, что наличие страхового полиса выступает неким гарантом спокойствия. В исследовании каждый десятый (10,2 %) в течение последних 12 месяцев пользовался такими услугами, как полис обязательного страхования (медицинского, ОСАГО и т.п.) в части «страховых случаев». Группа компаний BestDoctor совместно с агентством A2 Research выявила, что к причинам доверия в страховой отрасли относятся удобство взаимодействия, скорость урегулирования, «прозрачность коммуникации»¹.

Отметим, что уровень востребованности страхования зависит от платежеспособного спроса и удовлетворяющего клиентов предложения страховых услуг. А недоверие к страховым организациям связано с неуверенностью получения выплат и негативным опытом взаимодействия со страховыми организациями.

Результаты исследования показывают, что микрофинансовые организации не вызывают доверия практически у подавляющего большинства жителей НСО (99,5 %). Согласно результатам исследования 1600 респондентов всех регионов России в январе 2023 г., 7 из 10 опрошенных высказываются за закрытие микрофинансовых организаций². Основным аргументом в пользу этого указывается значительное число финансовых мошенников.

Завершая обзор, для иллюстрации финансовой культуры с позиции теории социального капитала приведем результаты интервью.

Финансовую культуру можно представить по аналогии с физической культурой. Это то, что человеку нужно реально для повседневной жизни, то, что помогает оставаться в тонусе долгие годы. Это своего рода капитал, накапливая который человек может пользоваться всю свою жизнь (муж., 58 лет).

¹ Уровень доверия к страховщикам вырос впервые с 2021 года. URL: <https://vc.ru/bestdoctor/879857-uroven-doveriya-k-strahovshchikam-vyros-vpervye-s-2021-goda> (дата обращения: 10.02.2024).

² Опрос показал растущую неприязнь к работе микрофинансовых организаций. Об этом сообщает «Рамблер». URL: https://finance.rambler.ru/money/52194229/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=corylink (дата обращения: 10.01.24).

Финансовая культура — это то, что позволяет любому человеку приумножать свое финансовое состояние без рисков, без потерь. Это скрытое от других «финансовое состояние» человека, его капитал (жен., 57 лет).

Финансовая культура как сложное интегральное понятие включает возможность достижения индивидом личных целей. Одна из таковых — это финансовое благополучие. При этом его достижение может быть личной ответственностью человека, либо, напротив, человек возлагает ответственность на государство. Респондентам были предложены для оценки оба высказывания.

О личной ответственности за финансовое и материальное благополучие высказывается в совокупности 61,6 % респондентов. Не поддерживают идею личной ответственности в совокупности 28,2 %. Каждый десятый опрошенный считает, что есть нечто среднее.

О государственной ответственности разброс мнений оказался значительнее: в совокупности 48,4 % не соглашаются с такой постановкой, 32,4 %, напротив, поддерживают то, что государство — основной субъект ответственности. О среднем варианте высказывается уже каждый пятый (19,3 %).

Таким образом, личная ответственность за свое финансовое и материальное благополучие признается большей частью опрошенных. У респондентов пенсионного возраста достаточно сильны патерналистские настроения.

Заключение

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы. Финансовая культура пока что не является устоявшимся понятием в социологии, несмотря на уже имеющиеся исследования. Как нам представляется, одна из причин этого — содержательная сложность понятия. В статье рассмотрены несколько новых подходов в трактовке понятия с использованием теории социальных фактов, теории капитала и теории доверия.

Во-первых, мы предлагаем рассматривать финансовую культуру не только как часть общей культуры, разновидность экономической культуры, но и как комплекс финансовых знаний, финансовых установок, финансовых навыков и финансового поведения, которые формируются в процессе финансового взаимодействия индивидов в социуме. При этом стоит отметить, что только, скажем, финансовые знания не определяют финансовую культуру.

Во-вторых, новизной подхода к финансовой культуре является то, что мы предлагаем рассматривать этот комплекс как экономический, культурный, социальный капитал индивида: «Это то, что позволяет любому человеку приумножать свое финансовое состояние без рисков, без потерь. Это скрытое от других “финансовое состояние” человека, его капитал». Отметим, что в рамках проведенного исследования не ставилась цель измерить, оценить количественно финансовую культуру с позиции капитала, поскольку это тематика отдельного изучения. Но нам удалось сделать абрис связи финансовой культуры и разных форм капитала, а это пока что является новым в социологии.

В-третьих, еще один аспект, который практически не рассматривается в работах по исследованию финансовой культуры, — это доверие. Доверие или недоверие к деятельности финансовой организации или финансового института формируется благодаря наличию знаний, навыков, социальных связей в области финансов, благодаря социальному капиталу.

Важным результатом исследования можно назвать наличие у жителей Новосибирской области компонентов финансовой культуры. Стоит сказать, что в исследовании не ставилась задача изучения уровней финансовой культуры, поскольку она предполагала бы операционализацию каждого уровня, систему индикаторов, последующую аналитику каждого уровня. В целом в российской социологии пока что нет подобных работ. Есть только измеряемые показатели финансовой грамотности, которые рассчитываются для каждого региона. Исследование финансовой грамотности жителей НСО, проведенное под руководством автора в 2022, 2023, 2024 гг., имеет сопоставимые результаты с исследованиями в других регионах.

Что же касается финансовой культуры, то эта проблематика является новой для социологии, и поэтому мы говорим лишь о наличии компонентов. Отметим, что они имеют неравномерное распределение. Так, жители показывают хороший уровень финансовых знаний и финансовых навыков. Но проблемной зоной представляются финансовые установки. Определенную роль в формировании этих установок играет идеология общества потребления, которая нацеливает не откладывать своих желаний на будущее, а жить реалиями сегодняшнего дня. Что касается финансового поведения, то в большей мере жителями используются традиционные инструменты — банковские вклады, покупка недвижимости, в то время как к инструментам инвестиционного поведения они прибегают крайне редко.

Изучение финансовой культуры с позиции доверия показывает, что число финансовых организаций, которым доверяют жители, совсем невелико. Лидерами доверия являются банки, государственный пенсионный фонд и страховые организации. Недоверие к другим финансовым орга-

низациям обусловлено уже имеющимися негативными результатами их функционирования.

Особо отметим, что финансовая культура трактуется жителями как капитал, которым можно пользоваться всю жизнь без рисков и потерь.

Результаты эмпирического исследования, помимо вклада в эмпирическое знание о финансовой культуре, обосновывают необходимость развития в экономической социологии теории финансовой культуры. Постановка проблемы финансовой культуры определяет ее дальнейшее социологическое исследование, поскольку она являет собой пример феномена, который затрагивает интересы не только одной личности, но больших социально-демографических групп, а также всего российского общества. Именно содержательная сторона финансовой культуры позволяет формировать финансовые ресурсы, финансовое положение, финансовые связи, уверенность в завтрашнем дне. Для дальнейшего повышения уровня финансовой культуры необходима просветительская работа в отношении таких вопросов, как долгосрочные накопления, формирование «подушки безопасности», кредитование, финансовые риски и других. Просветительскую работу можно апробировать посредством факультативных программ, семинаров для учащейся молодежи, лиц предпенсионного и пенсионного возраста, лиц, находящихся в декретном отпуске, безработных граждан.

Для формирования финансовой культуры важны мероприятия по обучению в вопросах планирования ежемесячного бюджета и формирования «подушки безопасности». Необходимо информирование в отношении разнообразных финансовых стратегий, в эффективности использования более удобных или надежных инвестиционных стратегий для жителей, а не хранения денежных средств дома. Хотелось бы отметить, что наибольшую эффективность будут иметь персонализированные подходы к обучению, учитывающая появление новых форм взаимодействия с финансовым рынком, повышенный риск виктимизации населения.

Несмотря на то что новые финансовые технологии намного облегчили повседневную жизнь, в то же время россияне стали более уязвимыми перед финансовыми мошенниками. Для снижения финансовых рисков и угроз необходима более активная просветительская работа.

Литература / References

Абышева А.В., Корчемкина Е.С. (2018) Актуальные вопросы повышения финансовой грамотности населения: отечественный и зарубежный опыт. *Вестник Евразийской науки*, 2. [<https://esj.today/PDF/16ECVN218>] (дата обращения: 26.04.2024).

Abysheva A.V., Korchemkina E.S. (2018) Current issues of increasing financial literacy of the population: domestic and foreign experience. *Vestnik Yevraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2. [<https://esj.today/PDF/16ECVN218>] (accessed: 26.04.2024) (in Russian).

Андрееenkova A.B. (2017) Щепетильные вопросы в межстрановых сравнительных опросах. *Социологические исследования*, 12: 55–64.

Andreenkova A.V. (2017) Sensitive questions in cross-country comparative surveys. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 12: 55–64 (in Russian).

Белехова Г.В., Калачикова О.Н. (2019) Финансовая грамотность населения: демографические особенности и возможности повышения (на примере Вологодской области). *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*, 14(2): 313–331.

Belekhova G.V., Kalachikova O.N. (2019) Financial literacy of the population: demographic features and opportunities for improvement (on the example of the Vologda region). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Perm University. Series: Economics], 14(2): 313–331 (in Russian).

Бурдьё П. (1994) *Начала. Choses dites*. Пер. с фр. М.: Socio-Logos.

Bourdieu P. (1994) *Beginnings. Choses dites*. Moscow: Socio-Logos (in Russian).

Бурдьё П. (1995) Структуры, habitus, практики. В кн.: *Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас*. Новосибирск: 16–39.

Bourdieu P. (1995) Structures, habitus, practices. In: *Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas*. Novosibirsk: 16–39 (in Russian).

Вебер М. (1990) Основные социологические понятия. В кн.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс: 602–643.

Weber M. (1990) Basic sociological concepts. In: Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress: 602–643 (in Russian).

Винникова И.С., Кузнецова Е.А., Мухина Е.С. (2019) Проблемы формирования финансовой грамотности в России. *Проблемы современного педагогического образования*, 64: 59–62.

Vinnikova I.S., Kuznetsova E.A., Mukhina E.S. (2019) Problems of developing financial literacy in Russia. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 64: 59–62 (in Russian).

Гидденс Э. (2011) *Последствия современности*. М.: Праксис.

Giddens E. (2011) *Consequences of modernity*. Moscow: Praxis (in Russian).

Голубева К.А. (2022) Типология финансовой культуры. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2: 33–35.

Golubeva K.A. (2022) Typology of financial culture. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 2: 33–35 (in Russian).

Данилова Е.П., Портняга Е.Г. (2023) Финансовое мошенничество в современном мире. *Siberian Socium*, 7(2/24): 67–97.

Danilova E.P., Portnyaga E.G. (2023) Financial fraud in the modern world. *Sibirskiy Sotsium* [Siberian Socium], 7(2): 67–97 (in Russian).

Дарендорф Р. (2002) *Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии*. Пер. с нем. Б. Скуратова, В. Близнекова. М.: Праксис.

Dahrendorf R. (2002) *Paths from Utopia. Works on the theory and history of sociology*. Moscow: Praxis (in Russian).

Дюркгейм Э. (1991) *О разделении общественного труда. Метод социологии*. Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Наука.

Durkheim E. (1991) *On the division of social labor. Method of sociology*. Moscow: Nauka (in Russian).

Ильиных С.А. (2023) Сберегать или тратить: финансовая грамотность населения. *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*, 1(96): 117–127.

Ilynykh S.A. (2023) Save or spend: financial literacy of the population. *POISK: Politika. Obshchestvovedeniye. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura* [SEARCH: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture], 1: 117–127 (in Russian).

Карпова Д.П. (2018) Современные финансовые технологии. *Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество»*, 1: 40–49.

Karpova D.P. (2018) Modern financial technologies. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek i obshchestvo»* [Bulletin of the Russian New University. Series «Man and Society»], 1: 40–49 (in Russian).

Коулман Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*, 3: 121–139.

Coleman J. (2001) Social and human capital. *Sotsialnye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 3: 121–139 (in Russian).

Малкина М.Ю., Рогачев Д.Ю. (2019) Влияние личностных характеристик на финансовое поведение молодежи. *Journal of Institutional Studies*, 3: 135–152.

Malkina M.Yu., Rogachev D.Yu. (2019) The influence of personal characteristics on the financial behavior of youth. *Journal of Institutional Studies*, 3: 135–152 (in Russian).

Милославский В.Г., Герасимов В.С., Транова В.А. (2016) Финансовая грамотность населения: проблемы и перспективы. *Молодой ученый*, 4(108): 452–456.

Miloslavsky V.G., Gerasimov V.S., Tranova V.A. (2016) Financial literacy of the population: problems and prospects. *Molodoy uchenyi* [Young scientist], 4: 452–456 (in Russian).

Нурмухаметов Р.К., Новикова Т.Р. (2019) Некоторые вопросы формирования доверительной среды на финансовом рынке. *Актуальные вопросы современной экономики*, 1: 306–312.

Nurmukhametov R.K., Novikova T.R. (2019) Some questions of forming a trusting environment in the financial market. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki* [Actual issues of modern economy], 1: 306–312 (in Russian).

- Селигмен А. (2002) *Проблема доверия*. М.: Идея-Пресс.
- Seligman A. (2002) *The problem of trust*. Moscow: Idea-Press (in Russian).
- Судакова А.Е. (2017) Финансовая грамотность: теоретическое осмысление и практическое исследование. *Финансы и кредит*, 23(26): 1563–1582.
- Sudakova A.E. (2017) Financial literacy: theoretical understanding and practical research. *Finansy i kredit* [Finance and credit], 23(26): 1563–1582 (in Russian).
- Теннис Ф. (2002) *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии*. СПб.: Вл. Даль.
- Tennis F. (2002) *Community and society: Basic concepts of pure sociology*. St. Petersburg: Vl. Dahl (in Russian).
- Тюриков А.Г., Грызенкова Ю.В., Кунижева Д.А. (2023) О финансовой культуре студенческой молодежи. *Социологические исследования*, 2: 143–149.
- Tyurikov A.G., Gryzenkova Yu.V., Kunizheva D.A. (2023) On the financial culture of student youth. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 143–149 (in Russian).
- Фатихов А.И., Набибуллин Р.Т. (2010) Проблемы формирования финансовой культуры населения России сквозь призму социологических исследований. *Вестник ТОГУ*, 2: 235–244.
- Fatikhov A.I., Nabibullin R.T. (2010) Problems of forming the financial culture of the population of Russia through the prism of sociological research. *Vestnik TOGU* [Bulletin of PNU], 2: 235–244 (in Russian).
- Фукуяма Ф. (2004) *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ.
- Fukuyama F. (2004) *Trust: social virtues and the path to prosperity*. Moscow: AST (in Russian).
- Штомпка П. (2002) Доверие: социологическая теория. *Социологическое обозрение*, 2(3): 30–41.
- Sztompka P. (2002) Trust: a sociological theory. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2(3): 30–41 (in Russian).
- Luhmann N. (1979) *Trust and Power*. Chichester: John Wiley and Sons Inc.

FINANCIAL CULTURE OF THE POPULATION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF THE NOVOSIBIRSK REGION

Svetlana A. Ilynykh (ili.sa@mail.ru)

Novosibirsk State University of Economics and Management

Citation: Ilynykh S.A. (2025) Financial culture of the population: sociological analysis on the example of the Novosibirsk region. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 57–82 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.3> EDN: EAODVG

Abstract. The article analyzes financial culture through the lens of social facts theory, capital theory, and trust theory. Financial culture is conceptualized as a set of attitudes, knowledge, skills, and behaviors in the financial domain, shaped through individuals' financial interactions within society. Possession of financial culture is considered in terms of economic, cultural, and social capital. Financial knowledge, attitudes, and skills enable individuals to perform financial actions that may generate economic benefits, enhance social capital, and contribute to public goods. The abundance of financial information foregrounds the issue of trust. Distrust toward financial organizations and institutions cannot be reduced solely to a cognitive frame of intellectual rigidity or shortsightedness. Based on these three theoretical perspectives, the article defines the concept of financial culture. Empirical findings are presented from a 2023 study conducted in the Novosibirsk region (N=1500, plus 17 in-depth interviews). The analysis focuses on the structural components of financial culture: knowledge, skills, attitudes, financial behavior, and trust in financial organizations. The results show that residents demonstrate relatively strong knowledge and skills in finance, while financial attitudes remain a problematic area, partly influenced by consumerist ideology. Financial behavior is predominantly characterized by the use of traditional, less risky instruments. The financial organizations most trusted by residents include banks, the state pension fund, and insurance companies.

Keywords: financial culture, financial knowledge, financial skills, financial attitudes, financial behavior, trust in financial organizations.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АКТОРОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПЕРФОРМАНСА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА ДЖЕФФРИ АЛЕКСАНДЕРА¹

Кирилл Владимирович Ткаченко
(kyrie.tkachenko@gmail.com)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ткаченко К.В. (2025) Творческий потенциал акторов в реализации социального перформанса: методологическая рамка Джеффри Александра. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 83–108.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.4> EDN: GATWLW

Аннотация. Теория социального перформанса Джеффри Александра — это теория среднего уровня, настроенная на интерпретацию культурной прагматики и символического действия через анализ социальных событий (перформансов), подчиняющаяся более высоким теоретическим построениям Александра. Данная теория может быть прочитана в логике перформативного поворота, как теория, которая способна давать объяснение тому, как исполняется социальная реальность. Если Александр концентрируется на трактовке символического действия и культурного контекста внутри социальных событий (перформансов), которые интерпретирует как процесс донесения актерами смысла своей социокультурной ситуации до аудитории, то проблема творческого потенциала исполнителей социального перформанса, реализуемого в конкретных техниках его организации, остается не проясненной, за что его критикует Питер Сноу. Другим проблемным фокусом статьи являются начавшиеся в современной культурсоциологической теоретической традиции дебаты относительно роли «актера» и «аудитории» в успешном перформативном исполнении. Статья обращается к использованию методологии социального перформанса применительно к конкретному эмпирическому кейсу активизма в сфере здоровья — пикетированию, которое разбирается, как социальный перформанс при помощи аналитических доминант теории Александра. Демонстрируется, при помощи каких технических средств реализуется креативность в организации успешного исполнения. Полученные результаты интерпретируются в контексте современных культурсоциологических теоретических дебатов относительно роли акторов и аудитории в успешном перформативном исполнении.

Ключевые слова: Джеффри Александр, теория социального перформанса, культурсоциология, перформативность, социальный активизм, пикетирование, ВИЧ.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-18-00261-П.

В отличие от многих современных теорий перформативности, теория социального перформанса Джеффри Александера не только предлагает довольно конкретные аналитические единицы для рассмотрения социальных событий самого разного уровня, но и имеет в своем ядре проработанную социологическую логику. Теория социального перформанса как теория среднего уровня (Alexander 2006: 80; Резаев, Трегубова 2017) вскрывает культурную прагматику социального исполнения, встроена в логику более высоких культурсоциологических и неофункционалистских построений Александера (Александр, Смит 2010). Сам Александр делает свой главный акцент на трактовке символического действия и культуры в каждом конкретном событии, интерпретируя социальный перформанс как процесс донесения смысла своей социокультурной ситуации до аудитории, не развивая в должной степени логику перформативности с ее акцентом на преобразовании реальности. Для Александера логика перформативного исполнения реальности в какой-то степени заканчивается на теоретическом постулате о том, что актеры, исполняющие социальный перформанс, стремятся убедить зрителей в подлинности разыгрываемого спектакля, но что если пойти дальше в размышлениях и задаться вопросом, каково место творческого подхода и креативности в успешном перформировании социальной реальности.

Здесь вспоминается критика теории социального перформанса Джеффри Александера Питером Сноу в работе «Перформанс общества» (Snow 2010). Перформативный поворот сместил акценты в социогуманитарных науках на перформативное исполнение и природу социального, но, как утверждает Сноу, из-за того, что самим понятиям «перформанса» и «перформативности» уделяется недостаточно теоретического внимания, они приобретают все более расплывчатый характер, что оказывает влияние и на их эпистемологические характеристики. Сноу поставил перед собой задачу критически осмыслить теорию социального перформанса Александера, а также разъяснить характеристики, которые эксплицитно содержатся в его теории. Это важнейший пункт его критики: характеристики перформанса в версии Александера и его коллег по сильной программе культурсоциологии принимаются в расчет, но не проявляются отдельно, что затрудняет и замедляет развитие теории перформанса в качестве теории общества. Иными словами, Александр осуществляет интервенцию в поле перформативных исследований, «однако не в полной мере использует его ресурс» (Фархатдинов 2011: 76). Основа критики Сноу строится на недостаточном внимании Александера к творческому изменению подхода к организации перформанса, перформансы, по мнению Сноу, «обладают творческим измерением, т.е. создают искусственные

реальности за счет ресурса воображения, которым обладают участники» (Фархатдинов 2011: 77). Креативность понимается Сноу «как способность порождать новые формы существования или альтернативные возможности»¹ и «является одним из обязательных критериев определения социального события как перформанса» (Фархатдинов 2011: 77). Важно отметить, что тема креативности относительно творческого подхода в выборе средств для реализации публичных акций прорабатывалась как в зарубежной, так и в отечественной социологии (Кальк 2012).

С одной стороны, в логике перформативного поворота, воспринимающего социальную реальность как процесс исполнения, в котором участвуют акторы самого разного толка (материальные объекты, смыслы и люди) (Александр 2011; Берк 2008; Гирко 2010; Доманска 2011: 230; Дудина 2012; Ткаченко 2023: 177), было бы разумно продолжить логику Александра и исследовать то, как при помощи креативности реализуется успешное исполнение социальной реальности. В каком-то смысле теория социального перформанса предлагает достаточные основания для изучения того, как трансформируется социальная реальность, учитывая, что в ней обнаруживаются основания для оценки успеха перформирующего исполнения. Однако, несмотря на то что работы Александра уже считаются классическими, отечественная и зарубежная социология нечасто обращается к теории социального перформанса для интерпретации социальных событий.

С другой стороны, приложение теории социального перформанса применительно к такому объекту, как социальный активизм в сфере здоровья, целеполагание которого может вполне соотноситься с основной идеей перформативного поворота — совместное исполнение и преобразование реальности через решение социальных проблем, может быть перспективным. Современные теории, содержащие в себе понятие перформативности, применяются для изучения социального активизма здоровья в различных его проявлениях (Shefer 2019; Cervi, Marin-Lladó 2022; Ventzislavov 2023; O'Grady 2021; Ronti 2017; Ay, Miraftab 2016; Plotnikof 2022; Huarcaya 2015; Jouët 2018; Gleeson, Turner 2019; Wellman 2022; Столярова 2018; Contu 2022; Alakavuklar 2023), однако исследований, которые бы использовали наработки Александра для изучения социального активизма, не обнаруживается. Исключением, подтверждающим правило, может являться исследование Джона Флетчера о перформанс-активизме современного евангелизма в США, аналитические единицы описания которого схожи со структурными компонентами перформанса в версии

---

¹ В данной работе мы будем следовать этому определению.

Александера (Fletcher 2013: 17). Мы бы хотели восполнить этот пробел и показать эвристику изучения перформативности социального активизма и конкретных событий, в котором он находит воплощение, посредством теории социального перформанса на примере кейса пикетирования из сферы активизма здоровья как деятельности, которая хорошо вписывается в логику перформативности, — преобразование социальной реальности через решение профильных социальных проблем в сфере здоровья. А также показать роль креативности в успешной реализации социального и исполнения.

В статье мы обратимся к использованию методологии социального перформанса применительно к конкретному эмпирическому кейсу активистов в сфере здоровья — пикетированию, на примере которого покажем роль креативного подхода в организации успешного исполнения социального перформанса. Сначала мы проанализируем кейс пикетирования при помощи аналитических доминант теории Александера, затем покажем, при помощи каких технических средств реализуется креативность в организации успешного исполнения, и далее рассмотрим полученные результаты в контексте современных культурсоциологических теоретических дебатов относительно роли актеров и аудитории в успешном перформансе.

Социальный перформанс по Александеру: теоретический экскурс

Теория социального перформанса — это теория среднего уровня (Alexander 2006: 80), которая концептуализирует социальный перформанс как попытку донесения смысла определенной социальной ситуации или социального положения другим. Иными словами, она ставит перед собой задачу предложить теоретическую рамку, которая будет описывать, как происходят следующие события: социальное исполнение, интеграция различных социальных групп и коллективов посредством символической коммуникации, которая бы учитывала дифференциацию, культурный контекст и противоречия, порождаемые им. Передаваемый посредством социального перформанса смысл может быть субъективным для транслирующих его социальных акторов, однако может и не являться таковым. Главное, что это значение, в котором социальные акторы пытаются убедить других. Для того чтобы другие поверили в передаваемый ими смысл, акторы должны предложить правдоподобное представление, способное побудить других принять их интерпретацию ситуации как разумное объяснение (Alexander 2006: 32). Чтобы перформанс был убедительным, необходимо культурное расширение и следующее за ним психологическая

идентификация зрителя со сценарием и актерами. Александером предложены шесть элементов социального перформанса. Учитывая, что работа, в которой приводится теория социального перформанса, не переведена на русский язык (Alexander 2006), далее мы последовательно опишем каждую из структурных аналитических доминант, лежащих в основе социального перформанса по мнению Александера.

1. Многослойная система коллективных представлений — первый элемент социального перформанса, подразделяющийся на фоновые символы и сценарии переднего плана. Фоновые символы — это, собственно, культура, которая структурирована посредством социального исполнения необходимым для убеждения образом. Сценарии переднего плана — это конкретные символические действия, предпринимаемые актерами для реализации перформанса. Сценарии, являясь частью структуры социального перформанса, оказываются зажатými между представлениями акторов и зрителей. С одной стороны, фоновые символы являются базой для сценария социального перформанса, с другой — они оказываются базой интерпретации зрителей.

2. Актер, или актер, — второй элемент социального перформанса. Актеры — это исполнители социального перформанса, задача которых заключается в том, чтобы заставить зрителей воспринять эмоции актеров как свои, стирая грань между вымыслом и реальностью, между собой и зрителем. Отношения актора и сценария реализуются посредством катексиса¹, вложенных актором мотивации и ресурсов в реализацию сценария.

3. Зрители, или аудитория, — третий элемент социального перформанса. Они являются непосредственными наблюдателями и интерпретаторами социального перформанса. Социальные перформансы исполняются для того, чтобы быть увиденными другими. Понятие «другие» подразумевает под собой наблюдающую за социальными перформансом аудиторию.

---

¹ Александер использует термин из психоанализа, который был предложен при переводе работ Зигмунда Фрейда с немецкого (нем. besetzung — «вкладывание, вложение») на английский язык. За неимением лучшего варианта Джейсом Стрейчи предложил греческий термин cathexis. Катексис в версии Фрейда — это психодинамическое понятие, концептуализирующее вкладывание энергии человека (умственной, психической, физической) в определенный объект (человека, идею и т.д.). В контексте нашего рассмотрения катексис демонстрирует мотивацию актера по отношению к сценарию (тексту). Отношения между актером и зрителем зависят от навыков проекции эмоций и смыслов актера, если актер в должной степени не обладает нужными навыками, то велика вероятность провала при попытке объяснить и передать необходимые значения (Alexander 2006: 33).

4. Средства символического производства — четвертый элемент социального перформанса. Для того чтобы исполнить социальный перформанс перед аудиторией, актеры должны располагать средствами символического производства, в том числе материальными вещами, осуществляющими символическую проекцию. Средства символического производства могут быть самыми разными. Эти объекты могут служить иконическими представлениями для наибольшего эффекта драматизации.

5. Мизансцена — пятый элемент социального перформанса. Мизансцена характеризует расположение исполняемого перформанса во времени и пространстве, которые в том числе создают особые эстетические требования по отношению к исполняемому действию.

6. Власть — шестой элемент социального перформанса. Власть «устанавливает внешнюю границу для культурной прагматики, которая параллельна внутренней границе, установленной фоновыми репрезентациями перформанса. Не все тексты одинаково легитимны в глазах сильных мира сего, будь то обладатели материальной или интерпретационной власти. Не все спектакли и не все части конкретного спектакля допускаются к показу» (Alexander 2006: 36). Социальная власть как элемент социального перформанса предполагает цензуру, которая в той или иной степени налагается на исполнение.

Элементы социального перформанса, вне зависимости от сложности и дифференцированности общества, являются неизменными. Однако отличие простого общества от сложного все же оказывает существенное влияние на социальный перформанс и его исполнение. Чем более дифференцировано общество, тем более разобщенными становятся элементы социального перформанса, следовательно, во время социального исполнения их труднее собрать воедино, что оказывает существенное влияние на социальное исполнение и его успешную реализацию. По причине усиливающейся сложности успешной реализации социального перформанса из-за все большей дифференциации общества, реальность все более и более начинает считываться как искусственная и ненастоящая¹. Однако

---

¹ Этот тезис соединяет теорию социального перформанса Александра с его неофункционалистскими построениями более высокого уровня. Следуя логике основного неофункционалистского аргумента, находящего отражение в теории социального перформанса, движение от ранних обществ к более современным, предполагает их функциональную дифференциацию, т.е. усложнение, которое в том числе сказывается на доступе к средствам символического производства. В более ранних обществах социальные роли вне ритуала чаще всего переносятся в ритуал и наоборот. Именно в этом смысле мы можем говорить, что границы между ритуалом и обыденностью весьма условны. Сакральное определяет как ритуал, так

дело вовсе не в редуцирующей природе социального, а в сложности самого общества, разобщенность элементов которого усложняет успешную реализацию социального представления. Теория социального перформанса Александра направлена на выявление культурной прагматики посредством тех репрезентаций, которые заключают в себе социальные перформансы. Культура — это реализованный в конкретных социальных ситуациях театр, который ходит и говорит перед нашими глазами, поэтому теория социального перформанса Джеффри Александра, с одной стороны, направлена на трактовку социального действия, с другой — учитывает культуру как «независимую переменную» социологической интерпретации.

Метод исследования

В рамках проекта по изучению активизма в сфере здоровья мы с коллегами проводили глубинные экспертные интервью с активистами. Основная цель исследования состояла в изучении деятельности активистов в сфере здоровья в России. В одном из интервью был описан кейс одиночного пикетирования в поддержку пациентов Алтайского края, столкнувшихся с получением неликвидной терапии основного заболевания. По утверждению информанта, пикет был успешен и привел к быстрому решению проблемы с выдачей необходимых лекарственных препаратов для ВИЧ-инфицированных пациентов. Не претендуя на генерализацию этого случая относительно феномена пикетирования в сфере здоровья как такового, но учитывая, что тема пикетирования относительно перформативной теоретической рамки нова и не разработана ни в российской, ни в зарубежной социологии, было принято решение сконцентрироваться на данном случае, чтобы при помощи метода плотного описания (*thick description*) (Denzin, Lincoln 2005) продемонстрировать роль творческого потенциала в реализации успешного социального перформанса. Метод плотного описания был выбран потому, что он позволяет проводить углубленный анализ в рамках использования стратегии единичных случаев, которые показательны с точки зрения выявления более общих моделей взаимодействия и субъективных смыслов участников, задействуя при этом различные типы эмпирического материала.

и обыденность. Набор социальных ролей предельно узок и знаком каждому из участников раннего социального коллектива. По мере движения к современности социальные роли, как и сферы жизни, начинают становиться все более обособленными и самодостаточными, что ограничивает доступ к средствам символического производства (Alexander 2006: 39).

Для реализации поставленной цели нами проведены несколько глубоких интервью с участниками и организаторами перформанса, в ходе которых получены описания самой ситуации, тех смыслов, ценностей и представлений, которые участники вкладывали в свои действия. В качестве дополнительной эмпирической информации проанализированы публикации в СМИ, посвященные данному событию (Пикет в поддержку пациентов Алтайского края, Общественное движение Пациентский контроль), и визуальный материал в форме фотографий пикета, сделанных самими участниками события.

При анализе эмпирического материала мы опирались на аналитические доминанты, выделенные Джеффри Александером в теории социального перформанса: (1) многослойная система коллективных представлений; (2) актер; (3) аудитория; (4) средства символического производства; (5) мизансцена; (6) власть. Далее рассмотрим подробно каждую из доминант на примере собранного эмпирического материала.

Результаты исследования

Перейдем к анализу, полученного нами эмпирического материала при помощи описанных выше аналитических доминант в теории социального перформанса Джеффри Александера.

Система коллективных представлений: фоновые символы и сценарии переднего плана

Начнем анализ приведенного кейса пикетирования с первого элемента социального перформанса — многослойной системы коллективных представлений, которая, в свою очередь, подразделяется на фоновые символы и сценарии переднего плана. В интервью активист утверждает:

Акции прямого действия — это массовые пикеты, одиночные пикеты, акции и так далее. Это то, что можно осветить в СМИ, то, что можно быстро распространить по социальным сетям. Что-то типа того, как ***** (облить грязью) на вентилятор в стору Минздрава. Они очень остро, быстро и оперативно на это реагируют.

Фоновые представления активиста и его коллег таковы, что определяют «акции прямого действия», а именно пикетирование, как одну из наиболее действенных форм донесения смысла до ответственных за принятие решений политических и государственных институтов и, следовательно, решения профильных для активистов проблем. Эта позиция иллюстрируется представлением активиста о бездействии ответственных за

принятие решений государственных институтов при попытке решить проблему институциональными способами:

Но, если я начну сегодня, сидя у себя на кухне за чашкой чая, рассылать письма с призывом: «Друзья, давайте соберемся за круглым столом...» Но, если бы я сначала сделал эту акцию, осветил ее в СМИ и потом бы разослал вот эти письма, и в назначенное время люди бы не собрались, круглый стол бы не состоялся, то я бы дал пресс-конференцию, желательно с каким-нибудь плакатом на фоне.

В таком случае выбор определенного «сценария» решения проблемы разворачивается через дихотомию «действие — бездействие» институтов при решении важной для активистов проблемы. Пикетирование предстает как форма действия и сценарий, который способен быстро стимулировать государственных агентов к принятию соответствующих решений. Другими не менее важными фоновыми представлениями активиста, во-первых, является то, что ВИЧ-инфицированные должны получать необходимое для них лечение, а во-вторых, что это лечение должно быть эффективным и практичным, что выражено в мнении активиста касательно того факта, что схемы лечения ВИЧ у детей не подходят для лечения взрослых людей.

Представления о том, что ВИЧ-инфицированные должны получать необходимое для них лечение, может быть представлено дихотомией «лечение — отсутствие лечения», а представление о том, что это лечение должно быть эффективным, а также практичным, что следует из первого, может быть представлено дихотомией «подходящее — неподходящее лечение». Другим важным представлением активиста является отношение к приверженности лечения (комплаентность), что нашло свое выражение на баннере активиста, где «Мадам Приверженность» оказывается покалечена различными государственными институтами. Приверженность заключается в том, что ВИЧ-инфицированные должны придерживаться назначенного лечения, для того чтобы, во-первых, минимизировать влияние вируса на их организм, во-вторых, приверженность делает вирусную нагрузку на человека минимальной и почти неопределяемой, что сильно снижает риск передачи вируса. Соответственно дихотомиями, которые вытекают из указанных выше представлений, будут являться «риск передачи вируса — отсутствие риска», «приверженность — отсутствие приверженности».

У нас вырисовывается понимание базовых представлений активиста, выбравшего пикетирование как основной сценарий по донесению смысла, а именно «лечение — его отсутствие»; «подходящее — неподходящее

лечение»; «действие — бездействие ответственных за принятие решений профильных институтов»; «риск передачи вируса — отсутствие риска»; «приверженность — отсутствие приверженности». Приведенные фоновые представления можно разделить на две группы: внутренние и внешние. Внутренние представления характеризуются как представления активистов о своей целевой группе и потенциальном благе, которое активисты пытаются достичь для нее. К ним можно отнести следующие представления: «лечение — его отсутствие»; «подходящее — неподходящее лечение»; «риск передачи вируса — отсутствие риска»; «приверженность — отсутствие приверженности». К внешним представлениям следует отнести представления об ответственных за принятие решений институтов — «действие — бездействие ответственных за принятие решений профильных институтов».

Указанные фоновые представления представляют собой базу символов, которые обуславливают сценарий и принимают в нем более конкретизированную форму и содержание. Эмпирический материал показывает, что сценарий заключался в том, чтобы оперативно донести до ответственных за принятие решений государственных институтов смысл проблемной ситуации, тем самым оказать влияние на ее решение. Основным передаваемым смыслом заключается в том, что ВИЧ-инфицированные должны получить профильное и соответствующее лечение, что связано с первой группой фоновых представлений. Выбор формы донесения смысла, т.е. пикетирования, обусловлен внешними и внутренними представлениями, основную интенцию которых можно выразить следующим образом: решить проблему получения соответствующего лечения быстрым и действенным способом (наиболее рациональным). Отсюда вытекает сценарий «выйти к административным зданиям профильных государственных агентов с баннером, который отражает представление об отсутствии профильного лечения для ВИЧ-инфицированных в качестве проблемной ситуации, и осветить это в СМИ».

Актор, или актер

Вторым элементом социального перформанса является актер. В случае нашего кейса актером является как сам активист, так и поддерживающее его сообщество активистов в сфере ВИЧ-инфекции: «Естественно, я поехал туда, развернул плакат, мы пригласили СМИ».

Активист не является жителем того субъекта, в котором осуществил пикетирование, он человек, который открыто заявляет о себе как о человеке с положительным ВИЧ-статусом, что, во-первых, соотносит его

с целевой группой, хоть и другого субъекта, во-вторых, говорит о высоком уровне катексиса, учитывая, что активист специально приехал в другой субъект.

Зрители/аудитория

Зрители, или аудитория, являются непосредственными наблюдателями перформанса. В случае с приведенным кейсом активист(ы) использовали форму карикатуры, посредством которой указали поле потенциальных зрителей. На рисунке 1 приведены в карикатурной форме следующие зрители: «Господа депутаты, Минфин, Минздрав и где-то губернатор», «Мистер и Миссис СМИ», «Мистер Центр СПИД». Приведенный кейс — это одиночное пикетирование, цель которого путем влияния СМИ донести до приведенной публики смысл проблемной ситуации. Взаимодействие с публикой происходит, с одной стороны, при помощи прямого присутствия активиста у здания, в котором располагаются указанные государственные агенты: «Господа, депутаты, Минфин, Минздрав и где-то губернатор», с другой стороны, косвенно, посредством публикации фото баннера в СМИ, поэтому профильные агенты указаны предельно конкретно (подписи и соответствующие им визуальные изображения всех членов аудитории), что упрощает процесс психологической идентификации, а культурное расширение в виде карикатуры только усиливает его, повышая шансы на успех социального перформанса. При этом важно упомянуть, что тактика привлечения СМИ расширяет горизонт потенциальной аудитории представления до аудитории СМИ, которые подхватят информационный повод. Публичность в данном случае — это средство расширения влияния на институты власти.

Средства символического производства

Кейс демонстрирует, что основным средством символического производства является двухсторонний баннер, который в форме карикатуры раскрывает смысл проблемной ситуации (рис. 1–3). Сам баннер представляет собой белый ватман прямоугольной формы, на котором обычными маркерами нанесен рисунок. На одной стороне баннера, помимо упомянутых выше, присутствуют следующие объекты: «Мадам Приверженность», «рейтинг перебоев», а также статистика региона по пораженности ВИЧ-инфекцией в Сибирском федеральном округе. Каждому из объектов соответствует визуальный иконический объект. «Господа депутаты, Минфин, Минздрав и где-то губернатор» представлены как четыре мужчины, один из которых стоит со сложенными на груди руками и закрытыми глазами (отражающими отсутствие внимания к проблемной

Рис. 1–3. Пикет в поддержку пациентов Алтайского края.

URL: https://vk.com/wall-29709610_3377?ysclid=ls1w84lxmu448510407

ситуации), а оставшиеся трое наносят урон различными средствами «Мадам приверженности», смотрящей на них с явной опаской и убегающей от них. Кто-то кидает топор, кто-то стреляет из лука, а кто-то и вовсе из пистолета. Сама «Мадам приверженность» предстает испуганной, вопящей «Помогите!» женщиной, которая изранена, наносящими ей урон троими мужчинами, убегающей в сторону надписей, на которые указывает стрелка. Первая надпись: «Почетное 4-е место в СФО по пораженности ВИЧ». Вторая надпись: «Рейтинг перебоев. 2017 — 2 место; 2018 — 1 место; 2019 — 8 место + литры АРВТ: 2020...». «Мистер Центр СПИД», изображен как врач в белом халате с красным крестом и разведенными в разные стороны руками, который говорит: «Мы тут ни при чем». «Мистер и Мис-

сис СМИ» поданы как беспомощные маленькие дети с недоумевающими лицами. «Мистеру и Миссис СМИ» соответствует изображенный на баннере текст:

Что происходит?

— *Ничего не происходит*

— *Мы не видим*

— *Мы не слышим*

— *Алтайский край — самый лучший край!*

На обратной стороне баннера следующий текст (рис. 3): «Поменяю новые 1.8 л Зидовудин + 60 таб. Ламивудина на старые (комбинированные) 60 таб. Зидовудин + Ламивудин». Эта сторона баннера конкретизирует проблемную ситуацию и ее возможного способа решения при помощи изображения — объявления поменять новые средства на старые (комбинированные). Такой способ демонстрации снова использует культурное расширение за счет конструирования всем знакомого формата объявления «купли-продажи» или обмена для более мощной психологической идентификации аудитории с представлением. Для усиления эффекта наглядно представлены объекты обмена (рис. 3). С одной стороны, это наполненная коричневой жидкостью банка с подписью «Зидовудин 1.8 л / 1 мес.», на которой располагается символическая пачка таблеток «60 шт. Ламивудин». Альтернативой обмену является маленькая пачка таблеток с подписью «Комбинированная форма. 60 т. Зидовудин + Ламивудин». На рисунке 3 обыгрывается социальная ситуация обмена, демонстрируя наглядно при помощи масштабов объектов (банка + таблетки и таблетки) альтернативные варианты с точки зрения удобства применения и соответственно поддержания приверженности лечению. Первая и вторая стороны баннера оказываются в символической и смысловой сцепке. Если на первой стороне показана проблемная ситуация путем карикатурного изображения убегающей в сторону плохих показателей по ВИЧ-инфицированности населения и перебоев поставок медикаментов «Мадам приверженности», то на обратной стороне наглядно обыгрывается в форме сценки обмена путь решения проблемы и соответственно, требования активистов вернуть комбинированные и более удобные препараты, для того чтобы приверженность людей к ним не уменьшалась, что, в свою очередь, рисует перспективу более выгодной для государственных агентов статистики. Простота и понятность средств символического производства, четкое обозначение аудитории в визуальном и текстовом формате, согласованность нарративов двух сторон баннера, а также применение культурного расширения, которое нашло выражение в использовании жанра карикатуры и ситуации

товарного обмена, — все это увеличивает шансы на успешную реализацию социального перформанса. Важно подчеркнуть, что сами средства символического производства очень просты и дешевы, однако благодаря креативной подаче, точности и простоте оформления они послужили весьма действенным средством. При помощи элементов символического производства на ватмане рисуется карикатурное театральное представление, которое констелляцией расположенных на нем социальных агентов создает собственную мизансцену, образуя театральное представление — спектакль, помещенный актером в более глобальную мизансцену прямо у здания администрации субъекта.

Мизансцена

Мизансцена как элемент социального перформанса характеризует его исполнение во времени и пространстве. В качестве места проведения социального перформанса была выбрана площадь перед зданием администрации губернатора и правительства субъекта. Выбор такого места неслучаен и подчеркивает интенцию на донесение смысла до ответственных за принятие решения государственных институтов. Активист стоит на фоне административных здания и вывесок. Такая позиция подчеркивает, что сценой для исполнения служат близкие к институтам принятия решений символические объекты: площадь перед зданием с администрацией, лестница перед входом, на котором виднеются вывески — все настроено на то, чтобы поместить внутрь потенциально опубликованного материала в СМИ максимально допустимое количество коррелирующих с аудиторией символических объектов. Пикет был проведен в будний рабочий день около полудня.

Власть

Шестой элемент социального перформанса — власть. Власть «устанавливает внешнюю границу для культурной прагматики, которая параллельна внутренней границе, установленной фоновыми репрезентациями перформанса. Не все тексты одинаково легитимны в глазах сильных мира сего, будь то обладатели материальной или интерпретационной власти. Не все спектакли и не все части конкретного спектакля допускаются к показу» (Alexander 2006: 36). В этом вопросе осуществивший пикетирование активист также повел себя предусмотрительно. Во-первых, баннер не персонифицирует конкретных ответственных за принятие решений личностей: «Господа депутаты, Минфин, Минздрав и где-то губернатор» указаны, кроме губернатора, во множественной и обезличенной форме. Однако улавливается особый акцент на губернаторе, как высшем должно-

стном лице субъекта Российской Федерации. Полагаем, что такое акцентирование не случайно. Во-вторых, в соответствии с пунктом 1.1 статьи 7 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» уведомления о пикетировании, осуществляемом одним участником, не требуется. Выбор одиночного пикета в таком случае неслучаен и может преследовать своей целью неожиданность и оперативность проведения, что определенно играет в пользу успешности социального перформанса, одновременно с этим уменьшая возможную конфронтацию с представителями власти.

***Пересобранный спектакль,
или Творческий потенциал реализации исполнения***

Посредством выделенных элементов социального перформанса был проанализирован кейс пикетирования активистом в сфере здоровья. Было получено понимание многослойной системы коллективных представлений, подразделяющейся, согласно Александру, на фоновые символы и сценарии переднего плана. Фоновые символы описаны через неофункционалистскую методологию Александра как бинарные оппозиции. Всего выделено шесть оппозиций, которые мы разделили на две группы по принципу направленности. Внутренние представления охарактеризованы как представления активистов о самих себе, своей целевой группе и потенциальном благе, которое активисты стремятся достичь посредством своей деятельности, внешние касаются противопоставленных активистам социальных агентов.

Таблица

Фоновые представления активистов

Внутренние фоновые представление	Внешние фоновые представления
Лечение/его отсутствие	Действие/бездействие ответственных за принятие решений профильных институтов
Подходящее/неподходящее лечение	
Риск передачи вируса / отсутствие риска	
Приверженность / отсутствие приверженности	

Дихотомии фоновых представлений маркируют представление активистов о том, что для них является благом и его антонимом (табл.). Так, первая часть в дихотомии отражает благо для активистов. Вторая характеризует антоним и проблематичную для активистов ситуацию. Благом с точки зрения внутренних фоновых представлений является наличие

подходящего лечения, которое уменьшает риск передачи вируса и способствует сохранению приверженности лечению ВИЧ-инфицированных. Благом с точки зрения внешних фоновых представлений является действие ответственных за принятие решений профильных государственных институтов. Соответственно деятельность активистов направлена на устранение проблематичной для них ситуации, которая обусловлена внутренними представлениями активистов об отсутствии подходящего лечения, что увеличивает риск уменьшения приверженности ВИЧ-инфицированных и, как следствие, увеличивает риск передачи вируса. С позиции внешних фоновых представлений активисты настроены на решение проблемы бездействия профильных государственных институтов. Обе группы фоновых представлений реализуются в выборе и конкретизации сценария переднего плана.

Активисты репрезентируют свои внутренние фоновые представления довольно конкретно, что упрощает фреймирование ситуации морального выбора, в которую должны быть помещены основные зрители спектакля. При этом внешние представления активистов по отношению к основным зрителям зажаты в дихотомическую модель чистого и нечистого (действие и бездействие), что задает алгоритмические рамки для реакции аудитории (ситуации очевидности выбора или «выбора без выбора», если принять во внимание, что лечение, приверженность, отсутствие риска передачи вируса правильное, чем их антонимы). Конкретизация и ясность фоновых представлений могут быть обозначены как свойства успешного перформативного исполнения.

Выделенные фоновые представления обуславливают выбор сценария переднего плана, являясь для него базой символов. Сценарий переднего заключается в том, чтобы изменить статус-кво проблемной ситуации в сфере здоровья, выраженной в отсутствии подходящего лечения ВИЧ-инфицированных, путем донесения смысла до профильных государственных институтов, ответственных за принятие решения. Выбор формы донесения смысла, т.е. сценария пикетирования, обусловлен внешними и внутренними представлениями, основную интенцию которых можно выразить следующим образом: решить проблему получения соответствующего лечения быстрым и действенным способом. Отсюда вытекает сценарий: выйти к площади и административным зданиям профильных государственных агентов с баннером, который отражает представление об отсутствии профильного лечения для ВИЧ-инфицированных в качестве проблемной ситуации, и осветить это в СМИ. Сам пикетирующий отметил, что формат пикета был выбран по причине мобильности и неожиданности для аудитории, что может трактоваться как следующее свойство

успешного перформативного исполнения. У зрителей нет выбора, пойти или не пойти на спектакль. Представление уже разыгрывается.

Как было указано выше, актером в данном случае является сам активист и поддерживающее его активистское сообщество. Актер оказывается слит со сценарием, что подтверждается несколькими деталями: активист прибыл из другого субъекта, чтобы решить проблему профильной для него целевой группы, в публикациях СМИ пикетирующий обозначен как член активистской организации «Пациентский контроль». Оба факта говорят о высоком уровне катексиса. Активист оказывается слит со своей ролью. Его социальная роль оказывается слита с его же культурным контекстом, что, по мнению Александера, нечастое явление для современных сильно дифференцированных обществ. Таким образом, активист помещает себя внутрь сценария исполняемого им перформанса.

Зрители и аудитория перформанса не представлены напрямую здесь и теперь. Однако Александер отмечает, что это один из возможных вариантов реализации социального перформанса. «Публики в современном понимании может и не быть вовсе, а только участники, наблюдающие за собой и своими коллегами-исполнителями. Это последнее условие облегчает культурную идентификацию и психологическое расширение, хотя это состояние гораздо реже встречается в современных сложных обществах» (Alexander 2006: 34). Осуществляя психологическую идентификацию аудитории со сценарием и активистом, последний помещают аудиторию внутрь разыгрываемого представления. Активист вышел на пикет с баннером, который при помощи карикатуры производит культурное расширение проблемной ситуации до самих зрителей, конкретно описывая, кто ими является и какова их роль внутри рисуемого сценария. Зрителями становятся ответственные за принятие решения государственные агенты, а также потенциальное общество, до которых перформанс «добирается» при помощи освещения в СМИ. Каждому из «представителей» аудитории соответствует карикатурный персонаж, исполняющий определенную роль представленными средствами символического производства, что упрощает процесс слияния аудитории с социальным перформансом. Актер помещает потенциальных зрителей внутрь карикатуры. Он предлагает зрителю наглядно и самому сделать выбор в пользу своей трактовки социального перформанса, не оставив возможности не оказаться внутри ситуации морального выбора. Здесь мы обращаемся к методологической позиции Александера, согласно которой успех социального перформанса и повторного слияния сильно зависит от дифференциации аудитории. С одной стороны, это усложняет процесс производства успешного социального перформанса по причине фрагментации

аудитории. С другой стороны, в рамках объединенной по какому-то критерию социальной группы шансы на успешный исход социального перформанса возрастают. Полагаем, что в случае рассматриваемого нами кейса узкий и конкретный круг выбранной активистами аудитории способствует успешному исходу социального перформанса, так как, во-первых, все выделенные «игроки» аудитории так или иначе могут и должны с точки зрения своих социальных функций способствовать решению проблемы активистов, во-вторых, при помощи узкого, но конкретного выделения аудитории ответственность за проблемную ситуацию оказывается подана как коллективная ответственность за бездействие, что, в свою очередь, показывает всех в качестве «виноватых», побуждая перейти от бездействия к действию. Важно отметить, что позиция СМИ оказывается внешне отделена от позиции пикетера, но на деле эта дистанция фиктивна, потому что актер и СМИ представляют одну организацию. СМИ в данном случае — это один из аффилированных спектаклю актеров, который за счет внешней дистанции выступает опосредующим агентом, который передает смыслы для зрителей. Такая сцепка СМИ и актера наряду с подробным анализом и выделением целевой аудитории спектакля может рассматриваться в качестве следующих условий успешного перформативного исполнения, а не персонифицированная подача «агентов» целевой аудитории позволяет, «не переходя на личности», остаться на уровне функций «агентов по принятию решений» и потенциально сделать из врагов союзников по решению социальных проблем, что снова актуализирует основной внешний фоновый запрос к аудитории в моральных категориях «действия или бездействия».

Выбранные активистами средства символического производства предельно просты и недороги. Это используемый с двух сторон ватман, двухлитровая банка и макет таблеток. Однако благодаря креативности достаточно простые средства символического производства способны оказать сильный эффект на аудиторию. Одна сторона баннера рисует ситуацию, в которой предполагаемые зрители активно бездействуют в отношении проблемы активистов, тем самым отдаляя реальность от представлений активистов о благе. Другая сторона баннера рисует ситуацию «купли-продажи», тем самым, во-первых, обе части баннера оказываются слиты в едином нарративе, во-вторых, активисты конкретным визуальным образом демонстрируют выгоды от принятия их трактовки социальной ситуации, в-третьих, культурное расширение при помощи карикатуры и ситуации «купли-продажи» в очередной раз способствует психологической идентификации аудитории со сценарием перформанса. Ясность и простота средств символического производства, их дешевизна, проду-

манная нарративизация и выбор жанра сценической подачи (карикатура, репрезентирующая социальную драму) — следующие условия успешного перформативного исполнения. При помощи средств символического производства (ватман с карикатурой) «оборудуется» или создается дополнительный уровень спектакля внутри основной мизансцены, который технически схож с кукольным театром, где активист руководит аудиторией (основными ответственными за принятие решений агентами).

Сценарий и средства символического производства локализуются на мизансцене. Местом исполнения пикетирования активист выбрал площадь перед зданием администрации губернатора и правительства субъекта. Выбор такого места демонстрирует акцент на донесение смысла проблемной ситуации до ответственных за принятие решений профильных государственных институтов, что лишний раз демонстрирует акцент на психологической идентификации аудитории и разыгрываемого перед ней социального исполнения. Сценой являются близкие по символическому содержанию объекты для профильных государственных институтов: площадь перед администрацией, само здание администрации, паперть, с которой хорошо просматриваются административные вывески. Пикетирование сознательно помещается почти внутрь или «под нос» профильных инстанций, тем самым актуализируя проблему бездействия. Контекстуальность места и времени проведения спектакля, которая дополнительно фреймирует ситуацию морального выбора, можно выделить как следующее потенциальное свойство успешного перформанса.

В вопросе взаимодействия с властью активисты выбрали позицию «снижения вреда», которая заключается в том, что активисты не персонифицировали свою критику в отношении конкретных лиц. Активист вышел на одиночный пикет на законных основаниях, по которым уведомлять власти о планируемом одиночном пикете не требуется. Полагаем, что выбор одиночного пикета неслучаен и опосредован прагматикой активистов — быстро и неожиданно оказать влияние на профильные государственные институты, при этом не вступив в конфронтацию с властью. В целом такую позицию можно назвать аполитичной или постполитичной (этот вывод требует дополнительных уточнений). Представленный перформанс не содержит в себе определенных политико-идеологических нарративов, что опять же минимизирует риски во взаимодействии с властью и увеличивает шансы на его успешную реализацию.

Реакция аудитории, или «Арка слияния»

Несмотря на то что Александр отмечает важность реакции аудитории: она может аплодировать, улюлюкать или вовсе безмолвствовать, — его

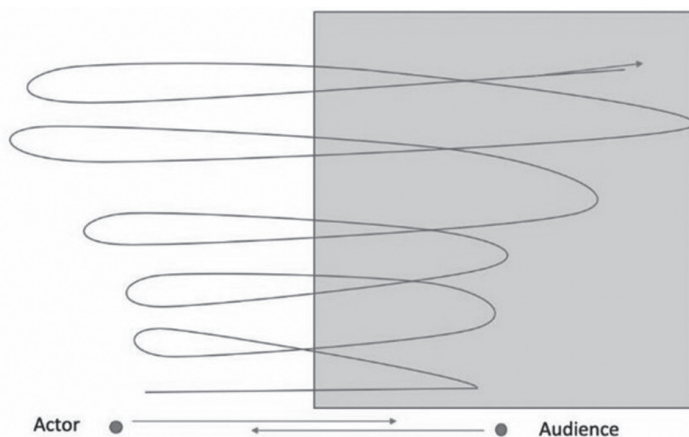

Рис. 4. Арка слияния Анны Тейлор (Taylor 2022: 6)

теория в основном фокусируется на анализе действия актора (актера). Однако с недавнего времени продолжатели культурсоциологической перспективы начинают отдавать решающую роль в успехе перформативного исполнения именно аудитории, а не актору. К примеру, Анна Тейлор, ученица Александра, постулирует решающую роль в успехе социального перформанса именно аудитории: «В каждом социальном представлении аудитория является единственным арбитром успеха или неудачи, слияния и расплавления... в своем арбитраже аудитория сама становится исполнителем; она осуществляет слияние или разъединение в диалогических отношениях с актером и другими людьми вокруг них» (Taylor 2022: 2).

Чтобы исправить крен культурсоциологической перспективы с акцентуации на агенте в сторону «судящей» аудитории, Тейлор предлагает концепцию «арок слияния» (arcs of fusion). По своей сути, «арки слияния» разворачивают герменевтический круг¹ Александра до спирали (раскрытой во времени и пространстве), устроенной по принципу диалогических отношений (рис. 4). При помощи искривления дуги (смены направления) движение от актора к аудитории и наоборот, демонстрируется их диалогическое взаимодействие. В случае с рассматриваемым нами кейсом пикетирования попробуем схематично обозначить арки слияния. Первая арка слияния, по всей видимости, произошла в момент знакомства ауди-

¹ Фоновые представления и конкретизированные сценарии представляют собой герменевтический круг, реализуемый в представлениях актеров и интерпретации аудитории.

тории с деятельностью активистской организации «Пациентский контроль» (Общественное движение Пациентский контроль) и их проектом-сайтом «Перебой.ру» (Сообщите о перебоях). Сами активисты отмечали, что аудитория до проведения пикетирования была знакома с их деятельностью. Вторая арка слияния произошла непосредственно после проведения пикетирования и публикации новостных материалов в СМИ. Как отмечают активисты, после новостных публикаций им последовали официальные ответы из ответственных за принятие решений организаций. И четвертая арка слияния произошла в тот момент, когда примерно через месяц (как утверждают активисты) агентами по принятию решений была закуплена ликвидная терапия.

Обсуждение

Рассмотрение элементов социального перформанса на примере кейса пикетирования демонстрирует их слаженную работу, которая во многом достигается благодаря творческому подходу к его организации. Разрозненные элементы оказываются слиты в перформативном социальном исполнении. Убедительность, которая сопутствует слиянию аудитории с актером, по нашему мнению, достигается посредством творческого подхода к организации и фреймированию спектакля и реализуется в конкретных «техниках» драматургического исполнения. Несмотря на то что сам Александер не рассматривает творческий потенциал социальных агентов как значимый фактор реализации социальных перформансов, что подчеркивает в своей критике Александера Питер Сноу (Snow 2010), на примере конкретного кейса пикетирования мы постарались выделить техники успешного исполнения, каждая из которых служит фреймированию ситуации морального выбора для зрителей: (1) конкретизация и ясность выражения фоновых представлений; (2) мобильность исполнения и, как следствие, неожиданность для аудитории, ставящая ее в ситуацию «выбора без выбора»; (3) использование СМИ в качестве «внешне отделенного агента», но служащего целям исполнения; (4) подробный анализ целевой аудитории спектакля; (5) не персонифицированная, но конкретная подача агентов целевой аудитории; (6) ясность и простота средств символического исполнения, продуманность нарратива и выбора жанра сценической подачи; (7) контекстуальность фреймирования мизансцены (места и времени проведения спектакля). Все обозначенные технические аспекты реализации перформанса вытекают из креативности исполнителей, их готовности к созданию нового театрального действия.

Для Александера фоновые представления, конкретизированные в сценарии, создают базу для исполнения и последующего считывания его

аудиторией, что, в свою очередь, закрывает герменевтический круг, и если он закрывается, то происходит слияние между актером и зрителем. Если сравнивать герменевтический круг с каналом, по которому движутся смыслы, то технические механизмы перформанса представляются нам в качестве каркаса этого канала, создавая необходимый объем, широту и глубину. Этот канал заполняется культурными представлениями. С одной стороны, без разработки этих параметров герменевтический круг будет нестабильным — слишком узким или, напротив, слишком глубоким, т.е. не ликвидным необходимому культурному расширению. С другой стороны, эти параметры важно учитывать, анализируя потенциальное движение интерпретации смыслов аудиторией. Для успешного исполнения исполнители должны провести ее по необходимой глубине смыслов, балансируя между предоставляемой свободной интерпретации для аудитории и герменевтической властью, предоставляя столько свободы, сколько требуется, для того чтобы аудитория чувствовала себя комфортно во время исполнения, но не выходила за пределы сценария. Какие «технические средства» будут задействованы в перформансе, зависит от творческого потенциала его организаторов. Несмотря на теоретическую тенденцию продолжателей наследия Александра отдавать решающую в успехе перформативного результата именно аудитории, а не актору, на наш взгляд, на деле между ними сохраняется диалогический паритет. В случае успешного исполнения социального перформанса зрительская реакция во многом зависит от творческого подхода к выбору эвристических способов его организации, что открывает новые исследовательские векторы для их изучения.

Литература / References

Александр Дж., Рид А. (2011) Социальная наука как чтение и перформанс: культурно-социологическое понимание эпистемологии. *Социологические исследования*, 8: 3–17.

Alexander J., Reed A. (2011) Social science as reading and performance: A cultural-sociological understanding of epistemology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 8: 3–17 (in Russian).

Александр Дж., Смит Ф. (2010) Сильная программа в культурсоциологии. *Социологическое обозрение*, 9(2): 11–30.

Alexander J., Smith Ph. (2010) Strong Program in Cultural Sociology. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 9(2): 11–30 (in Russian).

Батлер Д. (2018) Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс.

Butler J. (2018) *Notes towards a Performative Theory of Assembly*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Бахманн-Медик Д. (2017) *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. М.: Новое литературное обозрение.

Bachmann-Medick D. (2017) *Cultural Turns. New Orientations in Cultural Studies*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Берк П. (2008) Перформативный поворот» в современной историографии. *Человек в истории*. М.: Наука: 337–354.

Berk P. (2008) "Performative Turn" in Contemporary Historiography. *Chelovek v istorii* [Man in History]. Moscow: Nauka: 337–354 (in Russian).

Гирко Л.В. (2010) А. Реквитц. Актуальные тенденции теорий культуры. *Социологический ежегодник*: 186–190.

Girko L.V. (2010) A. Reckwitz. Current Trends in Theories of Culture. *Sotsiologicheskii yezhegodnik* [Sociological Yearbook]: 186–190 (in Russian).

Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Изд-во ин-та Гайдара.

Law J. (2015) *After Method: Mess and Social Science*. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara (in Russian).

Доманска Э. (2011) Перформативный поворот в современном гуманитарном знании. Кукарцева М.А. (ред.) *Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки: сб. ст.* М.: Канон-Плюс: 226–235.

Domanska E. (2011) The Performative Turn in Contemporary Humanitarian Knowledge. Kukartseva M.A. (ed.) *Sposoby postizheniya proshlogo. Metodologiya i teoriya istoricheskoy nauki: sb. st.* [Ways of Comprehending the Past. Methodology and Theory of Historical Science]. Moscow: Kanon-Plyus: 226–235 (in Russian).

Дудина В.И. (2012) Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(3): 35–50.

Dudina V.I. (2012) Epistemological Reconfiguration of Social Knowledge: From Representation to Performativity. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(3): 35–50 (in Russian).

Кальк А. (2012) «Креативная» Болотная и «народная» Поклонная: визуальный ряд митингов в российских СМИ. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 2: 164–172.

Kalk A. (2012) "Creative" Bolotnaya and "People's" Poklonnaya: Visual Depiction of Rallies in Russian Media. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Research], 2: 164–172 (in Russian).

Латур Б. (2022) *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Litres.

Latour B. (2022) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: Litres (in Russian).

Резаев А., Третьубова Н. (2017) Социология общения в поле социальных наук. *Социологическое обозрение*, 16(2): 133–162.

Rezayev A., Tregubova N. (2017) Sociology of Communication in the Field of Social Sciences. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 16(2): 133–162 (in Russian).

Столярова О.Е. (2018) Научный активизм и идея перформативности. *Epistemology & Philosophy of Science*, 55(2): 42–48.

Stolyarova O.Ye. (2018) Academic Activism and the Idea of Performativity. *Epistemology & Philosophy of Science*, 55(2): 42–48 (in Russian).

Ткаченко, К. В. (2024) Перформативный активизм или перформативность активизма: от концептуализации к исследованиям. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 17(2): 141–158.

Tkachenko K.V. (2024) Performative activism or performativity of activism: From conceptualization to research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology], 17(2): 141–158 (in Russian).

Ткаченко К.В. (2023) Перформативность как теоретическая рамка изучения социального активизма. *Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года*. СПб.: Сциентиа: 177–180. EDN PZGEIF (in Russian).

Tkachenko K.V. (2023) Performativity as a Theoretical Framework for Studying Social Activism. In: *Rossiyskoye obshchestvo segodnya: tsennosti, instituty, protsessy: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian Society Today: Values, Institutions, Processes: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, November 16–18, 2023]. St. Petersburg: Scientia: 177–180. EDN PZGEIF (in Russian).

Фархатдинов Н. (2011) Питер Сноу. «Перформанс общества». *Социологическое обозрение*, 10(1–2): 75–78.

Farkhatdinov N. (2011) Peter Snow. “Performance of Society”. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 10(1–2): 75–78 (in Russian).

Alakavuklar O.N. (2024) An attempt to become an-Other critical scholar: Bridging as ‘activist performativity’. *Management Learning*, 55(2): 329–344.

Alexander J.C., Giesen B., Mast J.L. (eds.) (2006) *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ay D., Miraftab F. (2016) Invented spaces of activism: Gezi Park and performative practices of citizenship. In: Grugel J., Hammett D. (eds.) *The Palgrave Handbook of International Development*. London: Palgrave Macmillan: 555–574.

Cervi L., Marín-Lladó C. (2022) Freepalestine on TikTok: from performative activism to (meaningful) playful activism. *Journal of international and intercultural communication*, 15(4): 414–434.

Contu A. (2020) Answering the crisis with intellectual activism: Making a difference as business schools’ scholars. *Human Relations*, 73(5): 737–757.

Denzin N.K., Lincoln Y.S. (eds.) (2005) *The Sage Handbook of Qualitative Research*. 3rd ed. Thousand Oaks: Sage.

Fletcher J. (2013) *Preaching to Convert: Evangelical Outreach and Performance Activism in a Secular Age*. Michigan: University of Michigan Press.

Gleeson J., Turner B. (2019) Online feminist activism as performative consciousness-raising: A# MeToo case study. In: Fileborn B., Loney-Howes R. (eds.) *# MeToo and the politics of social change*. Berlin: Palgrave Macmillan: 53–69.

Huarcaya S.M. (2015) Performativity, performance, and indigenous activism in Ecuador and the Andes. *Comparative Studies in Society and History*, 57(3): 806–837.

Jouët J. (2018) Digital feminism: Questioning the renewal of activism. *Journal of Research in Gender Studies*, 8(1): 133–157.

O'Grady G. (2021) An Autoethnographic Performance: The Researcher's Story of Hysterectomy and Menopause as Act of Resistance and Activism. *International Review of Qualitative Research*, 14(3): 533–546.

Pickering A. (1994) After representation: science studies in the performative idiom. *PSA: Proceedings of the biennial meeting of the Philosophy of Science Association*, 2: 413–419.

Plotnikof M., Muhr S.L., Holck L., Just S.N. (2022) Repoliticizing diversity work? Exploring the performative potentials of norm-critical activism. *Gender, Work & Organization*, 29(2): 466–485.

Ronti C. (2017) Fat Activists' Strategies on Stage: Redefining Fat Identity. A Comparison of Scottee, Brenda Oelbaum, and Sins Invalid. *DiGeSt. Journal of Diversity and Gender Studies*, 4(2): 47–60.

Shefer T. (2019) Activist performance and performative activism towards intersectional gender and sexual justice in contemporary South Africa. *International Sociology*, 34(4): 418–434.

Snow P. (2010) Performing society. *Thesis Eleven*, 103(1): 78–87.

Taylor A. (2022) Audience agency in social performance. *Cultural Sociology*, 16(1): 68–85.

Ventzislavov R. (2023) Performative Activism Redeemed. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 81(2): 164–172.

Wellman M.L. (2022) Black squares for Black lives? Performative allyship as credibility maintenance for social media influencers on Instagram. *Social Media+ Society*, 8(1): 1–10.

Источники

Пикет в поддержку пациентов Алтайского края. *ВКонтакте* [https://vk.com/wall-29709610_3377?ysclid=lslw84lxmu448510407] (дата обращения: 14.02.2024).

Общественное движение Пациентский контроль. *Пациентский контроль* [<https://packontrol.nethouse.ru>] (дата обращения: 29.06.2024).

Сообщите о перебоях. *Перебои* [<https://pereboi.ru>] (дата обращения: 29.06.2024).

THE CREATIVE POTENTIAL OF ACTORS IN THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL PERFORMANCE: JEFFREY ALEXANDER'S METHODOLOGICAL FRAMEWORK

Kirill V. Tkachenko (kyrie.tkachenko@gmail.com)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Tkachenko K.V. (2025) The creative potential of actors in the implementation of social performance: Jeffrey Alexander's methodological framework. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 83–108 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.4> EDN: GATWLW

Abstract: Jeffrey Alexander's theory of social performance is a medium-level theory aimed at interpreting cultural pragmatics and symbolic action through the analysis of social events (performances), obeying Alexander's higher theoretical constructions. This theory can be read in the logic of the performative turn, as a theory that is able to provide an explanation of how social reality is fulfilled. If Alexander concentrates on the interpretation of symbolic action and cultural context within social events (performances), which he interprets as the process of actors conveying the meaning of their socio-cultural situation to the audience, then the problem of the creative potential of performers of social performance realized in specific techniques of its organization remains unclear, for which Peter Snow criticizes him. Another problematic focus of the article is the debate that has begun in the modern cultural and sociological theoretical tradition regarding the role of the "actor" and the "audience" in successful performative performance. The article refers to the use of the methodology of social performance in relation to a specific empirical case of activists in the field of health — picketing, which examines how social performance using the analytical dominants of Alexander's theory; demonstrates by what technical means creativity is realized in the organization of successful performance; The obtained results are interpreted in the context of modern cultural and sociological theoretical debates regarding the role of actors and the audience in successful performative performance.

Keywords: Jeffrey Alexander, theory of social performance, cultural sociology, performativity, social activism, picketing, HIV.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00261-П.

ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

СОЕДИНЯЯ РАЗРЫВЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО ОПЕРАТОРА ПО ОБРАЩЕНИЮ С ОТХОДАМИ

Захарова Ольга Владимировна (o.v.zakharova@utmn.ru)

Пупышева Ирина Николаевна (i.n.pupysheva@utmn.ru)

Глазкова Анна Валерьевна (a.v.glazkova@utmn.ru)

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Цитирование: Захарова О.В., Пупышева И.Н., Глазкова А.В. (2025) Соединяя разрывы: социальные практики регионального оператора по обращению с отходами. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 109–136.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.5> EDN: GKBVBX

Аннотация. На сегодняшний день в Российской Федерации остаются нерешенными задачи максимальной утилизации твердых коммунальных отходов и внедрения раздельного сбора отходов. Чтобы внести вклад в решение данной проблемы, мы рассмотрели деятельность регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами в Тюменской области как социальную практику, развитием которой является позиционирование в социальных сетях. Цель статьи — анализ структуры социальной практики обращения с отходами и отслеживание ее динамики с применением автоматизации сбора и обработки данных. При этом практика сбора и обращения с отходами понимается нами с опорой на теоретическую рамку теории практик — как система связанных между собой элементов: «материалов», «компетенций» и «ценностей». Исследование осуществлялось на материале текстовых постов сообщества регионального оператора в социальной сети «ВКонтакте». Для анализа контента использовался частотный анализ текстов, анализ «портрета слова», тематическая кластеризация и оценка динамики тематических кластеров. В результате выявлена структура социальной практики обращения с твердыми коммунальными отходами регионального оператора на основе анализа элементов практики как системы связанных между собой элементов и динамики 10 наиболее частотных тематических кластеров. Достигнутый при этом результат связан, с одной стороны, с разработкой новой методологии анализа социальных практик на основе контента социальных медиа, с другой стороны, с описанием деятельности регионального оператора с точки зрения теории практик. В деятельности регионального оператора мы определили две конфигурации элементов практик: связанные с нормативно закреплённой практикой накопления, транспортировки, обработки, размещения отходов и связанные с внедрением элементов раздельного сбора отходов. Нами сделан вывод, что пока эти две конфигурации элементов практик регионального оператора не связаны между собой и необходимы специальные усилия по разработке стратегии

интеграции раздельного сбора в деятельность регионального оператора по обращению с отходами. Полученные выводы могут быть использованы региональными операторами по обращению с отходами, организациями жильцов, волонтерскими организациями для масштабирования раздельного сбора отходов.

Ключевые слова: теория практик, социальная практика, элементы социальных практик, обращение с отходами, региональный оператор по обращению с отходами, раздельный сбор отходов.

Введение

На сегодняшний день в Российской Федерации остаются нерешенными задачи максимальной утилизации твердых коммунальных отходов (ТКО). Объемы образуемых ТКО продолжают расти (О состоянии и об охране окружающей среды... 2023). Общее количество утилизированных ТКО в Российской Федерации в 2022 г. составило 3012,3 тыс. т (6,6 % от общей массы образованных ТКО), что на 3,6 % меньше, чем в 2021 г. (О состоянии и об охране окружающей среды... 2023). Решением обозначенных выше задач занимаются региональные операторы по обращению с ТКО, деятельность которых нормируется федеральным законодательством. Но, несмотря на проведение «мусорной» реформы в 2019 г., упорядочивающей сферу обращения с отходами, большая часть отходов все так же отправляется на полигоны или попадает на несанкционированные свалки. Причины этого в числе прочего в отсутствии разделения отходов на виды на стадиях сбора и накопления вторсырья, из-за чего также затрудняется его обработка и снижается ее качество (Ермолаева 2021).

В то же время россияне активно демонстрируют бытовой экоактивизм. По данным ВЦИОМ, 58 % россиян в 2021 г. и 51 % в 2022 г. включают в свои повседневные практики различные мероприятия, чтобы снизить антропогенное воздействие на окружающую среду, в том числе занимаются сортировкой отходов (Экоактивизм... 2023). При этом сортировка отходов, сдача рассортированных отходов и их транспортировка к тем, кто готов их перерабатывать, являются настоящим гражданским подвигом для раздельнособирающих (термин, который используем для самоназвания те, кто разделяет отходы по видам в бытовых условиях) (Шабанова 2024). В условиях почти полного и повсеместного отсутствия инфраструктуры раздельного сбора отходов как в крупных городах, так и в регионах раздельный сбор становится уделом волонтерских и коммерческих организаций (Шабанова 2021; Zakharova et al. 2022), а достижение цели максимального вовлечения отходов во вторичный оборот, поставленной Российским экологическим оператором, сильно затруднено (Ункуров 2022; Дыга 2023).

Для решения этой проблемы в некоторых российских регионах региональными операторами по обращению с ТКО проводятся мероприятия по развитию раздельного сбора и привлечения высококачественного вторсырья, собранного таким образом в хозяйственный оборот. Таким регионом является и Тюменская область, где региональный оператор при поддержке крупных компаний организовал пункты раздельного сбора отходов — экодому. Комплекс практик по обращению ТКО регионального оператора, а точнее репрезентация этого комплекса, будет рассмотрен в статье.

Тюменская область расположена в юго-западной части Западно-Сибирской равнины, в одной из самых староосвоенных частей Сибири, и занимает площадь 160,1 тыс. кв. км, что сопоставимо с площадями Пермского, Алтайского, Приморского краев, в два раза превышает площадь Австрии, в четыре раза — площадь Швейцарии и Нидерландов. По данным Росстата, численность населения Тюменской области на 01.01.2023 составляет 1557 тыс. человек, из них более 800 тыс. проживает на территории областной столицы — города Тюмени. На территории юга Тюменской области расположено 299 муниципальных образований, в том числе 20 муниципальных районов, 6 городских округов, 273 сельских поселений, на территории которых происходит образование ТКО. Региональным оператором по обращению с ТКО в Тюменской области является общество с ограниченной ответственностью «Тюменское экологическое объединение» (ООО «ТЭО»). С 1 января 2019 г. ООО «ТЭО» организует технологические процессы сбора, транспортировки и эксплуатации мусоросортировочных заводов, построенных в рамках реформы управления отходами. В регионе это не единственная компания, вовлеченная в сбор и переработку отходов, но единственная в регионе, получающая крупную государственную поддержку, тем самым единственная, чью деятельность в логике М. де Серто можно отнести к «стратегически» организуемым практикам, в то время как другие представляют собой волонтерскую и предпринимательскую практики.

В статье мы рассмотрим деятельность ООО «ТЭО» как социальную практику, в которую вовлечены различные акторы. При проведении исследования выбран подход теории практик (Shove, Pantzar, Watson 2012; Волков, Хархордин 2008), который позволяет изучать социальные практики как совокупность элементов, выявлять связи между практиками, механизмы изменений и стабилизации социальных практик и их динамику. Теория практик объединяет между собой таких разных исследователей, как П. Бурдьё, Э. Гидденс, Т. Шацки, С. Герарди, А. Реквиц, Э. Шов и др., поэтому в англоязычных источниках предпочитают использовать термин

«теории практики» (theories of practice), чтобы показать многообразие подходов. Мы используем термин «теория практик», следуя одной из наиболее фундаментальных работ на эту тему на русском языке В. В. Волкова и О. В. Хархордина «Теория практик» (Волков, Хархордин 2008). Социальные практики как совокупность элементов изучались и раньше (Mela et al. 2018; Schneider 2023), но в предыдущих исследованиях не рассматривалась сфера обращения с отходами. Кроме того, в указанных исследованиях использовались социологические методы интервью и наблюдения. Новизна нашего исследования в том, что мы используем автоматизированные методы анализа больших данных для выявления и описания структуры социальной практики и ее динамики.

Представленное исследование осуществлялось на материале текстовых постов сообщества в социальной сети «ВКонтакте» (ВК) «Тюменское экологическое объединение» (далее «ТЭО»; <https://vk.com/public184375373>). ВК на сегодняшний день является не только самой популярной социальной сетью в России, но и активно используется официальными, коммерческими и общественными организациями для освещения своей деятельности (Kozitsin 2023). Сообщество «ТЭО» отражает деятельность общества с ограниченной ответственностью ООО «ТЭО» по сбору, транспортировке, обработке, утилизации и размещению отходов, проводимую в Тюменской области. ООО «ТЭО» вводит новый набор повседневных практик граждан в рамках законодательства и правительственных стратегических документов, декларируя это на странице своего сообщества в ВК и выстраивая соответствующее позиционирование.

Цель статьи — применить методы автоматического сбора и обработки данных для выявления и описания структуры социальной практики обращения с отходами как системы связанных между собой элементов — «материалов», «компетенций» и «ценностей» — и ее динамики. Исследование также позволит обнаружить некоторые разрывы в социальной практике, не позволяющие масштабно решать задачи раздельного сбора и утилизации отходов, а также предложить устойчивые сочетания «материалов», «компетенций» и «ценностей», открывающие возможность для последующего упорядочивания практик. Полученные выводы могут быть полезны для органов власти и организаций, регулирующих деятельность в сфере обращения с отходами, а также для других акторов, вовлеченных в эту деятельность.

Статья организована следующим образом. Раздел «Теоретические основания» описывает идеи и принципы теорий практики, использованные в исследовании, «Ход исследования» — основные этапы сбора и анализа данных. Раздел «Обсуждение» посвящен рассмотрению полученных

результатов с точки зрения других исследований и нормативных рамок в сфере обращения с отходами. В заключение представлены выводы, ограничения и описание будущих исследований.

Теоретические и методологические основания

С позиции теории практик социальные практики описываются как организованные наборы действий, которые связываются в более широкие комплексы действий, образующих основную область изучения социальных наук (Shove, Pantzar, Watson 2012; Giddens 1984). Говоря о границах социальных практик, мы разделяем подходы STS-исследований (непосредственно Б. Латура), представление о практиках как сети акторов, включающих и практиков (людей, реализующих деятельность, с их ценностями и ожиданиями), и инфраструктуру, и материалы, оказавшиеся в доступе. Такой подход требует принятия равного соучастия человеческих и нечеловеческих акторов и ставит задачу выявления значимых элементов (акторов) практики среди всех, представленных в наличии. Приняв этот тезис, мы принимаем и принципиальную изменчивость практик как организованных наборов действий, которые связываются в более широкие комплексы действий.

Для определения универсально значимых элементов всех социальных практик мы обратились к теориям, структурирующим социальные практики как состоящие из элементов. Одним из первых элементы практик описал А. Реквиц (Reckwitz 2002), который выделил формы телесной и умственной деятельности, вещи и их использование, фоновые знания в форме понимания, ноу-хау, эмоциональные состояния и мотивационные знания. А. Реквиц описывал эти элементы следующим образом. С точки зрения телесной деятельности практики представляют собой рутинные взаимосвязанные комплексы действий, которые дополняются устойчивыми паттернами понимания мира, мотивационными знаниями и эмоциональными состояниями. Осуществление практики предполагает устойчивую связь между вещами и их использованием, следовательно, участие в практике требует знания того, как это делать, и дискурсивного соотношения вещей, материалов с ценностными ориентациями. Рутинная социальных практик структурирует общество (агентов и институты) и социальные процессы во времени и пространстве. Агент решает практические задачи и может использовать инновации (ноу-хау) благодаря пониманию процессов и их оценке.

За этой попыткой представить социальные практики как наборы элементов последовали другие. Например, Э. Шов предлагает анализировать практики как комбинацию трех элементов: материалов, компетенций

и значений (Shove, Pantzar, Watson 2012). Именно эта простая и функциональная концептуализация элементов практики широко используется исследователями, например для анализа устойчивого потребления с точки зрения изучения траекторий практик и их элементов (Ariztia 2017). Э. Шов и др. описывают эти элементы следующим образом: «Материалы включают вещи, технологии, осязаемые физические объекты и материал, из которого сделаны объекты; компетенции охватывают навыки, ноу-хау и технику; и значения, в которые мы включаем символические значения, идеи и стремления» (Shove, Pantzar, Watson 2012: 14).

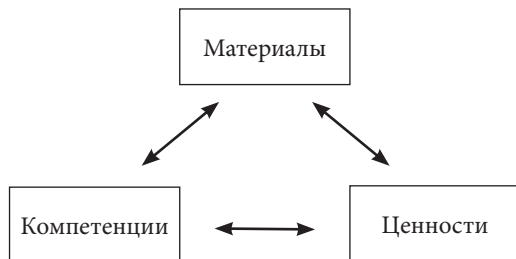
Для настоящего исследования наиболее подходящим является понимание практик как состоящих из трех элементов: материалов, компетенций и значений. Такой подход предполагает учет материальных аспектов практики и демонстрацию того, как их использование зависит от компетенций и значений, что, на наш взгляд, является продуктивным для оценки воздействия социальных практик на окружающую среду. Так, Дж. Морли утверждает, что материальность социальных практик включает аспекты окружающей среды, такие как воздух и вода, а также менее осязаемые явления, такие как звук и тепло (Morley 2017: 83). Таким образом, социальная практика вписывается в материальные контекст: люди используют ресурсы и производят загрязнения в процессе приема душа, приготовления пищи, передвижения и т.д. Таким образом, материальные условия социальных практик являются значительным фактором негативного воздействия на окружающую среду, что подчеркивает актуальность изменения практик для решения экологических проблем, но не отвечает на вопрос о способе достижения цели.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, как происходят изменения социальных практик, отметим, что элементы, выделенные Э. Шов и др., позволяют анализировать процессы возникновения, существования и оптимизации набора практик, обновления практик и связи между ними. Если мы ищем способ уменьшить негативное воздействие социальных практик на окружающую среду и разработать более экологичные практики, то имеет смысл не только разработать структурированное представление о них как о системе взаимосвязанных элементов социальных практик, но и систематизировать способы управления их трансформацией (Shove, Pantzar, Watson 2012: 77). Для описания механизма внедрения новых элементов практик Э. Шов, помимо прочего, ссылается на теорию «многоуровневых» инноваций (Rip, Kemp 1998), когда новые элементы практик закрепляются в защищенных «нишах», затем масштабируются, вовлекая все больше сторонников и лишь затем закрепляются нормативно, становясь частью «ландшафтов». Причем масштабирование может быть

обеспечено за счет внедрения/изменения любого элемента практик — удобных технологий, обучения в группах, новых значений, продвигаемых энтузиастами-практиками, а также за счет их сочетаний. Среди механизмов, закрепляющих новые практики, чаще всего описываются экспериментирование и консультирование с участниками (Cass, Schwanen, Shove 2018), взаимное обучение и поддержка в сообществе (Mela, Peltomaa, Salo, Makinen, Hilden 2018), поэтапное внедрение элементов новых практик (House 2019). Таким образом, способность учитывать материальные аспекты практик, их связи с другими элементами, а также динамику практик является основной причиной, по которой мы анализируем социальные практики как совокупность элементов: материалов, компетенции и значений.

Анализ элементов практик объясняет не только их динамику, но и рекурсивную природу социальной практики через различение практики как сущности (*practices-as-entities*) и практики как деятельности (*practices-as-performances*) (Schatzki 1996: 89). Практики как сущности — это уникальное сочетание элементов, шаблон, который позволяет нам отличить практику приготовления пищи от практики похорон. Однако конкретные действия, которые наполняют этот шаблон, не менее уникальны, порождают множество специфических кулинарных практик (Reckwitz 2002: 250). Это и есть практика как деятельность.

Возможность представить практику в виде шаблона (рис. 1) является важной идеей для нашего анализа социальных практик, поскольку это позволяет формализовать уникальные практики, существующие во времени и пространстве, как некоторые относительно стабильные наборы элементов. В свою очередь, диалектическая взаимосвязь между практикой как сущностью и практикой как деятельностью гарантирует нам, что конкретные условия, в которых существуют практики, будут включены

Рис. 1. Социальная практика как совокупность взаимосвязанных элементов

в анализ как элементы этих практик, отчего практики могут быть оценены с точки зрения элементов, их динамики и связи между практиками.

Новизна предложенного подхода заключается в том, что для анализа репрезентации элементов практик мы используем тексты, собранные из постов в социальной сети. Социальные сети сегодня являются ведущим средством коммуникации между различными социальными акторами по поводу экологических проблем, поэтому анализ контента сообществ в социальных сетях задействуется все чаще для исследования репрезентации экологических практик (Цепилова, Гольбрайх 2020; Климова, Куликов, Чмель 2021). Социальные сети выступают как вполне конкурентный источник информации для получения данных о ценностных характеристиках авторов постов и комментариев, их тематических интересах, осуществляемой и продвигаемой деятельности и т.д. (Забокрицкая и др. 2020; Домбровская 2021; Парма 2021). Поэтому коллекция текстов из сообщества в социальной сети представляет для нас источник информации об элементах практик, их взаимосвязи и динамики на уровне репрезентации.

Для выявления и описания структуры социальных практик мы применяем методы автоматического сбора и обработки данных в текстовых коллекциях. Для автоматического поиска упоминаний элементов практик необходима их формализация, основанная на теории практик (Shove, Pantzar, Watson 2012). Для анализа взаимосвязей между элементами практик в конкретных социальных ситуациях и динамики социальных практик мы использовали метод тематического моделирования.

Для выявления элементов социальной практики обращения с отходами использовано тематическое моделирование. Этот метод доказал свою эффективность при анализе коллекций текстов на русском языке (Митрофанова, Атугодаге 2023; Zakharova et al. 2025). Методы тематического моделирования обрабатывают коллекцию документов, выявляя основные темы, представленные в виде набора ключевых фраз. Каждая выявленная тема соответствует интерпретируемому человеком семантическому понятию. В результате определяется набор смысловых тем, содержащихся в данных документах и доступных для интерпретации (Abdelrazek 2023).

Существует множество методов тематического моделирования, но обычно применяются алгебраические (LSA, NMF), вероятностные (LDA) и нейросетевые (LDA2Vec, BERTopic) методы. В данном исследовании использовалась модель BERTopic (Grootendorst 2025), которая применяет представления векторов слов из предварительно обученной языковой модели BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers) (Devlin, Chang, Lee, Toutanova 2019), процедуры кластеризации с уменьшением размерности и ранжирует слова, образующие темы. Выделение

тем в BERTopic включает три основных этапа. Во-первых, каждый документ в коллекции преобразуется в векторное представление с помощью модели paraphrase-multilingual-MiniLM-L12-v2 (Reimers, Gurevych 2020). Эти векторы отражают не только лексическое значение слов, но и их контекст, помогая учесть полисемию и сложные семантические связи между словами. Затем размерность этих векторов уменьшается с помощью UMAP (Uniform Manifold Approximation and Projection), что способствует более эффективной кластеризации с помощью алгоритма HDBSCAN (Hierarchical Density-Based Spatial Clustering of Applications with Noise). Снижение размерности помогает визуализировать и группировать тексты, сохраняя при этом ключевые паттерны и взаимосвязи между ними. HDBSCAN обрабатывает данные с различной плотностью и может выявлять «шум» (тексты, которые не попадают ни в один кластер). Наконец, ключевые фразы (n-граммы), характерные для каждого кластера, идентифицируются с помощью специальной метрики c-TF-IDF, которая помогает четко определить темы, представленные в каждом кластере. BERTopic также предоставляет инструменты для визуализации результатов, чтобы исследователи могли лучше понять, как темы распределены по корпусу текстов. Таким образом, тематическое моделирование позволяет анализировать текстовую информацию и выявлять скрытые тематические структуры в коллекции документов.

С помощью тематического моделирования, примененного к анализу коллекции текстов, мы определяем, как элементы практик связываются в различные темы, отражающие деятельность регионального оператора по обращению с ТКО в Тюменской области.

Ход исследования

Для описания практики сбора отходов как системы связанных между собой материалов, компетенций и ценностей мы обратились к анализу текстов одного из сообществ, представленных в сети «ВКонтакте».

В качестве материала для исследования выбраны тексты экологического сообщества «ТЭО». Данное сообщество появилось в 2019 г., с тех пор его администраторы регулярно размещают посты, связанные с деятельностью ООО «ТЭО». Динамика публикации постов на странице сообщества в 2019–2023 гг. представлена на рисунке 2. Общее количество текстов постов за указанный период — 1059. Тексты постов сообщества собраны с помощью VK API (<https://vk-api.readthedocs.io>) и языка программирования Python.

На втором этапе мы провели частотный анализ текстов. Для этого выделены наиболее часто встречающиеся в текстах сообщества существи-

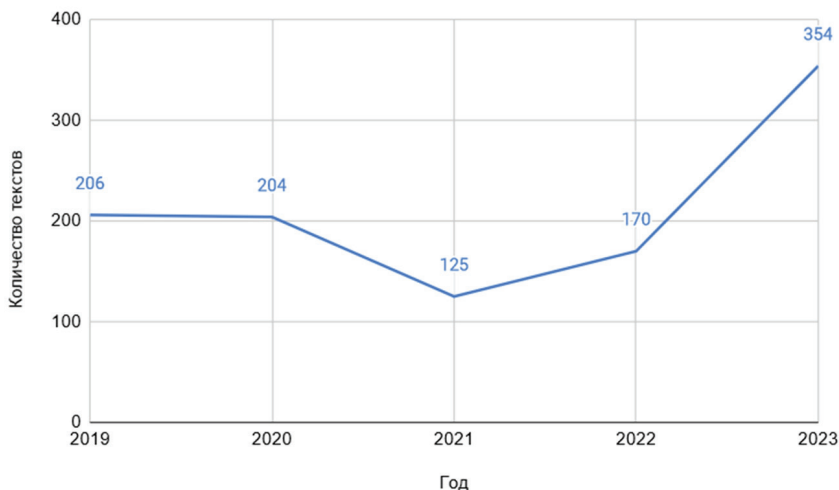

Рис. 2. Динамика публикаций постов в сообществе «ТЭО»

тельные, глаголы и прилагательные. Частота встречаемости определялась как частота данного слова относительно всех слов соответствующей части речи. Для определения частей речи использовалась библиотека PyMorphy2 (Korobov 2015), разделение текстов на слова производилось при помощи библиотеки NLTK (Bird 2006).

Для обработки результатов частотного анализа мы провели разделение по частям речи. Поскольку ключевым способом обозначения в языке *вещей, инструментов и ресурсов* являются конкретные существительные, мы выбрали из общего списка наиболее частотные наименования. Кроме того, рассмотрели список частотных относительных прилагательных, образованных от существительных со значением вещи, инструмента, ресурса (типа «контейнерный»), словосочетание уточняли по тексту — *контейнерная площадка*). Компетенции искали прежде всего в списках частотных глаголов — среди глаголов, относящихся к лексико-семантическим группам действия и движения, а также интеллектуальной деятельности и речевого общения. Глаголы, отражающие чувства, качественные и эмоциональные состояния мы исключили на том основании, что они не могут отражать деятельностного значения практики. При этом отглагольные существительные и прилагательные, отражающие деятельностное значение, мы включили. *Ценности* мы искали среди тех частотных слов (всех частей речи), в значении которых можно найти отношение (например, *ценность вторсырья выше, чем мусора*). Особое внимание в этом ключе

получили абстрактные существительные и образованные от них прилагательные, значение которых содержит в себе ценностные элементы. Значение слов анализировали с помощью «портрета слова» Национального корпуса русского языка (Бонч-Осмоловская и др. 2024). Такой подход позволил наметить общую схему практики сбора и переработки отходов.

На третьем этапе мы провели тематическую кластеризацию. Кластеризация по тематическим группам выполнялась с помощью тематического моделирования с помощью модели BERTopic (Grootendorst 2022). BERTopic относится к тематическим моделям, комбинирующим классический вероятностный подход к тематическому моделированию с использованием современных лингвистических моделей. Тематическое моделирование с помощью BERTopic выполняется в три этапа. Сначала каждый текст из исходной коллекции текстов преобразуется в векторное представление с помощью предварительно обученной лингвистической модели BERT (Devlin, Chang, Lee, Toutanova 2019). Далее проводится снижение размерности векторов и выполняется построение тематических кластеров. На последнем этапе из кластеров извлекаются описывающие их ключевые выражения (Митрофанова, Атугодаге 2023). В данной работе для реализации BERTopic мы использовали предобученную лингвистическую модель Multilingual BERT (mBERT).

Тематическая кластеризация позволила выделить повторяющиеся сочетания слов, которые стали основой для выявления конфигурации практики как системы элементов. Сочетания, в которых встречались категории со значением вещей, ресурсов, инструментов, компетенций и ценностей, мы рассматривали как целостные конфигурации практики. В тех случаях, когда сочетания слов не включали одну из составляющих (чаще это были ценности), отсутствующий элемент мы достраивали из результатов частотного анализа.

На четвертом этапе, сфокусировавшись на динамике показателей с 2019 по 2023 г., с помощью тематической кластеризации мы смогли отследить конфигурационные изменения. Основанием для таких выводов стало различие между группами тематических сочетаний в разные годы.

Частотный анализ: практика как действие

Материалы и инструменты

Материалы в логике Э. Шов и др. представлены довольно широко: от инструментов и логистических решений до конкретных вещей (Shove, Pantzar, Watson 2012: 14). Для практик сбора отходов это номинации отдельных видов вторсырья (пластик, стекло, жесь), предметов, подлежа-

щих переработке (бутылки, банки), инструментов (прессы для отдельных видов сырья, контейнеры, площадки, обменники), транспортные решения (экотакси), средства коммуникации (сайт).

Частотный анализ текстов показал, что ООО «ТЭО» не различает виды сырья и инструментально задействует только контейнеры и площадки (тоже контейнерные, как показывают частотные словосочетания со словом площадка). Чаще всего это просто *отходы* (854 упоминания), *мусор* (345), *вторсырье* (154). Инструменты и инфраструктура представлены существительными *площади* (359), *контейнеры* (250), *завод* (207), *мусоровоз* (149) и *экодом* (273). Среди прилагательных особенно выделяются *контейнерный* (218 — в сочетании с площадкой) и *мусоросортировочный* (145 — в сочетании с заводом).

Компетенции

Компетенции в концепции Э. Шов и др. представляют собой «навыки, ноу-хау и технику» (Shove, Pantzar, Watson 2012: 14). То есть речь идет о способности производить определенные действия и потребности в этих действиях. Номинации компетенций в частотном анализе представлены преимущественно глаголами действия, частично существительными и прилагательными, определяющими область или социальный характер деятельности. Тематический анализ показал контекстуальную близость номинаций ресурсов и компетенций, что открывает возможность для определения значимых деятельностей внутри практики.

Компетенции регионального оператора ООО «ТЭО» представлены глаголами *принять* (96), *вывезти* (86), *сдать* (61), *выбросить* (61), *собрать* (50) и отглагольным существительным *вывоз* (144), прилагательным *коммунальный* (295 — в сочетании со службами).

Ценности

Ценностями Э. Шов и др. называет символические значения, идеи и стремления (Shove, Pantzar, Watson 2012: 14). Это может быть классификация и переклассификация элементов (как компетенций, так и материалов), переписывание больших и малых нарративов о социально значимом (здоровье нации, региональном развитии, спасении планеты и т.д.).

В результатах частотного анализа мы обнаружили несколько групп слов, в значении которых можно найти ценностные ориентации. Прежде всего это номинации значения «материал» как элемента практики: в анализируемых постах чаще всего речь идет об отходах (854), реже о мусоре (345), и на третьем месте вторсырьё (154). В этих категориях варьируется коннотации полезности, значимости и бережного отношения.

Практика сбора и переработки вторсырья безусловно позиционируется как экологическая и в этом смысле демонстрирующая ценность экологии. При этом в частотных результатах нашли отражение следующие номинации: *экодом* (373), *экология* (163), *экологический* (323), *экологичный* (80), *чистый* (51). В эту же группу можно отнести прилагательное *окружающий* (56) в сочетаниях *окружающий мир* и *окружающая среда* — общий контекст употребления связан с их защитой.

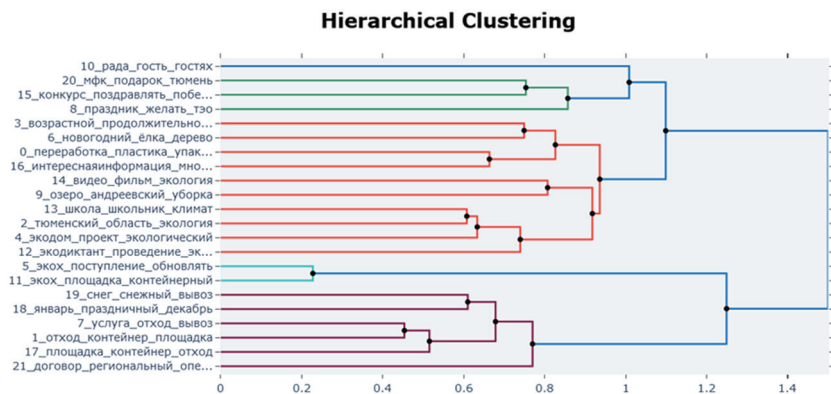
К ценностям можно отнести категории, указывающие на локацию практики — она часто позиционируется через привязку к региону: *Тюмень* (262), *регион* (168), *тюменский* (619), *региональный* (190), *областной* (56) — общий контекст предполагает экологическую защиту региона.

Также отметим, что на уровне прилагательных появляется позиционирование не только через экологичное отношение к окружающей среде, но и через полезность и интересность практики для субъекта (личностное отношение): *полезный* (77), *интересный* (71).

Тематическая кластеризация: конфигурации практики и динамика изменений

Для анализа практик с использованием инструментов тематического анализа мы рассмотрели два типа сочетаний: а) группы слов, встречаемых в одном контексте (одним сочетанием) — в рамках статьи будем их называть *тематическими кластерами*; б) встречаемые в одном посте тематические кластеры — *укрупненные тематические кластеры*. Укрупненные тематические кластеры на рисунках выделены номерами, тематические кластеры представлены справа набором наиболее частотных слов, динамика изменений представлена ломаными линиями (рис. 3).

На основе анализа укрупненных тематических кластеров можно выделить инфраструктурные конфигурации (на рисунке отмечены цифрами). В конфигурацию, объединенную под номером 4 (*Бытовые сложности*) входят темы 19 (снег, снежный, вывоз, служба, мусоровоз, коммунальный, площадка, спецтехника, проблема, управлять), 18 (январь, праздничный, декабрь, отход, праздник, тонна, объем, коммунальный, линия, выходной), 7 (услуга, отход, вывоз, мусоровоз, мусор, линия, регоператор, обращение, договор, штраф), 1 (отход, ТЭО, тюменский, экология, экологический, мусор, область, регоператор, экодом, житель), 17 (площадка, контейнер, отход, контейнерный, водитель, ситуация, служба, автомобиль, нарушение, коммунальный), 21 (договор, региональный, оператор, услуга, свалка, законодательство, юридический, предприниматель, кооператив, обращение). Этот кластер описывает систему «материалы — компетенции — ценности» следующим образом: материалы (снег, мусоровоз, площадка, спецтехника,

Рис. 3. Укрупненные тематические кластеры

линия, мусор, регоператор, договор, штраф, автомобиль, свалка, законодательство, кооператив — экодом); компетенции (вывоз — работа коммунальная служба — работа в рамках договора — водитель — вождение без нарушений — юридические компетенции); ценности (экология — регион — правовые нормы).

Следующая конфигурация — под номером 3 (*Соблюдение порядка*) — включает темы 5 (экох [экохам], поступление, обновлять, держать, доскапозор, нуть, закон, нарушитель, курс, мера) и 11 (экох [экохам], площадка, контейнерный, нарушитель, доскапозор, порядок, закон, соцсеть, поступление, держать). Здесь материалами являются, помимо, контейнеров и площадки, соцсети и доска позора, компетенциями — способность/неспособность соблюдать порядок/закон, ценности — порядок на контейнерной площадке, порядок.

Самая объемная конфигурация — под номером 2 (*Экопросвещение*) — представлена тематическими кластерами 12 (экодиктант, проведение, экология, роцца, подарок, онлайн, юлий, олимпиада, экологический, окружающий), 4 (экодом, проект, экологический, эксперт, платформа, экософия, экология, класс, узнать, ребёнок), 2 (тюменский, область, экология, экологический, завод, нацпроект, дайджест, мусоросортировочный, тэо, экологическаяреформ), 13 (школа, школьник, климат, экокопилка, научный, ребята, олимпиада, тюменский, экология, экологический), 9 (озеро, андреевский, уборка, мусор, доброволец, субботник, берег, собрать, активист, пляж), 14 (видео, фильм, экология, нацпроект, мусор, экох, тко, тэо, герой, отход), 16 (интереснаяинформация, многоразовый, экологичный, космический, пакет, материал, планета, вторсырьё, щётка, вторичное потребление), 0 (отход, тэо, тюменский, экология, экологический, мусор,

область, регоператор, экодом, житель), 6 (новогодний, ёлка, дерево, праздник, игрушка, ёлочка, праздничный, украшение, конкурс, поделка), 3 (возрастной, продолжительность, категория, группа, экодом, мероприятие, мастер, расписание, класс, изготовление). Материалами в этой конфигурации оказываются олимпиада, акция, экодом, платформа, информация об экологии, ёлка, дерево, праздник, конкурс, мастер-класс, расписание, ёлочная игрушка; в компетенции входит умение устраивать акции (конкурсы, диктанты, олимпиады, уборки озера Андреевское, мастер-класса по изготовлению елочной игрушки), ценностями — экология, планета, нацпроекты, область, чистый берег).

Еще одна конфигурация — под номером 1 (*Конкурсы*) — собирается из тематических кластеров под номерами 8 (праздник, желать, тэо, пусть, дорогой, настроение, любимый, тюменская область, тко, поздравлять), 15 (конкурс, поздравлять, победитель, приз, подписчик, неделя, ольга, итог, розыгрыш, группа), 20 (мфк, подарок, тюмень, совместный, экодом, приз, декабрь, розыгрыш, любимый, встреча). Материалами для этой конфигурации оказывается экодом, праздник, подписчик, неделя, конкурс, приз, розыгрыш, группа, подарок, экодом, компетенциями — умение поздравлять, желать, устраивать конкурсы и розыгрыши, ценностными выглядят подписчик, приз и настроение.

Отдельным тематическим кластером (*Гостеприимство*) — (рада, гость, гостях, рассказывать, встреча, отзыв, уютный, пространство, коллега, коллегам), где материалы — уютное пространство, инструменты обратной связи (отзыв), компетенции — умение рассказывать и принимать гостей, а ценности — радость и обратная связь (отзыв), можно считать объединение тем 15 (конкурсы среди подписчиков), 14 (съемке фильма об экологии), 5 и 11 (обнаружение экохамов) и 21 (заключение договоров).

Динамика развития практики

Анализ использования тематических сочетаний в разное время на протяжении пяти лет (2019–2023) показал, что деятельность позиционировалась компанией ООО «ТЭО» по-разному. Ниже представлена динамика использования 10 наиболее частотных кластеров, она же предоставляет возможность судить о динамике развития (рис. 4).

На рисунке 4 представлено 10 наиболее частотных тематических кластеров. Общая динамика их развития показывает чувствительность некоторых конфигураций практики от пандемии коронавируса — в 2020 г., когда вводятся ограничения, почти все демонстрируют спад; а в 2022 г., когда ограничения снимаются, наблюдается рост активности. Наибольшую динамику в этом отношении демонстрируют тематические клас-

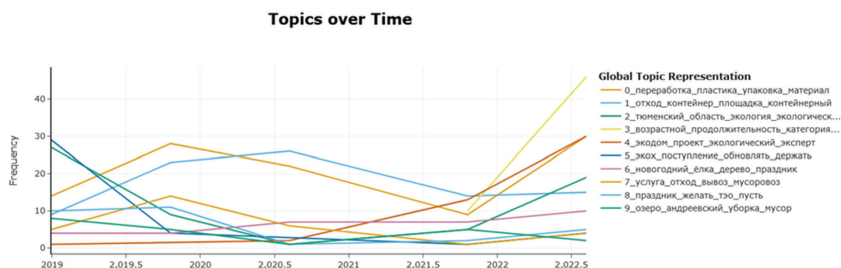

Рис. 4. Общая динамика развития тематических кластеров

теры 2, 7, 8 (экологические акции, информационные лекции, праздничные мероприятия и в то же время стандартная работа мусоровозов).

В этой же логике, но с некоторым отличием представлена динамика очистки пляжа озера Андреевское (тематический кластер 9: озеро, андреевский, уборка, мусор, доброволец, субботник, берег, собрать, активист, пляж») — демонстрирует спад и даже отсутствие этой акции в постах сообщества с 2020 по 2022 г., а затем резкий рост активности и снова спад с конца 2023 г.

Наиболее частотным на сегодняшний день является тематический кластер 1 (отход, тэо, тюменский, экология, экологический, мусор, область, регоператор, экодом, житель) — демонстрирует стабильный рост с 2019 по середину 2020 г., затем на фоне появления постов других тематических групп наблюдается медленный спад частотности и стабилизация со второй половины 2022 г. То же самое наблюдается с частотностью тематического кластера 8 (праздник, желать, тэо, пусть, дорогой, настроение, любимый, тюменская область, тко, поздравлять), после пандемии он вообще слабо представлен.

Тематический кластер 7 (услуга, отход, вывоз, мусоровоз, мусор, линия, регоператор, обращение, договор, штраф), включающий помимо сбора отходов с контейнерной площадки еще и решение проблемных ситуаций, встречается реже, демонстрирует спад активности в 2022 г., затем медленный рост и стабилизация.

Тематический кластер 5 (экох [экохам], поступление, обновлять, держать, доскапозор, закон, нарушитель, курс, мера) реализуется как практика только до 2020 г., причем его активность медленно снижается.

Отдельно мы рассмотрели динамику трех тематических кластеров, показывающих смену характера практики наиболее заметным образом (кластеры 1, 4 и 5). Общий анализ говорит о том, что кластер 1 является наиболее частотным на протяжении всего исследуемого периода. При

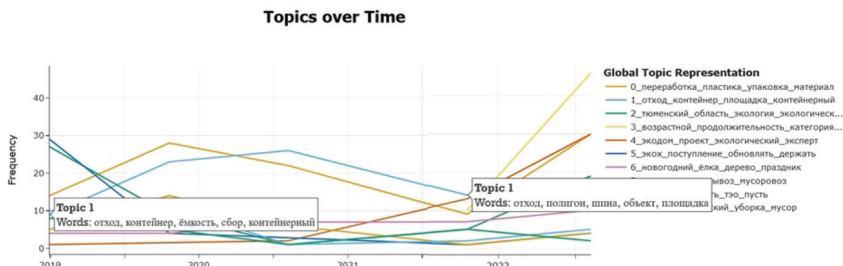

Рис. 5. Динамика изменений: тематический кластер 1

восстановлении на его основе практики как набора «материалы — компетенции — ценности» отметим, что по мере развития этот набор трансформируется. В 2019 г. это набор «отход, контейнер, емкость», куда постепенно добавляется площадка (в 2020 г.) и коммунальная служба (в 2021 г.). А в 2022 г. в тематическое сочетание входят номинации конкретных перерабатываемых вещей (даже не материалов) — сначала шины и полигон, затем деревья (в 2023 г.) (рис. 5).

Отдельного внимания заслуживает динамика тематического кластера 4 (экодом, проект, экологический, эксперт, платформа, эконофия, экология, класс, узнать, ребенок). До середины 2020 г. его нет, затем резкий взлет частотности. В этом тематическом кластере можно увидеть изменения в наборе компетенций. Если в середине 2020 г. это умение проводить диктанты и работать с детьми, в 2021 г. добавится умение проводить мастер-классы, то к началу 2023 г. это способность давать экспертную лекцию, оценку, философскую позицию (рис. 6). Следует также отметить, что с момента появления номинация *экодом* прочно входит в другие тематические кластеры.

А вот динамика тематического кластера 5 (экох [экохам], поступление, обновлять, держать, доскапозор, закон, нарушитель, курс, мера) демон-

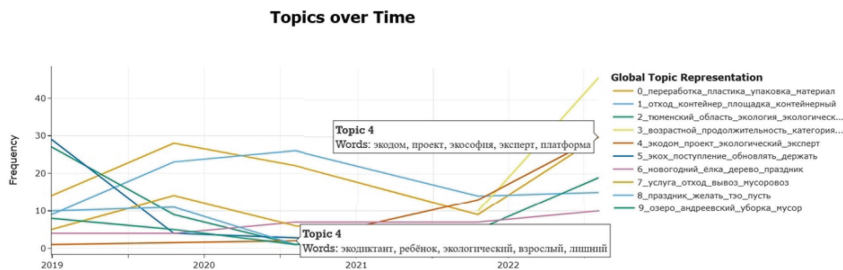

Рис. 6. Динамика изменений: тематический кластер 4

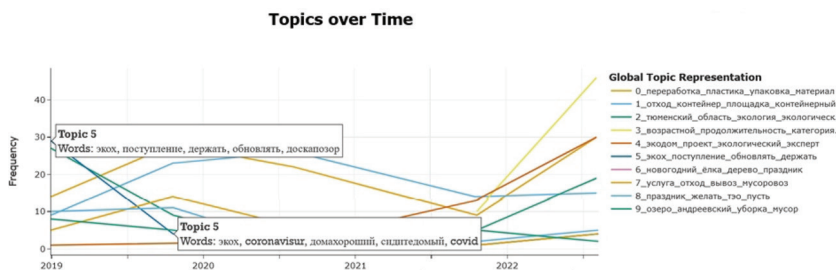

Рис. 7. Динамика изменений: тематический кластер 5

стрирует смену набора компетенций и ценностных ориентаций (рис. 7). В 2019 г. это «обнаружение нарушителей», «обновление доски позора» ради ценностей чести и достоинства (не попасть на доску позора), а уже в 2020 г. компетенция подается в связке с призывом сидеть дома, а ценности — в контексте здоровья и здорового образа жизни.

В наборе прочих тематических сочетаний изменения связаны преимущественно с расширением синонимического ряда ряда однокоренных слов типа «вывоз + вывозить».

Дискуссия

ООО «ТЭО» позиционирует свою деятельность на странице сообщества в социальной сети ВК. В описании сообщества «ТЭО» отмечается, что компания обеспечивает полный цикл обращения с твердыми коммунальными отходами в Тюменской области от сбора до обработки и захоронения. Сбор осуществляется в местах накопления отходов, обработка — на трех мусоросортировочных заводах региона, захоронение — на полигонах. Кроме того, ООО «ТЭО» включает обособленные подразделения «Экодом», четыре из которых расположены на территории областного центра в г. Тюмени и два в крупных городах области: в Тобольске и Ишиме. Проект «Экодом» позиционируется как просветительский, направленный на повышение экологической грамотности. Внутри экодомов существуют точки раздельного сбора, инструменты для починки одежды, изготовления полезных вещей из вторсырья, книгообменники, настольные игры, проводятся лекции и мастер-классы. В них всегда присутствуют сотрудники, которые помогают посетителям ориентироваться в тонкостях раздельного сбора и имеющейся инфраструктуры, готовые обсудить возникающие вопросы и поддержать усилия начинающих участников раздельного сбора отхода.

Для описания деятельности ООО «ТЭО» как социальной практики, состоящей из трех элементов — «материалы — компетенции — значения»,

мы проанализировали контент сообщества в ВК. Примененная методология позволила описать практику раздельного сбора отходов как конкретную деятельность, которая заполняет шаблон практики в данном месте и в данное время (Reckwitz 2002: 250). С точки зрения теории практик эта конкретная деятельность не является результатом индивидуального выбора, она социальна по своей природе: организована по определенным правилам, соответствует разделяемым обществом значениям, использует доступные обществу технологии. Рассматривая практику, организуемую ООО «ТЭО», мы смогли выделить основные элементы практик: материалы, компетенции, значения (Shove, Pantzar, Watson 2012: 14). Это деятельность по оказанию коммунальных услуг по накоплению отходов на контейнерных площадках, согласно определенным правилам, транспортировка отходов мусоровозами на мусоросортировочный завод для дальнейшей обработки. Знание того, что ООО «ТЭО» является региональным оператором по обращению с ТКО, позволяет нам сопоставить выявленную с помощью исследования практику с нормативной, описанной в Федеральном законе «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 89-ФЗ. Это важный элемент верификации результатов исследования, подтверждающий, что использованный нами метод позволил правильно описать деятельность «ТЭО».

Особняком от нормативного описания практики стоит экопросветительская деятельность ООО «ТЭО», которую мы определили через такие конфигурации практик, как «экодом — экоакции — экология», и такие укрупненные тематические кластеры, как *Экопросвещение*, *Конкурсы*, *Гостеприимство*. Эта деятельность позволяет нам анализировать роли различных акторов в процессе обновления практик: участие в организации экодомов крупных промышленных компаний преследует имиджевые цели, вносит ненормативные элементы в деятельность ООО «ТЭО». А сами экоакции — лекции, мастер-классы, конкурсы, олимпиады, книгообмены, очистка берегов рек — заимствованы из традиционных российских практик (субботников по уборке территории и озеленения территории) и у волонтерских организаций, также представленных в городе и много лет осуществляющих такую деятельность (Zakharova, Karagulian 2023; Zakharova et al. 2022). Согласно теории практик, такой трансфер элементов практик может осуществляться через энтузиастов, информирование, заимствование инфраструктурных элементов и т.д. (Schatzki 1996; Shove, Pantzar, Watson 2012). Экодома — мини-модели закрепившейся в Тюмени волонтерской практики раздельного сбора отходов. Для объяснения изменений социальной практики в теориях практики применяют теорию инноваций, с позиции которой волонтерские организации создают нише-

вые инновации, самые жизнеспособные из которых масштабируются, в том числе за счет включения в близкие практики (Shove, Pantzar, Watson 2012; Rip, Kemp 1998).

Благодаря анализу динамики мы можем определить точку вхождения новых конфигураций элементов практики в деятельность ООО «ТЭО». Очистка озера Андреевского появилась с момента основания организации, и связана эта практика с историческими традициями уборки территории (Zakharova, Karagulian 2023). Тема экодому возникает в середине 2020 г. и вначале ограничивается широко распространенными среди экологических организаций экодиктантами и работой с детьми, позже включаются элементы, отработанные волонтерскими организациями: обучение раздельному сбору отходов, мастер-классы по вторичному использованию отходов, лекции и целые учебные курсы. Сама идея пунктов приема вторсырья также вызрела внутри волонтерских организаций, перепробовавших разные формы сбора отходов (экомобили, экодворы), и оставившихся на пунктах приема вторсырья как наиболее успешной форме. Таким образом, мы можем увидеть, как в условиях отсутствия инфраструктуры раздельного сбора во дворах практики раздельного сбора отходов внедряются в работу регоператора через деятельность экодому. Тем самым создается новая «нормальность» экологичности — разделение отходов в повседневных практиках, что может стать прекрасным стартом для повсеместного внедрения раздельного сбора отходов (Mela et al. 2018).

Таким образом, в деятельности ООО «ТЭО» мы можем выделить две конфигурации элементов практик. Первая связана с нормативно закрепленной практикой накопления, транспортировки, обработки отходов. Вторая — это внедрение элементов раздельного сбора. Интересно, что механизмы рутинизации этих конфигураций различаются. Возникновение новых социальных практик неизбежно сталкивается с конфликтом со сложившимся рутинным порядком отношений между элементами практик и сопротивлением участников. В случае с ООО «ТЭО» это сопротивление касается как возникновения и закрепления нормативно урегулированной практики регионального оператора по обращению с твердыми коммунальными отходами, так и внедрения элементов раздельного сбора отходов. Но преодоление этого сопротивления производится разными способами. После реформы в сфере обращения с отходами и с началом деятельности регионального оператора понадобилось время, чтобы население привыкло к установленным сверху правилам (укрупненные тематические кластеры *Бытовые сложности* и *Соблюдение порядка*). В этот момент появилось сообщество в ВК «ТЭО», в котором разъяснялись правила участия в этой деятельности, осуществлялось быстрое реагиро-

вание на возникающие сложности и вопросы жителей и началась борьба с экохамами, пик которой, согласно результатам исследования, приходится на 2019 г. (укрупненный тематический кластер *Соблюдение порядка*). Экохам — носитель антипрактики, на его примере разъясняется, как нельзя делать, он «клеимится» как нарушитель, его поведение считается позорным, он должен быть осужден и оштрафован. Таким образом, помимо уже описанных в научной литературе механизмов внедрения новых практик, например консультирования, наше исследование позволяет описать «репрессивные» механизмы преодоления ненормативных элементов практик. При этом внедрение нормативно закрепленной практики практически не предполагало экспериментирования или взаимного обучения (Cass, Schwanen, Shove 2018; Mela et al. 2018). Поэтапность (House 2019) присутствовала, но связана она была только с развитием инфраструктуры: появлением новых контейнеров, контейнерных площадок, мусоровозов, мусоросортировочных заводов и т.д.

Другие механизмы задействованы при попытках внедрения элементов раздельного сбора. Экодомы становятся площадками, где возможно консультирование, обсуждение, где проводятся обучающие и экспериментальные мероприятия (укрупненные тематические кластеры *Экопросвещение, Конкурсы, Гостеприимство*). Никаких «репрессивных» механизмов, мягкое вовлечение и обучение, включение ценностных механизмов, когда экоакции приобретают не только глобальную значимость — экологичный, чистый, но и личностную — полезный, интересный. Экоакции, которые ООО «ТЭО» организовывало в рамках экопросвещения и до появления экодомов, сейчас прочно привязываются к новой конфигурации элементов практики. Сюда же «привязываются» мероприятия, направленные на обучение повторному использованию, сокращению образования отходов. Однако такая конфигурация объясняется скорее не политикой ООО «ТЭО», а закрепившимися в волонтерских объединениях связками раздельного сбора отходов с другими экологическими практиками: обмена, ремонта, совместного использования, продвижения устойчивого потребления и т.д., что побуждает в дальнейшем более подробно изучить механизмы закрепления связей между практиками.

Интересно, что логической связки между двумя конфигурациями элементов практик ООО «ТЭО» пока не образуется: у них разные элементы и разные механизмы, они как будто существуют в разных пространствах. Поэтому достижение цели, декларируемой на сайте ООО «ТЭО» — «стимулирование познавательного интереса и бережного отношения населения к полезным материалам в составе отходов» (Тюменское экологическое объединение 2024), не связано с основной деятельностью регоператора,

не подкрепляется общими элементами: инфраструктурными, компетентностными или смысловыми. Реформа 2019 г. позволила упорядочить практики в сфере обращения с отходами, нормативно их закрепить, но для дальнейшего движения к циркулярной экономике, преодоления экологических проблем необходим переход к повсеместному разделению отходов. И хотя ООО «ТЭО» декларирует такие цели и проводит экопросветительские обучающие мероприятия на базе развернутых в регионе экодомов, пока эти две конфигурации элементов практик регионального оператора развиваются параллельно и необходимы специальные усилия по разработке стратегии интеграции раздельного сбора в деятельность регионального оператора.

Заключение

Представленное исследование позволило выявить структуру социальной практики обращения с отходами регионального оператора в Тюменской области и ее динамики на основе автоматического сбора и обработки данных. При этом достигнуто два результата: с одной стороны, разработана новая методология, с другой стороны, описана деятельность ООО «ТЭО», позиционируемая на странице сообщества в ВК, с точки зрения теории практик.

Нам удалось разработать методологию, позволяющую на основе анализа больших данных — контента постов в социальной сети ВК — сделать следующие выводы.

1. Статистический анализ — частотный анализ текстов, выделение наиболее часто встречающихся в текстах сообщества существительных, глаголов и прилагательных — позволяет описать элементы социальной практики: материалы, компетенции и ценности.

2. Кластерный анализ — тематическая кластеризация — позволил выделить повторяющиеся сочетания слов, которые стали основой для описания конфигураций практик как системы элементов.

3. Анализ динамики тематических кластеров позволил отметить влияние внешних событий и смежных практик.

Благодаря разработанной методологии мы сделали следующие выводы:

1. В деятельности ООО «ТЭО» можно выделить две конфигурации элементов практик. Первая связана с нормативно закрепленной практикой накопления, транспортировки, обработки отходов. Вторая — это внедрение элементов раздельного сбора.

2. Логической связки между этими двумя конфигурациями элементов практик пока не образуется — у них разные элементы и разные механизмы, что затрудняет переход к циркулярной экономике и преодоление экологических проблем за счет изменения социальных практик.

3. Необходимы специальные усилия по разработке стратегии интеграции раздельного сбора в деятельность регоператора.

Полученные выводы могут быть использованы региональными операторами по обращению с ТКО, самоуправляющимися организациями жильцов или управляющими компаниями, волонтерскими организациями, внедряющими раздельный сбор отходов и его элементы, чтобы лучше понимать взаимодействие новых элементов социальной практики с нормативно закреплёнными и выстраивать более эффективные стратегии масштабирования.

Ограничения и будущие исследования

Обращение к анализу одного тематического паблика не позволяет судить о практике как о сущности в логике Э. Шов — только как о действии, поскольку даже в выбранном регионе представлено три типа таких компаний (Zakharova et al. 2022). Поэтому необходимо проведение подобного анализа для волонтерских и коммерческих организаций для выявления наиболее общих элементов.

Кроме того, полученные результаты можно проверить с помощью других методов исследования, например сбора и анализа интервью, чтобы сделать вывод о качестве решения проблем обращения с бытовыми отходами.

Также будущие исследования могут быть направлены на определения вовлеченности подписчиков в обсуждение постов с использованием индекса вовлеченности, который оценивает количество комментариев, лайков и репостов для каждого поста относительно общего количества подписчиков в сообществе.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Тюменский карбоновый полигон» (FEWZ-2024-0016).

Литература / References

Волков В.В., Хархордин О.В. (2008) *Теория практик*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Volkov V.V., Kharkhordin O.V. (2008) *Theory of practices*. St. Petersburg: EU Publishing House (in Russian).

Домбровская А.Ю. (2021) Репрезентация гражданской активности российской молодежи в социальных медиа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6(166): 203–225.

Dombrovskaya A.Y. (2021) Representation of civil activity of Russian youth in social media. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 6: 203–225 (in Russian).

Дыга С.А. (2023) Реализация «мусорной реформы» в Оренбургской области. *Мировая наука*, 12(81): 40–45.

Dyga S.A. (2023) Implementation of the “garbage reform” in the Orenburg region. *Mirovaya nauka* [World Science], 12: 40–45 (in Russian).

Ермолаева Ю.В. (2021) Трансформация социально-экологических практик обращения с отходами в менталитете граждан России. *Научный результат. Социология и управление*, 1: 104–118.

Ermolaeva Yu.V. (2021) Transformation of social and environmental practices of waste management in the mentality of Russian citizens. *Nauchnyy resultat. Sotsiologiya i menedzhment* [Research result. Sociology and Management], 1: 104–118 (in Russian).

Забокрицкая Л.Д., Хлебников Н.А., Орешкина Т.А., Комоцкий Е.И. (2020) Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2: 148–167.

Zabokritskaya L.D., Khlebnikov N.A., Oreshkina T.A., Komotsky E.I. (2020) Possibilities to study youth values through VKONTAKTE social network accounts. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2: 148–167 (in Russian).

Климова А.М., Куликов С.П., Чмель К.Ш. (2021) Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6: 28–52.

Klimova A.M., Kulikov S.P., Chmel K.Sh. (2021) The Role of Social Media in the Region of Regional Environmental Protest in Russia. *Monitoring Public Opinion: Social and Social Changes*, 6: 28–52 (in Russian).

Митрофанова О.А., Атугодаге М.М. (2023) Динамическое тематическое моделирование русскоязычного корпуса юридических документов. *Terra Linguistica*, 14(1): 70–87.

Mitrofanova O.A., Athugodage M.M. (2023) Transformation of social and environmental practices of waste management in the mentality of Russian citizens. *Terra Linguistica*, 14(1): 70–87 (in Russian).

Парма Р.В. (2021) Общественный активизм российских граждан в офлайн-и онлайн-пространствах. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6: 145–170.

Parma R.V. (2021) Public activism of Russian citizens in offline and online spaces. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 6: 145–170 (in Russian).

Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. (2024)

Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, 2: 7–34.

Savchuk S.O., Arkhangelskiy T., Bonch-Osmolovskaya A.A., Donina O.V., Kuznetsova Yu.N., Lyashevskaya O.N., Orekhov B.V., Podryadchikova M.V. (2024) Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 2: 7–34 (in Russian).

Ункуров Э.Ю. (2022) Жители Республики Калмыкия о реализации мусорной реформы: результаты социологических исследований 2019–2021 гг. *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*, 2(45): 85–93.

Unkurov Je.Ju. (2022) Residents of the Republic of Kalmykia on the implementation of garbage reform: the results of sociological research 2019–2021. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy* [Bulletin of the Institute for Comprehensive Research of Arid Territories], 45(2): 85–93 (in Russian).

Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. (2020) Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(4): 136–162.

Tsepilova O.D., Golbraykh V.B. (2020) Environmental Activism: Mobilizing Resources of “Garbage” Protests in Russia in 2018–2020. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(4): 136–162 (in Russian).

Шабанова М.А. (2021) Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика россиян: динамика, факторы, потенциал. *Социологические исследования*, 8: 103–117.

Shabanova M.A. (2021) Separate waste collection as Russians’ voluntary practice: the dynamics, factors and potential. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 8: 103–117 (in Russian).

Шабанова М.А. (2024) Ненужные вещи, мусорная проблема и солидарные практики российских потребителей. *Экономическая социология*, 25(2): 11–42.

Shabanova M.A. (2024) Ethical consumption as a sphere of Russian civil society: factors and the development potential of market practices. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 25(2): 11–42 (in Russian).

Abdelrazek A., Eid Y., Gawish E.K., Medhat W., Hassan A. (2022) Topic modeling algorithms and applications: A survey. *Information Systems*, 112: 102131.

Ariztia T. (2017) Social Practice Theory: Particularities, Possibilities and Limits. *Cinta De Moebio*, 59: 221–234.

Bird S. (2006) NLTK: the natural language toolkit. In: *Proceedings of the COLING/ACL 2006 Interactive Presentation Sessions*: 69–72.

Cass N., Schwanen T., Shove E. (2018) Infrastructures, intersections and societal transformations. *Technological Forecasting and Social Change*, 137: 160–167.

Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. (2019) BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. In: *Proceedings of the 2019*

Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, 1 (Long and Short Papers). Minneapolis, Minnesota: 4171–4186.

Giddens A. (1984) *The Constitution of Society*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Grootendorst M. (2022) *BERTopic: Neural topic modeling with a class-based TF-IDF procedure*. <https://arxiv.org/pdf/2203.05794v1>.

House J. (2019) Modes of Eating and Phased Routinisation: Insect-Based Food Practices in the Netherlands. *Sociology*, 53(3): 451–467.

Korobov M. (2015) Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. In: *Analysis of Images, Social Networks and Texts: 4th International Conference*: 320–332.

Kozitsin I.V. (2023) Opinion dynamics of online social network users: a micro-level analysis. *The Journal of Mathematical Sociology*, 47(1): 1–41.

Mela H., Peltomaa J., Salo M., Makinen K., Hilden M. (2018) Framing Smart Meter Feedback in Relation to Practice Theory. *Sustainability*, 10(10): 3553.

Morley J. (2017) Technologies within and beyond practices. In: Morley J. *The Nexus of Practices*. N.Y.: Routledge: 81–98.

Reckwitz A. (2002) Towards a Theory of Social Practices. *European Journal of Social Theory*, 5(2): 243–263.

Reimers N., Gurevych I. (2020) Making Monolingual Sentence Embeddings Multilingual using Knowledge Distillation. In: *Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*: 4512–4525.

Rip A., Kemp R. (1998) Technological change. In: Rayner S., Malone E. (eds.) *Human Choices and Climate Change*. Columbus, OH: Battelle: 327–399.

Schatzki T.R. (1996) *Social Practices: A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schneider P.R. (2023) From elements to policies: A Shovian social practice perspective on pathways to facilitate daily E-bike commuting. *Transport Policy*, 143: 36–45.

Shove E., Pantzar M., Watson M. (2012) *The Dynamics of Social Practice: Everyday Life and How it Changes*. L.: Sage.

Zakharova O.V., Karagulyan E. (2023) The Green Practices of Tyumen Residents. Traditions, Values and Meanings. *Lagoonscapes. The Venice Journal of Environmental Humanities*, 3(1): 151–170.

Zakharova O., Glazkova A., Pupyshcheva I., Kuznetsova N. (2022) The Importance of Green Practices to Reduce Consumption. *Changing Societies & Personalities*, 6(4): 884–905.

Zakharova O., Moskvina N., Glazkova A., Kobylkina A., Marochkina V. (2025) *Carbon Measurement Supersites in Russia: Using Information Technologies to Track Research Trends (2014–2024)*. Preprint at 10.22541/essoar.174345728.80708997/v1 (accessed: 12.04.2025).

Источники

О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 г. Государственный доклад. 2023. М.: Минприроды России; МГУ им. М.В. Ломоносова.

Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал. ВЦИОМ, 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechennost-motivaciya-potencial> (дата обращения: 17.04.2024).

BRIDGING THE GAP: SOCIAL PRACTICES OF A REGIONAL OPERATOR FOR MUNICIPAL SOLID WASTE

Olga V. Zakharova (o.v.zakharova@utmn.ru)

Irina N. Pupysheva (i.n.pupysheva@utmn.ru)

Anna V. Glazkova (a.v.glazkova@utmn.ru)

Tyumen State University, Tyumen, Russia

Citation: Zakharova O.V., Pupysheva I.N., Glazkova A.V. (2025) Bridging the Gap: Social Practices of a Regional Operator for Municipal Solid Waste. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 109–136 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.5> EDN: GKBVBX

Abstract. To date, municipal solid waste disposal and separate waste collection are still problematic in Russia. To contribute to the solution to this problem, the study considers the activities of Tyumen Ecological Association, which is a regional operator for municipal solid waste management in Tyumen Oblast, as a social practice. Our goal is to test the possibilities of analyzing the structure of the social practice of waste management and tracking its dynamics using the automation of data collection and processing. In this case, we understand the practice of waste collection and management with reference to the theoretical framework of the theory of practices — as a system of interconnected elements: materials, competences, meanings. The structure of this practice was identified by analyzing its elements, such as materials, competences, meanings, and dynamics. The analysis included the posts of the regional operator's community in the VKontakte social network. The study used frequency analysis of words, “Word at a Glance” analysis, thematic clustering and evaluation of the dynamics of thematic clusters. As a result, the structure of the social practice of municipal solid waste management of the regional operator was revealed and the dynamics of the 10 most frequent thematic clusters was analyzed. We identified two configurations of practice elements in the activities of the regional operator. The first configuration is related to the standardized activities of waste accumulation, transportation, treatment, and disposal. The second configuration is related to the introduction of elements of separate waste

collection. The study has concluded that the two configurations of the regional operator's practice elements described in the paper are still not interrelated. Moreover, special efforts might be needed to integrate separate waste collection into the activities of regional operator. The findings can be used by regional waste management operators, residents' organizations, and volunteer organizations to scale up separate waste collection.

Keywords: theory of practices; social practice; elements of social practices; waste management; regional operator for municipal solid waste management; separate waste collection.

Acknowledgements

This study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the Carbon Measurement Test Area in Tyumen' Region (FEWZ-2024-0016).

ЛАНДШАФТ БРАКОНЬЕРСКИХ ПРОМЫСЛОВ В ИЗОЛИРОВАННЫХ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Александр Сергеевич Черкасов (ascherkasov@hse.ru)

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Цитирование: Черкасов А.С. (2025) Ландшафт браконьерских промыслов в изолированных местных сообществах Дальнего Востока. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 137–159. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.6> EDN: GOVYHB

Аннотация. Цель статьи — выявить особенности браконьерских промыслов в зависимости от степени пространственной изоляции локальных сообществ. Ключевое предположение исследования основано на том, что браконьерство в сообществах с высокой степенью изоляции играет более значимую роль при выборе населением экономической стратегии, чем в слабо изолированных сообществах. Эмпирической базой исследования послужили полевые материалы, собранные посредством наблюдений и интервью на территории Приморского, Камчатского и Хабаровского краев в период с 2019 по 2023 г. Описаны характерные для территорий браконьерские промыслы охоты, рыболовства и собирательства, произведена оценка доходов. Охарактеризована роль браконьерства в экономической жизни людей, проживающих в изолированных, ординарных и турбулентных сообществах. Определены главные триггеры, повышающие значимость браконьерства для изолированных сообществ, богатых природными ресурсами. Показано, что изолированные территории характеризуются дефицитом официальных рабочих мест и легальных альтернатив для добычи биоресурсов, а также меньшим значением личного подсобного хозяйства по сравнению с природопользованием. Богатство территорий ценными биоресурсами вместе с перечисленными выше факторами определяет браконьерство в качестве ключевого элемента экономической стратегии жителей сильно изолированных сообществ Дальнего Востока. Для жителей слабо изолированных территорий браконьерские промыслы становятся прежде всего источником «приработка» или сезонного дохода.

Ключевые слова: браконьерство, пространственная изоляция, пространственно-изолированные сообщества, регулирование природопользования, неформальные промыслы, теневая экономика, рыболовство, охота, собирательство.

Введение

Браконьерство — незаконная добыча биологических ресурсов путем охоты, рыболовства и собирательства, вызванная наличием спроса на черном рынке (Wyatt 2013). Браконьерство — это базовый способ добычи ценных биоресурсов физическими лицами в условиях серьезной законодательной зарегулированности сферы природопользования в России.

Ключевая сложность в вопросе изучения браконьерства как одного из компонентов неформальной экономики состоит в том, что статистически оно никак не фиксируется (Барсукова 2012). Вследствие этого основой для исследования браконьерства, как правило, становятся эмпирические полевые исследования.

Браконьерство, как и любой вид незаконной деятельности, возникает как явление в рамках государственного регулирования. Целью государственного регулирования природопользования выступает сохранение экологии и построение рационального подхода к использованию природных ресурсов. На местах браконьеры сталкиваются с государством как с противодействующим актором в лице инстанций, контролирующих сферы охоты, рыболовства и собирательства (Клоков 2020). У охранных инстанций в сфере природопользования есть разные зоны контроля. Инспекторы Федерального агентства по рыболовству контролируют лов во внутренних водах¹, а представители пограничной службы ФСБ России — в море². Противодействие браконьерской добыче охотничьих ресурсов реализовано на двух уровнях: федеральный государственный охотничий контроль, за исключением особо охраняемых природных территорий федерального значения (далее ООПТ), на уровне субъекта³, а государственный надзор осуществляется на ООПТ бюджетным учреждением, управляющим конкретным ООПТ⁴.

В первую очередь отметим, что, в отличие от Центральной России, природопользование на Дальнем Востоке имеет промысловую направленность. Обусловлено это более высоким биоразнообразием и наличием большего количества рентообразующих природных ресурсов, часто уникальных только для этих территорий. Дальний Восток имеет ряд важных характеристик, делающих его более уязвимым к браконьерству: отдаленность, безработица, низкий уровень контроля над природными ресурсами

---

¹ Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов».

² Приказ ФСБ России от 16 октября 2020 г. № 476 №Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов в части морских биологических ресурсов».

³ Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

⁴ Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

(Skidmore 2023), рост неформального теневого сектора в экономике региона (Kuhrt 2012), близость к азиатским рынкам сбыта ценных видов диких животных и природных ресурсов (Braden 2014). Помимо этого, суровый климат меньше предрасполагает к сельскому хозяйству, а также низкая плотность населения позволяет промысловикам иметь в своем распоряжении больше территории для добычи биоресурсов. Это обуславливает более значительную роль промыслов в экономической жизни населения Дальнего Востока. Более того, на Дальнем Востоке самый большой процент ООПТ в России по площади, 58 % от всех ООПТ страны, четверть площади Дальневосточного Федерального округа, или 7 % площади страны. Именно поэтому организация контроля и его территориальное устройство играют важную роль в исследовании браконьерства на Дальнем Востоке в условиях наличия большого количества изолированных сообществ, расположенных на территориях, обладающих биоразнообразием и граничащих с ООПТ.

Территориальная специфика браконьерства формируется под воздействием множества факторов, в том числе связанных с богатством территории, ролью браконьерской добычи в экономике территории и др. Изоляция и ее роль в исследовании браконьерства важна в связи с тем, что в сочетании с богатством территории формируется возможность для почти бесконтрольной добычи биоресурсов жителями локальных сообществ.

Цель статьи заключается в исследовании влияния степени изоляции на роль браконьерства при выборе экономической стратегии жителей локальных сообществ.

Понимание ландшафта браконьерства на отдельных территориях с разной степенью пространственной изоляции позволит определить ключевые триггеры, способствующие распространению браконьерства. Результаты исследования могут быть использованы для разработки мер по борьбе с браконьерством и выстраиванию корректной коммуникации с местным населением.

Роль пространственной изоляции в присвоении природных ресурсов жителями локальных сообществ

Среди исследователей развития пространственной структуры Российской Федерации во многом доминирует мнение, что депрессивность и депопуляция сельской местности нарастают по мере удаления от крупных городов и региональных центров по модели «центр — периферия» (Нефедова 2003; Каганский 2015). Действительно, в связи с закрытием леспромхозов, рыбхозов, а также сельскохозяйственных предприятий,

занимавшихся извлечением природных ресурсов для последующей реализации, трудоспособное население массово начало перемещаться в крупные города и региональные центры. В отсутствие заработка от официальной занятости для жителей сельской местности альтернативой может стать самостоятельное освоение природных ресурсов. Особенно выгодным оно становится для жителей изолированных территорий, богатых природными ресурсами, так как в такие населенные пункты не добираются ни контролирующие инстанции, ни заезжие охотники и рыболовы (Фадеева 2012; Позаненко 2019). Доступ к природным ресурсам позволяет изолированным сообществам сохранять устойчивость и развиваться. Изоляция может положительно влиять на устойчивость местного сообщества, в частности к внешним воздействиям в период экономического кризиса (Плюснин 2008). Устойчивость в рамках изоляции формируется из-за взаимопомощи, кооперации и самоорганизации в сельских сообществах (Барсукова 2004; Позаненко 2019).

Степень пространственной изоляции сообщества варьирует, А.А. Позаненко различает значительную, незначительную и среднюю степень изоляции. Для значительной степени изоляции характерными особенностями становятся одновременно отсутствие хотя бы еженедельного доступного сообщения общественным транспортом, всесезонной дорогой и пешей доступности. Для незначительной изоляции выделяется одновременно отсутствие ежедневного сообщения общественным транспортом, дорогой с твердым покрытием, всесезонной дороги при наличии пешей доступности туда-обратно. Соответственно сообщества в средней изоляции занимают промежуточное положение между описанными выше (Позаненко 2019).

Согласно другой, более подробной типологии к пространственно-изолированным относятся те сообщества, которые не обладают привычной для жителей крупных городов транспортной инфраструктурой: авиасообщение, крупные автомагистрали (отсутствуют дороги категорий IV, I, II, III) и железнодорожное сообщение, речной транспорт развит слабо или отсутствует вовсе (последние 15–20 лет отсутствует регулярное судоходство). Такие сообщества удалены от близлежащих настолько, что какие-либо контакты между их членами крайне ограничены или вовсе невозможны. Помимо изолированных сообществ Ю.М. Плюснин выделяет турбулентные, полностью или частично расположенные на крупной автомагистрали, судоходной реке или железнодорожной магистрали, а также ординарные сообщества, которые занимают среднее положение между описанными выше типами пространственной изоляции (Плюснин 2022).

В статье я использую типологию Ю.М. Плюснина для определения степени изоляции исследуемых сообществ так как она затрагивает не только пространственный аспект удаленности одного сообщества от другого, но и проницаемость пространства (Плюснин 2024), которая крайне важна в контексте доступа жителей изолированных сообществ к биоресурсам, в условиях близости с ООПТ.

Мотивация и логика браконьерства

Базовая причина браконьерства — это финансовая мотивация. В российской научной практике исследования браконьерства жителей локальных сообществ принято делить его на бытовое (с целью получения прибыли или с целью обеспечения собственных нужд) и организованное криминальное, когда формируются браконьерские бригады, добывающие биоресурсы в больших объемах и имеющие от этого соответствующие доходы (Шевляков 2013). Вопрос отсутствия достойных легальных альтернатив неформальной занятости и браконьерству широко рассматривается в зарубежных исследованиях. Так, сельские жители, проживающие близ заповедника Угала в Западной Танзании, прибегают к браконьерству в связи с отсутствием доходов от легальной деятельности (Wilfred, MacColl 2010). Результаты интервью с главами 573 поселений Танзании продемонстрировали, что в селах с относительно низким средним доходом наблюдался высокий уровень браконьерства. Также немаловажным фактором высокого уровня браконьерства оказывается близкое расположение деревень к местам, богатым биоресурсами. Согласно другой более широкой типологии причин браконьерства (Muth, Bowe 1998), сделанной на основе контент-анализа исследований по мотивациям браконьерства, выделяются следующие: коммерческая выгода; потребление; отдых; трофеи; желание убивать; защита себя и собственности; протест против власти; традиционное право использования ресурсов; несогласие с правилами; «трюкачество» или азарт, возникающий от незаконной деятельности.

Ряд российских исследователей выделяет в качестве ключевой мотивации браконьерства так называемое вынужденное браконьерство, к которому прибегают жители удаленных населенных пунктов Сибири (Клоков 2020; Гаврилова 2019; Давыдов 2019). Браконьеры осознают незаконность своих действий, возникающую в связи с новым ограничительным законодательством в сфере природопользования, но продолжают заниматься добычей биоресурсов, потому что легально промышляли раньше и не собираются отказываться от этого права сейчас.

Браконьерство в условиях локальности признается социально одобряемым поведением на изолированных территориях (Forsyth, Marckese

1993). Браконьерство маргинализирует сельское население, особенно в изолированных сообществах (Ермолин, Суворков 2020). Логика браконьерства обосновывается через возникающее у жителей локальных сообществ «моральное право» на ресурсы как на неотъемлемую часть территории проживания. (Гаврилова 2019). Например, на острове Сахалин устоявшееся сообщество, где рыболовство, оставаясь основным источником дохода, формирует социальные нормы и ограничения для его участников. Так, браконьеры сами определяют нормы вылова, а также «хороший» и «плохой» вылов, тем самым заменяя функцию рыбинспекции (Simonova, Davydov 2016, Wilson 2002).

Такой уровень самоорганизации связан с наличием «свободных пространств» (Давыдов 2019) в сфере неформального природопользования, а именно тех сфер, где официальные контролирующие инстанции не претендуют на полный контроль или не могут в полном объеме его реализовать. В таких пространствах люди сами берут на себя ответственность за использование ландшафта и знаний о нем, что дает им возможность говорить о легитимности своих практик, несмотря на создаваемые государством ограничения. Свободные пространства, особенно на территории России, возникают по территориальному признаку в условиях изоляции.

В качестве ответа на государственное регулирование и надзор контролирующих инстанций в сфере природопользования местное население самоорганизуется и взаимодействует, чтобы добыть биоресурсы, которые, как они считают, принадлежат им по праву (Абрамов, 2016). Такое взаимодействие также активно практикуется в Приморском крае среди представителей коренных народов, которые обладают преференциальным правом на вылов лососевых, и местными жителями, которые таким правом не обладают. В рамках совместного рыболовства используются индивидуальные квоты представителей коренных народов для частичной легализации промысла рыбаков из числа некоренных (Сталинов, Солоненко 2024).

Убежденность рыбаков, охотников и собирателей в легитимности своих действий прежде всего базируется на традиционности их промыслов, которые изначально были скорее инструментом выживания, нежели средством заработка. Именно поэтому Алехандро Портес называет одним из парадоксов неформальной экономики «парадокс государственного контроля», который заключается в том, что попытки государства избавиться от теневого сектора ограничительной политикой формируют благоприятные условия для возникновения все новых неформальных видов деятельности (Портес 2003). Эта логика хорошо объясняется на примере рыболовного промысла на территории Тазовского района ЯНАО.

Так, если инспектор Росрыболовства отобрал у рыбака его улов, наложил штраф и отобрал плавсредство, то рыбак должен приложить еще больше усилий, чтобы компенсировать свои издержки, связанные с контролем, значит увеличить масштаб своего персонального уровня браконьерства (Адаев 2019).

Наконец, браконьерство — это не атомизированный вид деятельности, который концентрируется на добыче одного биоресурса вне зависимости от других промыслов и обстоятельств. Безусловно, местные жители изолированных сообществ комбинируют неформальные браконьерские промыслы исходя из понимания экономической ситуации, возможностей логистики, наличия тех или иных ресурсов в доступе и своих потребностей (Давыдов 2019). Часто браконьеры приоритизируют промысловые биоресурсы, делая ставку на наиболее прибыльные, выбирая их как наиболее перспективные с точки зрения последующей продажи (Рахманова 2019).

Названные выше мотивы и причины дают широкий взгляд на логику браконьерства в условиях сформированного в изолированных местных сообществах права на традиционные (нелегальные, но слабо контролируемые государством) промыслы. В отсутствие легальных альтернатив получения дохода, жители прибегают к «вынужденному браконьерству» для максимизации благосостояния своих домохозяйств.

Методы и эмпирическая база исследования

Статья основывается на материалах полевых исследований, при непосредственном участии автора, проведенных на четырех территориях Дальнего Востока¹, располагающихся вблизи побережья моря или крупных нерестовых рек. По своей продолжительности экспедиции составляли от 7 до 14 дней в поле. Исследование построено на эмпирических методах: полуструктурированные интервью и наблюдение. В ходе предварительного анализа была произведена работа с 30 полевыми дневниками, как собственными, так и других участников экспедиций. Проанализированы интервью с пятью категориями информантов: местные жители, вовлеченные в неформальные промыслы (52 информанта), и те, кто в них участия не принимает (70 информантов), представители контролирующих органов (10 информантов), представители местной власти (8 информантов), сотрудники ООПТ (5 информантов).

---

¹ Точная география территорий исследования в тексте анонимизируется:

1. Юг Приморского края, сентябрь 2019 г.
2. Север Приморского края, ноябрь 2021 г.
3. Юг Камчатского края, сентябрь 2022 г.
4. Юг Хабаровского края, май 2023 г.

Анализ эмпирических данных осуществлялся посредством поиска ключевых тем исследования в дневниковых записях, которые сводились в единые тематические блоки для последующей интерпретации. Ключевые темы: осуществляемые промыслы, доходность промыслов, роль промыслов в экономической стратегии и хозяйстве информантов, значение промыслов для местного сообщества, противодействие осуществлению браконьерства со стороны контролирующих инстанций.

Рассматриваются только маргинальные биоресурсы (наиболее высокодоходные), добываемые неформально в рамках охоты, рыболовства и собирательства. Обусловлено это тем, что именно такие объекты браконьерства гарантируют промысловику прибыльность и ставят в приоритет финансовую мотивацию браконьерства. Основные объекты браконьерства для охоты — соболь (шкурки) и кабарга (мускусная железа); для рыболовства — добыча икры лососевых и мяса крабов; для собирательства — кедровый орех и корень женьшеня. При описании промыслов и оценке их доходности в том числе учитывалась сезонность: промыслы с ярко выраженной сезонностью и всесезонные промыслы. Главным рынком сбыта добываемых биоресурсов остается Китай.

Для понимания возникающих в условиях изоляции прав на природные ресурсы сообщества рассмотрены по характеру восприятия местными жителями себя в окружающей природе. Была использована предложенная А.А. Позаненко типология: **«пользователь»** — это человек, считающий, что он имеет право на использование природных ресурсов, но такое же право имеют и другие (обычно такое восприятие встречается в сообществах, где люди не живут за счет природы); **«хозяин»** («сын», если оттенок религиозный) — это человек, который воспринимает окружающую природу принадлежащей ему, имеющий моральное право ею пользоваться, чужаки не имеют права пользоваться природой; **«вор»** — это человек, считающий, что добываемые им биоресурсы крадутся из природы. Последний тип восприятия формируется из-за слабой укорененности сообщества, обилия чужаков на территории, которые также добывают биоресурсы, и распространенности государственного контроля природопользования.

Для выявления роли браконьерства в экономической жизни изолированных сообществ была проведена типологизация исследуемых сообществ по степени их пространственной изоляции на основе модели, предложенной Ю.М. Плюсниным. Сообщество **А** (юг Приморского края) — ординарное сообщество, **Б** (юг Камчатского края) — турбулентное, **В** (юг Хабаровского края) и **Г** (север Приморского края) — изолированные.

Сообщество **А** состоит из семи населенных пунктов, компактно расположенных в одном районе. Территория ординарная, так как добраться до населенных пунктов из регионального центра можно двумя дорогами регионального значения. В сообществе присутствует интенсивная миграция, что связано с переселенческим типом освоения территории и слабо выстроенными социальными связями, а также с низким уровнем социального взаимодействия внутри сообщества. Местные жители в части самовосприятия в окружающей природе называют себя «ворами», как об этой же территории пишет в своей статье А.А. Позаненко (Позаненко 2022).

Сообщество **Б** состоит из семи населенных пунктов. Территория турбулентная, так как населенные пункты находятся вблизи ключевой дороги, соединяющей юг и север региона, путь из регионального центра около четырех часов. Только два села из семи являются относительно изолированными, так как находятся на противоположном берегу реки, остальные села располагаются вдоль дороги. Это сообщество характеризуется большим количеством официальных рабочих мест и высокой долей бюджетного сектора в структуре занятости. Присутствует сильная миграция как внутри района, так и по территории края в поисках высокооплачиваемых рабочих мест на вахтах, большое количество трудовых мигрантов и туристов. В части восприятия в окружающей природы местные жители считают себя скорее пользователями, чем хозяевами, городские жители приезжают сюда как на дачу либо в гости к пожилым родственникам.

Сообщество **В** состоит из четырех населенных пунктов. Три населенных пункта сообщества компактно располагаются в рамках одного района, тогда как четвертый — на границе соседствующего района в окружении сразу трех ООПТ. Территория изолирована в связи с фактической удаленностью от регионального центра (дорога до него занимает 10–14 часов, половина пути проходит по грунтовой тупиковой дороге низкого качества) и из-за низкой проницаемости пространства в связи с запретами от границей с селами ООПТ. Сообщество крайне устойчиво, миграция минимальна, местные жители целенаправленно переехали сюда, чтобы жить вдали от цивилизации. В отличие от жителей территории **А**, на территории **В** живут в более диких местах и считают местные биоресурсы своими по праву, ощущают себя хозяевами.

Сообщество **Г** состоит из двух населенных пунктов. Территорию можно охарактеризовать как изолированную. Несмотря на дорожное сообщение с районным центром, из обоих сел до него нужно добираться по плохой гравийной дороге, некоторые участки которой могут быть недо-

ступны в период половодья, сотовая связь и интернет в населенных пунктах нестабильны. Передвижение между селами напрямую, минуя плохую дорогу, возможно лишь по пешему маршруту, однако местными жителями он практически не используется так как подразумевает переход горной реки и проходит через ООПТ, что требует разрешения. Миграция на территории минимальна в связи с сильной пространственной изоляцией. В части восприятия себя в окружающей природе местные жители считают себя хозяевами и недовольны акторами, которые ограничивают их права на природопользование (лесозаготовители-промышленники, ООПТ), при этом выражают обеспокоенность состоянием местной флоры и фауны.

Оценка доходов от браконьерских промыслов

Все территории исследования характеризуются как богатые природными ресурсами, однако уровень богатства варьирует в зависимости от ряда показателей. Важное условие материального благополучия изолированных сообществ — это наличие доступа к какому-либо рентообразующему биологическому ресурсу. «Рентообразующий, или маржинальный, биоресурс — это ресурс, реализация которого не только окупает затраты на его добычу, но и приносит существенную прибыль» (Клюков 2020: 159).

Базовый для всех территорий сезонный промысел — это добыча лососевых для заготовки икры. Длится с начала лета и до середины осени, на территории **Б** может продолжаться дольше в связи с равномерным ходом разных видов лососевых на нерест. Такой промысел не требует серьезной подготовки. Для территорий **А** и **Б** промысел рентообразующий. Для территории **В** рентообразующий промысел — это добыча краба. Только за один выход судна на добычу краба команда из трех человек может получить от 200 до 400 тыс. руб. за вычетом расходов, составляющих около 50 тыс. руб. За месяц краболовная команда делает около 8–10 выходов на промысел. Добыча круглогодичная, меняются только издержки выхода на промысел в зависимости от сезонной миграции краба. Выгода от промысла провоцирует браконьеров заниматься им в любых погодных условиях. Добываемый на всех исследуемых территориях охотничий ресурс — это соболя. Из-за сильного падения цен на шкурки соболя промысел перестал быть одним из наиболее маржинальных, как это было еще 7–10 лет назад. Женьшень добывается только на территории **А**. Стоимость одного корня в закупке варьирует от массы его характеристик (размера, ветвистости и др.). Корень может стоить от нескольких до сотен тысяч рублей. Стоимость уникальных корней достигает нескольких миллионов рублей. Розничная цена в Китае достигает до 100\$ и более

Таблица 1

Промысловые доходы на территориях с разной степенью изоляции¹

Ординарное	Турбулентное	Изолированное	Изолированное	Сезонность промысла	Оценочные доходы, тыс. руб.	Стоимость за единицу, тыс. рублей
А	Б	В	Г			
		Краб		Всесезонный	1600–3000, месяц	2, кг
Красная икра	Красная икра	Красная икра	Красная икра	Сезонный	300–3000, сезон	1,5 — 3 литр
Кедровый орех		Кедровый орех	Кедровый орех	Сезонный	500–1500, сезон	2,4, мешок
Женьшень				Сезонный	Зависит от качества корня	Зависит от качества корня
Кабарга		Кабарга	Кабарга	Всесезонный	20–60, выход на промысел	20 — 40, ед.
Соболь	Соболь	Соболь	Соболь	Сезонный	60–300, сезон	1,5 — 4, ед.

¹ Яркость серого цвета в таблице характеризует разницу интенсивности промысла на исследуемых территориях: чем ярче цвет, тем интенсивнее промысел.

за грамм. Кедровый орех добывается на двух исследуемых территориях Приморского края, закупочная цена составляет около 120 руб. за килограмм нечищенной шишки. Сдают в мешках по 20 килограммов каждый. В среднем один «шишкарь» способен за день собрать около 10 мешков и заработать 20–25 тыс. руб. Урожайность шишки нестабильна от года к году, а лучший сезон наступает только раз в четыре года.

Таким образом, годовой доход браконьера в рамках рассматриваемых территорий может варьировать от 1 до 5 млн руб. при участии в нескольких промыслах в разные этапы сезона, а также при совмещении промыслов.

Влияние браконьерских промыслов на экономику территорий

Доходы от браконьерства высоки по сравнению со средними заработными платами в сельской местности. Но формирует ли доход от браконьерства и неформального природопользования весомую часть дохода домохозяйства для жителей исследуемых территорий и как меняется роль браконьерства в экономической жизни местного населения в зависимости от степени изоляции сообщества?

Таблица 2

Характеристика сообществ исследования

Характеристики сообщества	А	Б	В	Г
Степень изоляции сообщества	Ординарное	Турбулентное	Изолированное	Изолированное
Самовосприятие жителей сообщества в природе	«Вор»	«Пользователь»	«Хозяин»	«Хозяин»
Наличие легальных альтернатив промысла	Да	Да	Нет	Нет
Наличие ООПТ в границах сообщества	Нет	Нет	Да	Да
Роль браконьерства в экономической стратегии жителей	Приработок	Приработок	Основной доход	Основной доход
Браконьерство со стороны «чужаков»	Да	Да	Нет	Нет

Для исследуемых территорий с низкой степенью изоляции характерно наличие большого количества официальных рабочих мест на предприя-

тиях, в бюджетном секторе и частном бизнесе. Это позволяет им выстраивать свою экономическую стратегию без исключительной привязки к получению доходов от неформального природопользования. Люди активно совмещают промыслы с основным местом работы и воспринимают их как «приработок».

На время нереста многие работники готовы уйти в отпуск на месяц, чтобы обеспечить себе дополнительный доход. Действительно, на слабо изолированных территориях А и Б информанты преимущественно указывали свое отношение к браконьерским промыслам как к возможности хорошего сезонного дохода в дополнение к официальной, что важно, регулярной работе. На территории А один из информантов официально работал сварщиком и получал около 80 000 руб. в месяц, но на период нереста брал отпуск, потому что «можно заработать миллион, да и два в принципе тоже можно за сезон, если хорошо пойдет»¹.

Таким образом, место браконьерских промыслов в экономической стратегии жителей этих территорий можно охарактеризовать как сезонный приработок. Регулярная работа формирует базовый доход, а промыслы становятся альтернативной деятельностью. При этом сезонный заработок может составлять львиную долю всего годового дохода и даже превышать официальный заработок.

На территориях с высокой степенью изоляции Б и Г информанты чаще определяли браконьерские промыслы как источник, формирующий большую часть дохода. Многие живут исключительно промыслами, например как один из информантов территории Г: «Когда заканчивается охота, я иду на рыбалку, не сию без дела, для меня это работа»².

Характерная экономическая стратегия — это работа сутки через трое на дизельной станции, в кочегарке, дворником и т.д. Такая работа дает официальный статус и легко совмещается почти с любым промыслом, что позволяет гарантировать превалирующий доход именно от продажи биоресурсов. Официальная занятость дает базовый минимальный доход, тогда как промысловая активность позволяет увеличивать его в несколько раз. Промысел в случае изолированных сообществ становится реальной «работой» и воспринимается местными жителями в качестве таковой. Именно на изолированных территориях мне чаще приходилось сталкиваться с тем, что информанты жалуются на сильное сокращение своих

---

¹ Цитата информанта из полевого дневника Г.И. Сталинова по территории А, 2019 г.

² Цитата информанта из полевого дневника А.С. Черкасова по территории Г, 2021 г.

доходов из-за внешних обстоятельств, которые влияют на результаты промысла: «пустая тайга»¹, «неконтролируемый вылов рыбопромышленниками»², «ограничения ООПТ»³. Более того, жители изолированных сообществ имеют более четкую позицию относительно прав на пользование природными богатствами локальных сообществ и негативно высказываются, когда кто-то ограничивает эти права:

Нет проблем, я куплю эти лицензии. Вы дайте мне 5, 10 штук, я все, какие мне дадут приобрести, куплю. Только у меня предков два поколения здесь жило, все было разрешено, а сейчас я должен втихаря этим заниматься и штрафы платить, потому что это теперь чье-то, а не местных⁴.

Наличие легальных альтернатив для законной добычи биоресурсов — это возможность для сокращения уровня браконьерства. Территории с низкой степенью изоляции имеют большое количество легальных альтернатив промысла. Так, на территориях **А** и **Б** есть несколько рыболовных участков для лицензионного лова лососевых и общедоступных охотугодий, большое количество частных охотугодий. Еще одной легальной альтернативой браконьерству может быть туризм: при его развитии промысловики с легкостью становятся гидами, сдают свое жилье в аренду, организуют небольшие туристические предприятия, а также вовлекают туристов в промысел, но, что важно, зарабатывают в большей степени на туристах, а не на браконьерстве (Гаврилова 2019).

На изолированных территориях **Г** и **В** ситуация значительно хуже. Для территории **Г** вопрос наличия легальных альтернатив промыслу встает остро, так как территория граничит с ООПТ. Промышлять разрешено на специально отведенном для представителей коренных малых народов Севера (КМНС) участке (в 70 километрах от места проживания), а не для КМНС — только в рамках пятикилометровой зоны вокруг населенных пунктов. Также есть небольшие по своей территории охотугодья рядом с ООПТ. На территории **В** общественных охотугодий нет вовсе. Единственная альтернатива для охотника без участка — это добыча охотничьих ресурсов за плату арендатору охотугодий (охотпользователю) в виде денежных средств или доли от добытого, т.е. охотник без участка стано-

---

¹ Полевой дневник А.С. Черкасова по территории А, 2019 г.

² Там же.

³ Полевой дневник А.С. Черкасова по территории Г, 2021 г.

⁴ Цитата информанта из полевого дневника А.С. Черкасова по территории Г, 2021 г.

вится субарендатором. Легального рыболовства на лососевых также нет, за исключением квот для КМНС. В таких условиях представители КМНС могут легализовать браконьерство в рамках совместного занятия промыслом с гражданами, не являющимися представителями КМНС. Обычно это выгодно всем участникам, так как представитель коренного народа выступает как человек, обладающий статусом и гарантирующий легальность, тогда как представители других национальностей организуют сам промысел, обеспечивая его доходность (Сталинов, Позаненко 2024). Организованного туризма на изолированных территориях нет, как и большого количества рабочих мест.

Более изолированные территории чаще отличаются сложностью рельефа, слабой проницаемостью и другими факторами, которые становятся барьерами при организации полноценного и эффективного личного подсобного хозяйства (ЛПХ) (Плюснин 2024). Жители изолированных территорий ведут небольшое хозяйство, а некоторые даже имеют скот, но это далеко не те масштабы, которые позволяют кормить семью. Для жителей неизолированных или слабо изолированных территорий роль ЛПХ часто близка к неформальному природопользованию и во многом обеспечивает семьи частью необходимых продуктов на протяжении всего года. Наконец, фактор изолированности территорий оказывает прямое влияние на ее доступность для чужаков. Если территория обладает высоким уровнем транспортной доступности и, что не менее важно, высокомаржинальными биоресурсами, то становится местом притяжения для чужаков. В такой ситуации возникает несколько проблем «дележки ресурсов» местных с приезжими, с которыми я сталкивался на территории **А** и **Б**. Так, на территории **А** количество чужаков в период нереста в 2–3 раза больше по сравнению с другими территориями, зачастую это приезжие браконьеры из других районов, которые не имеют выхода к морю, а также из соседних регионов. Такое количество чужаков приводит к ряду последствий. Приезжие браконьеры потребительно относятся к биоресурсам, вылавливая все, что им доступно. После них, по словам местных жителей, «остается выжженная земля»¹. Один из приезжих информантов, который занимался браконьерством на территории **А**, описывал цель своего приезда фразой «грабить, так грабить»². Территория **Б** также становится местом для получения быстрого промыслового дохода для чужаков. Высокая транспортная доступность, близость от регионального центра и турбулентность

¹ Цитата информанта из полевого дневника А.С. Черкасова по территории **А**, 2019 г.

² Там же.

территории обуславливают большое количество проезжающих сквозь нее жителей региона и туристов.

Наличие ООПТ на удаленной от «цивилизации» территории также увеличивает степень ее изоляции от внешнего мира и проницаемости, так как для доступа на территорию нужно либо получать специальные пропуска, чтобы пересечь ООПТ, либо объезжать охраняемую территорию. Богатые природными ресурсами изолированные территории В и Г окружены несколькими ООПТ, что значительно усиливает и диверсифицирует контроль природопользования на территории. Происходит это из-за того, что на территории одновременно присутствуют несколько контролирующих инстанций, которые имеют смежные или общие зоны ответственности. Но действительно ли контроль на таких территориях организован лучше и эффективнее? Значительное количество контролеров и непрозрачное распределение реальных зон ответственности становится условием для появления конфликтов интересов между региональными и федеральными инстанциями, возникновения спорных территорий с разной спецификой контроля, формального увеличения силы контроля на территории и сокращения легальных альтернатив промысла для местного населения. Таким образом, контроль на территории изолированных сообществ выстроен менее эффективно, чем контроль на территории ординарных и турбулентных сообществ.

Заключение

Браконьерские промыслы на изолированных территориях исследования являются ключевым источником дохода для местного населения. Жители изолированных территорий в большей степени отмечают снижение своих доходов в связи с внешними обстоятельствами, которые ограничивают природопользование. Жители турбулентных и ординарных сообществ воспринимают неформальное природопользование как приработок. Для максимизации дохода промысловики на изолированных территориях исследования активно комбинируют рентообразующие промыслы (добычу краба, икры лососевых, охоту на кабаргу), также встречается чередование сезонных промыслов (добыча лососевых, сбор кедрового ореха, добыча соболя). Жители слабо изолированных сообществ чаще занимаются исключительно сезонными промыслами или промыслами, которыми привыкли заниматься.

На турбулентных и ординарных территориях сильное влияние на масштаб браконьерства оказывают чужаки, извлекающие из сезонных промыслов максимальную выгоду в краткосрочной перспективе. Сезонное браконьерство чужаками на сильно изолированных территориях трудно-

доступно, в связи с чем большее количество ресурсов достается жителям локальных сообществ.

Изолированность способствует выстраиванию более тесных связей внутри сообщества, установлению локальных норм природопользования, которые не всегда совпадают с законами. Формирующееся в условиях сильной изоляции право на ресурсы выше, чем в слабой, в связи с наличием хозяйского отношения к биоресурсам. На слабоизолированных территориях, наоборот, люди чаще относятся к природе как пользователи или как «воры», на что влияет слабая устойчивость их сообществ и слабая укорененность населения.

Таким образом, богатые природными ресурсами изолированные территории Дальнего Востока в условиях наличия рентообразующих ресурсов, ключевым из которых стала икра лососевых, а также отсутствия легальных альтернатив промысла становятся идеальными территориями для возникновения «свободных пространств», в которых люди кооперируются для получения дохода от природных ресурсов, несмотря на государственные ограничения. Ограничения формируют парадокс государственного контроля, который способствует росту браконьерства. Триггером к увеличению уровня браконьерства на изолированных территориях становится их близость к ООПТ, сокращающая количество доступных мест легальной добычи. Для слабо изолированных территорий, наоборот, характерно наличие большего количества легальных альтернатив для промысла: общественные охотуголья и рыболовные участки для лицензионного лова. Также альтернативной деятельностью для турбулентных и ординарных территорий часто становится туризм.

Результаты исследования могут быть полезны при разработке мер по совершенствованию контроля природопользования в части понимания разницы коммуникации и выстраивания контроля на территориях с разной степенью пространственной изоляции. Дискуссионным является вопрос взаимосвязи степени изоляции сообщества и диверсифицированного контроля природопользования, возникающего при пересечении полномочий природоохранных инстанций на одной территории. Сильно изолированные территории остаются наиболее подвержены браконьерству, при этом располагают большим количеством природоохранных инстанций, которые должны способствовать снижению уровня браконьерства.

Безусловно, эмпирическая база исследования не позволяет сделать общие выводы без привязки к исследуемым сообществам Дальнего Востока. С целью объективной интерпретации полученных результатов необходимо произвести дополнительный анализ схожих по конфигурации кейсов по новым территориям исследования.

Выражение благодарности

Материалы собраны преимущественно в рамках участия в исследованиях проекта «Открываем Россию заново» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Выражаю благодарность А.А. Позаненко, организовавшему три экспедиции, поддержанные проектом «Открываем Россию заново»:

«Исследование практик неформального природопользования на территории Приморского края», 2019 г.

«Заповедники и научные станции Приморья: влияние на развитие территории», 2021 г.

«Нетипичная Камчатка: экономические стратегии жителей Мильковско-го района», 2022 г.

Также хочу выразить благодарность Е.А. Солоненко, руководителю проекта «Как природа становится парком», поддержанному фондом «Хамовники». Благодарю рабочую группу факультета социальных наук НИУ ВШЭ «Подготовка чиновников по особым поручениям» за обсуждение материалов статьи и полезную обратную связь. Благодарю Ю.М. Плюснина за помощь и ценные советы по написанию статьи.

Литература / References

Абрамов И.В. (2017) Этносоциальный контекст промысла сиговых рыб на р. Северная Сосьва: формальные правила и неформальные практики рыболовства. *Духовная и материальная культура манси*. Екатеринбург: Центр традиционной народной культуры Среднего Урала: 6–22.

Abramov I.V. (2017) The ethnosocial context of whitefish fishing on the Severnaya Sosva River: Formal rules and informal fishing practices. In: *Duhovnaya i material'naya kul'tura mansi*. [The spiritual and material culture of Mansi]. Ekaterinburg: Tsentr traditsionnoy narodnoy kul'tury Srednego Urala: 6–22 (in Russian).

Адаев В.Н., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. (2019) Качество жизни в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО. *Исследования по антропологии права*. СПб.: Нестор-История.

Adaev V.N. Martynova E.P. Novikova N.I. (2019) Quality of life in the Russian Arctic: Tazovsky District of YaNAO. In: *Studies in legal anthropology*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Барсукова С.Ю. (2004) Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика. *Социологические исследования*, 9: 20–30.

Barsukova S.Yu. (2004) Reciprocal interactions. Essence, functions, specifics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 9: 20–30 (in Russian).

Барсукова С.Ю. (2012) Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы. *Социологические исследования*, 2: 31–39.

Barsukova S.Yu. (2012) Informal economy: Concept, study history, research approaches. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2: 31–39 (in Russian).

Гаврилова К.А. (2019) Опасное природопользование: рыбные ресурсы и ностальгия по государству в Баренц-регионе. *Этнографическое обозрение*, 4: 13–28.

Gavrilova K.A. (2019) Risky nature management: Fish resources and nostalgia for the state in the Barents region. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4: 13–28 (in Russian).

Давыдов В.Н. (2019) Неформальное природопользование на Северном Байкале: добыча биоресурсов в свободных пространствах. *Этнографическое обозрение*, 4: 76–88.

Davydov V.N. (2019) Informal nature management in Northern Baikal: Harvesting bioresources in free spaces. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4: 76–88 (in Russian).

Ермолин И.В., Суворков П.Э. (2020) На пути к теории «автономного» сообщества: экс-полярные экономические структуры прибрежного рыболовства на юге России. *Мир России: Социология, этнология*, 2(29): 156–178.

Ermolin I.V. Suvorkov P.E. (2020) Towards the theory of an “autonomous” community: ex-polar economic structures of coastal fisheries in the South of Russia. *Puti Rossii* [The Ways of Russia], 2(29): 156–178 (in Russian).

Каганский В.Л. (2015) Внутренняя периферия–новая растущая зона культурного ландшафта России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 6: 23–34.

Kagansky V.L. (2015) Inner periphery — a new growing zone of Russia's cultural landscape. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], 6: 23–34 (in Russian).

Клоков К.Б. (2020) Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах. *Этнография*, 7: 143–165.

Klokov K.B. (2020) Between the state and the market: Informal practices of natural resource use in Siberian villages. *Etnografiya* [Ethnography], 7: 143–165.

Нефедова Т.Г. (2003) *Сельская Россия на перепутье*. М.: Новое издательство.

Nefedova T.G. (2003) *Rural Russia at the crossroads*. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Плюснин Ю.М. (2008) Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3: 38–50.

Plyusnin Yu.M. (2008) Factors of local self-government development. Assessing the significance of isolation and isolationism. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of State and municipal management], 3: 38–50 (in Russian).

Плюснин Ю.М. (2022) Социальная структура провинциального сообщества. М: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники».

Plyusnin Yu.M. (2022) *The social structure of provincial society*. Moscow: Common Place; Fond social'nyh issledovanij «Khamovniki» (in Russian).

Плюснин Ю.М. (2024) Пути формирования и развития изолированных местных обществ. *Пути России*, 2(1): 11–36.

Plyusnin Yu.M. (2024) Ways of formation and development of isolated local societies. *Puti Rossii* [The Ways of Russia], 2(1): 11–36 (in Russian).

Портес А. (2003) Неформальная экономика и ее парадоксы. *Экономическая социология*, 4(5): 34–53.

Portes A. (2003) The informal economy and its paradoxes. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 4(5): 34–53 (in Russian).

Позаненко А.А. (2019) Пространственная изоляция и устойчивость локальных сообществ: к развитию существующих подходов. *Пути России. Границы политики*: 139–153.

Pozanenko A. A. (2019). Spatial isolation and sustainability of local communities: Towards developing existing approaches. In: *Puti Rossii. Granitsy politiki* [The ways of Russia. The frontier of politics]: 139–153 (in Russian).

Позаненко А.А. (2022) Восприятие человеком своей роли в окружающей природе. Парадокс Приморья. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 3 (58): 165–173.

Pozanenko A. A. (2022) A person's perception of his role in the surrounding nature. The Paradox of Primorye. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 3 (58): 165–173 (in Russian).

Рахманова Л.Я. (2019) Рыбаки и контролирующие инстанции на Оби: правоприменение в тени локальных правил игры. *Этнографическое обозрение*, 4: 45–60.

Rakhmanova L.Ya. (2019) Fishermen and controlling agencies on the Ob River: Law enforcement in the shadow of local rules of the game. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4: 45–60 (in Russian).

Сталинов Г.А., Позаненко А.А. (2024) Лососёвый промысел в полиэтническом селе в условиях неравных прав на доступ к ресурсу. *Пути России*, 2(1): 39–56.

Stalinov G.A., Pozanenko A.A. (2024) Salmon fishing in the Polesky village in conditions of unequal rights to access to the resource. *Puti Rossii* [The Ways of Russia], 2(1): 39–56 (in Russian).

Сталинов Г.А., Солоненко Е.А. (2024) Коллективная рыбалка с представителями коренных малочисленных народов Севера как легализация промысла некоренных сельских жителей в Приморском крае. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2: 191–202.

Stalinov G.A., Solonenko E.A. (2024) Collective fishing with representatives of indigenous small-numbered peoples of the North as the legalization of fishing by non-indigenous rural residents in the Primorsky Territory. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2: 191–202 (in Russian).

Фадеева О.П. (2012) Трансформация хозяйственных укладов и потенциал самоорганизации сельских сообществ. *Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей*. М.: Дело: 15–43.

Fadeeva O.P. (2012) Transformation of economic structures and self-organization potential of rural communities. In: *Vtoraya Rossiya: differentsiatsiya i samorganizatsiya* [The Second Russia: differentiation and self-organization]. Moscow: Delo: 15–43 (in Russian).

Шевляков Е.А. (2013) Структура и динамика нелегального берегового промысла тихоокеанских лососей в Камчатском регионе в современный период. *Рыбное хозяйство*, 2: 58–64.

Shevlyakov E.A. (2013) The structure and dynamics of illegal coastal fishing of Pacific salmon in the Kamchatka region in the modern period. *Rybnoe hozyaistvo* [Fisheries], 2: 58–64 (in Russian).

Braden K. (2014) Illegal Recreational Hunting in Russia: The Role of Social Norms and Elite Violators. *Eurasian Geography and Economics*, 55(5): 457–490.

Forsyth C.J., Marckese T.A. (1993) Thrills and Skills: A Sociological Analysis of Poaching. *Deviant Behavior*, 14(2): 157–172.

Kuhrt N. (2012) The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery. *Europe-Asia Studies*, 64(3): 471–493.

Muth R.M., Bowe Jr., J.F. (1998) Illegal Harvest of Renewable Natural Resources in North America: Toward a Typology of the Motivations for Poaching. *Society & Natural Resources*, 11(1): 9–24.

Simonova V.V., Davydov V.N. (2016) Non-compliance with Fishery Regulations in Sakhalin Island: Contested Discourses of Illegal Fishery. *International Journal of Humanities and Cultural Studies*, 3(3): 232–245.

Skidmore A. (2023) Exploring the Motivations Associated with the Poaching and Trafficking of Amur Tigers in the Russian Far East. *Deviant Behavior*, 44(3): 331–358.

Wilfred P., MacColl A.D.C. (2010) Income Sources and Their Relation to Wildlife Poaching in Ugalla Ecosystem, Western Tanzania. *African Journal of Environmental Science and Technology*, 12(4): 886–896.

Wilson E. (2002) *Est' zakon, est' i svoi zakony*: Legal and moral entitlements to the fish resources of Nyski Bay, north-eastern Sakhalin. In: Kasten E. (ed.) *People and the land: Pathways to reform in post-Soviet Siberia*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag: 149–168.

Wyatt T. (2009) Exploring the Organization of Russia Far East's Illegal Wildlife Trade: Two Case Studies of the Illegal Fur and Illegal Falcon Trade. *Global Crime*, 10(1–2): 144–154.

Wyatt T. (2013) Beyond Anti-Poaching: The Need for Broad Approaches to Wildlife Crime. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 37(2): 93–101.

Источники

Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/] (дата обращения: 12.02.2025).

Приказ ФСБ России от 16 октября 2020 г. № 476 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов в части морских биологических ресурсов» [<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011240037?ysclid=mc4vwibrza243210135>] (дата обращения: 14.02.2025).

Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [https://depoozm.ru/index.php/dokumenty/54-federal-nye-zakony/67-docs_67] (дата обращения: 20.02.2025).

Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/7646>] (дата обращения: 20.02.2025).

THE LANDSCAPE OF POACHING IN ISOLATED LOCAL COMMUNITIES OF THE RUSSIAN FAR EAST

Alexander S. Cherkasov (ascherkasov@hse.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Cherkasov A.S. (2025) The landscape of poaching in isolated local communities of the Russian Far East. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 137–159 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.6> EDN: GOVYHB

Abstract. This study aims to identify the characteristics of poaching activities in relation to the degree of spatial isolation of local communities. The key hypothesis posits that poaching plays a more significant role in the economic strategies of highly isolated communities compared to less isolated ones. The empirical basis of the research consists of field data collected through observations and interviews conducted in Primorsky Krai, Kamchatka Krai, and Khabarovsk Krai between 2019 and 2023. The study documents region-specific poaching practices in hunting, fishing, and gathering, assesses their economic returns, and examines the role of poaching in the livelihoods of residents in isolated, ordinary, and turbulent communities. Key triggers that amplify the importance of poaching for resource-rich isolated communities are identified. The findings reveal that isolated territories face a shortage of formal employment opportunities and legal

alternatives for resource extraction, with subsistence farming playing a lesser role compared to resource-based activities. The abundance of valuable biological resources, combined with these factors, establishes poaching as a central element of economic strategy for residents of highly isolated communities. In contrast, for less isolated communities, poaching primarily serves as a supplementary or seasonal income source.

Keywords: poaching, spatial isolation, geographically isolated communities, natural resource regulation, informal economies, shadow economy, fishing, hunting, gathering.

Acknowledgements

The data were collected primarily as part of research conducted under the “Rediscovering Russia” project at the HSE University. I extend my gratitude to A.A. Pozanenko for organizing three expeditions supported by this project:

“Investigating Informal Natural Resource Use Practices in Primorsky Krai” (2019)

“Protected Areas and Research Stations in Primorye: Impact on Regional Development” (2021)

“Atypical Kamchatka: Economic Strategies of Milkovsky District Residents” (2022)

I am also grateful to E.A. Solonenko, lead researcher of the “How Nature Becomes a Park” project funded by the “Khamovniki Foundation”. Special appreciation goes to the working group of HSE’s Faculty of Social Sciences “Training Special Assignment Officials” for their constructive feedback on the manuscript. I am deeply grateful to Yu.M. Plyusnin for his guidance and invaluable advice during the writing process.

СЕЛЬСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

СЕЛЬСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ: ДВА ВЕКА ИСТОРИИ¹

Сергей Александрович Соловченков (solovchenkov@yandex.ru),
Татьяна Михайловна Комарова (carpi-komarova@yandex.ru),
Елена Викторовна Стельмах (stelmahlena69@mail.ru)

Институт комплексного анализа региональных проблем
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
г. Биробиджан, Россия

Цитирование: Соловченков С.А., Комарова Т.М., Стельмах Е.В. (2025) Сельская социология в России: два века истории. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 160–183. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.7> EDN: GTIRVN

Аннотация. Сквозь призму идей и персоналий прослеживается достаточно сложная история становления и развития сельской социологии в России. С высокой степенью условности этот процесс можно разделить на несколько периодов. До-научный период представлен исключительно сбором эмпирического материала без его научного осмысления, основными персоналиями являются крупные государственные деятели. Дореволюционный период характеризуется первыми попытками научного, а скорее философского осмысления социологических данных о российской деревне. Основная заслуга развития на этом этапе принадлежит общественным деятелям, публицистам-философам. Революционный период характеризуется весьма серьезными социологическими и экономико-социологическими работами исследователей-аграрников. Период забвения отмечен практически полным прекращением научных исследований в рамках сельской социологии. Период возрождения связан с художественно-публицистическими работами писателей и журналистов, обративших свое внимание на социальные противоречия, существовавшие на селе, и сделавших попытку описать их. Научный период — максимальный интерес к сельской тематике среди социологов, создание концептуальных основ отечественной сельской социологии, максимально широкий охват научными исследованиями сельского бытия. В современный период отмечается снижение интереса к сельской социологии, возникновение новых, гибридных подходов и теорий развития современного села в России.

Ключевые слова: развитие сельской социологии, формирование идей, исследователи, персоналии, аграрная социология, крестьяноведение, история сельской социологии.

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИКАРП ДВО РАН.

Во второй половине XIX в. начинает формироваться как научное направление отечественная социология и как ее неотъемлемая часть сельская социология. Возникновение социологии как науки является следствием развития общества, его усложнения, что делает неизбежным рост социальных противоречий и конфликтов. Попытки понять и с научной точки зрения обосновать причины и последствия поступательного изменения социума стимулируют внимание исследователей.

Одними из основных причин, которые приводили к столь сильным социальным противоречиям, ставшими предпосылками для возникновения отечественной социологической мысли, являлись целый ряд реформ, распространение капиталистического стиля хозяйствования с параллельным сохранением крепостного права, быстрое усложнение социальной структуры общества, возникновение протестных настроений социально-го плана (Новикова 2000).

Исследование сельских сообществ в отечественной научной практике — достаточно традиционное направление. Если говорить исключительно о социологической практике, то формирование как теоретических, так и практических основ отечественной социологии происходило на фоне «сельского пейзажа».

Предпосылками развития отечественной социологии именно на сельской «основе» стали два основополагающих фактора.

Первый — это устоявшаяся традиция широких опросных исследований. Даже если не брать во внимания летописные упоминания времен домосковской Руси, описывающие процесс сбора «сказок» об отдельных территориях, история протосоциологических обследований восходит к периоду правления Петра I. Его канцлер и сподвижник Павел Иванович Ягужинский одним из первых организовал и провел масштабное анкетирование «российских городов и весей» (Староверов 2008). Более того, данная практика не прекращалась вплоть до второй половины XIX в. Итогом этой работы стали сотни описаний социально-экономической ситуации большого количества сельских волостей различных губерний европейской части России. Помимо этого, стоит вспомнить и регулярные переписи податного населения, как проводимые по инициативе правительственных комиссий, так и инициированные отдельными земствами обследования состояния сельской глубинки. Накопленная база проведения подобных обследований и фактологического материала вполне логично переросла в социологические исследования.

Второй период — начало и середина XIX в., когда появляются первые теоретические работы социологической направленности, для России характеризуется преобладанием именно сельского уклада жизни. И именно

сельское социальное пространство со всем многообразием проблем и противоречий становится первичной и естественной основой для теоретического осмысления.

Одними из первых в качестве теоретиков отечественной социологии стоит упомянуть обществоведов Н.Г. Чернышевского (Чернышевский 1974), А.И. Герцена и М.В. Петрашевского. Именно в их общинно-народнических рефлексиях (Великий 2010) была заложена основа для понимания сельской социальной реальности. Традиционно упомянутых авторов относят к публицистам-философам, придерживавшимся взглядов утопического социализма. Основой для их философско-политических платформ во всех случаях был достаточно глубокий теоретический анализ реальности сельской общины, в которой они находили противоречия с «натуральными» человеческими правами и потребностями (Петрашевский 1953). Их работы послужили первыми «вестниками» новой науки. К этому же периоду стоит отнести и работы общественного деятеля и ученого А.Н. Энгельгардта, который в своих «Письмах из деревни» проводит достаточно глубокий социолого-философский анализ изменений в сельских сообществах как следствие отмены крепостного права (Смыслы... 2016).

Достаточно интересной особенностью данного этапа, на наш взгляд, является тот факт, что первые теоретические осмысления в традиции сельской социологии ни в коей мере не опирались на упомянутую нами традицию сбора социологической информации массовыми опросами. Параллельно существуют два пути развития науки — сбор и аккумуляция первичной фактологии и теоретическое осмысление социальной реальности села. Теоретические работы этого периода используют метод, который в современности назвали бы включенным наблюдением. Уже на следующем этапе становления сельской социологии подобный диссонанс мы наблюдать перестанем, и практика массовых социологических исследований станет столь привычной для нас методической частью теоретических работ по осмыслению сельской реальности.

Следующей ступенью в развитии отечественной сельской социологии становятся труды Константина Дмитриевича Кавелина и Вильгельма Вильгельмовича (Василия Васильевича) Берви-Флеровского. Работы К.Д. Кавелина о «сельской общине» и «крестьянском вопросе» относятся к полноценным социологическим трудам и фактически являются одними из первых теоретических работ по сельской социологии в России (Кавелин 2013). Особого упоминания заслуживают его взгляды на сельскую общину. Он сочетал в своем понимании два подхода — институциональный и патриархально-культурологический. С одной стороны, община — это общественный институт, возникший в государстве, со своими законами,

ограничениями и правилами сосуществования. С другой — это некое социально-культурное ядро, сохраняющее наиболее позитивные традиции совместного хозяйствования, определяющее основные правила социального и экономического взаимодействия своих членов.

На фоне работ К.Д. Кавелина фундаментальная монография В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» представляется более прикладной. В указанной работе автор уделил огромное внимание быту и условиям труда сельского жителя, а точнее населения, занятого сельским хозяйством. Был дан анализ производственных отношений и типов организации аграрного труда при различных видах хозяйствования — кулацком, общинно-крестьянском, помещичьем (Берви-Флеровский 1869).

К.Д. Кавелин и В.В. Берви-Флеровский — самые яркие, но отнюдь не единственные социологи того периода. Вплоть до завершения данного этапа становления сельской социологии, т.е. вплоть до революции 1917 г., социологические исследования различных аспектов сельской реальности, носившие преимущественно эмпирическую направленность, проводили А.С. Пругавин (Пругавин 1883), Н.М. Харузин (Сведения о... 1885), Н.А. Янчук (Янчук 1889). Довольно интересны с теоретической точки зрения работы Д.А. Столыпина (Столыпин 1997), оценка социального положения в селах Воронежской губернии за авторством С.В. Мартынова, А.И. Шингарева (Смыслы... 2016). Особого упоминания заслуживает уникальное как по своей масштабности, так и по степени организованности исследование сельских территорий, инициированное этнографом и социологом князем В.Н. Тенишевым (Быт великорусских... 1993). Менее известны, но не менее значимы работы В.М. Чернова (Чернов 1906), А.С. Посникова (Посников 1875; 1911), В.Е. Постникова (Постников 1891) и многих других.

После октябрьской революции 1917 г. традиции масштабных социологических исследований не были утрачены в полной мере. Продолжали свою научную деятельность исследователи-аграрники Л.Н. Литошенко (будучи консультантом по вопросам аграрной динамики Центрального статистического управления работал в научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики и политики, руководимом известным экономистом А.В. Чаяновым) (Литошенко 2001), И.А. Теодорович (проводил исследования, будучи заместителем наркома земледелия и занимая должность директора Международного аграрного института) (Теодорович 1921; 1923; 1927) А.В. Чаянов (будучи членом Наркомзема РСФСР и директором НИИ сельскохозяйственной экономики, стал одним из основателей междисциплинарного крестьяноведения) (Чаянов 1989), Н.Д. Кондратьев (Кондратьев 1991).

До 1930-х годов отечественная социология села испытала небывалый скачок в развитии. Конечно, он был связан в первую очередь с накоплением эмпирического материала. Основные персоналии, сыгравшие знаковую роль в этом процессе, были подготовлены в дореволюционной России и, что немаловажно, не просто не прекратили своих исследований, но и расширили их.

Как отмечают в своей работе П.П. Великий и В.И. Староверов, «массовой стала практика монографических обследований сел, волостей, уездов» (Великий, Староверов 2010). Первое такое обследование было проведено А.И. Тодорским уже в 1918 г. в Пошехонье. А.М. Большаковым в рамках краеведения были организованы социологические обследования более 600 сельских уездов. Результат этого масштабного исследования — уникальное произведение «Деревня», которое, по словам Ж.Т. Тощенко, стало «источком советской социологии села» (Смыслы... 2016). Повторил шингаревское обследование воронежских сел К.М. Шуваев с коллегами (Шуваев 1937). Широкомасштабные статистико-социологические обследования проводились в сельской местности В.С. Немчиновым, С.Г. Струмилиным, А.И. Хрящевой (Великий, Староверов 2010).

Отличительной особенностью двух последних этапов, на период которых пришлось становление отечественной социологии села, является широкое использование этнографических традиций. В чистом виде социологические методы исследования еще не сложились как самостоятельный инструментарий, что не помешало ученым конца XIX — начала XX в. собрать уникальный эмпирический материал об образе жизни, условиях труда, особенностях семейных укладов отдельных деревень и губерний. Р.В. Рывкина отмечает, что весьма распространенной практикой в указанные периоды было название монографий¹ по наименованию изучавшихся сел и деревень — «Деревня Гладыши», «Слобода Ровеньки» и т.д. (Рывкина 1998).

Широко используя методы включенного наблюдения, исследователям удалось собрать огромный пласт материала, в котором были отражены особенности условий жизни и труда, состав семей и их достаток, национальные особенности и тонкости психологии жителей конкретной деревни. В довольно простой описательной форме раскрывалась система социальных взаимодействий, существовавших внутри сел и деревень.

---

¹ Р. Рывкина, как и П. Великий и В. Староверов, дала указанному периоду название «монографический», что полностью отражает его исследовательскую специфику.

Отдельным направлением в рамках сельской социологии этого периода можно выделить исследования, инициированные РКП(б). Политико-экономическая ориентированность этих исследований указывает на то, что формирующаяся в тот период власть молодого Советского государства жизненно нуждалась в максимальном количестве информации о собственном народе. Именно в рамках партийных исследований сформировалась цельная, в некоторой степени даже законченная методика организации и сбора как комплексной, так и узкоспециализированной информации о сельской местности.

Значительная часть методических наработок этого направления была собрана и обработана в единый инструментарий М.М. Хатаевичем, занимавшим на тот момент пост руководителя Комиссии ЦК РКП(б) (Хатаевич 1925). Более того, при непосредственном участии М.М. Хатаевича на XI съезде ЦК РКП(б) создана комиссия, которой и были переданы полномочия по проведению достаточно масштабного обследования сельских территорий страны. Используя единую методику, включающую в себя значительное количество социологических методов, преследуя единые цели, комиссией были организованы описания сел и деревень Алтайской, Саратовской и целого ряда других губерний и национальных районов.

Помимо специальной комиссии, социологическими методами при сборе информации о сельской реальности пользовались и иные государственные структуры. Так, самостоятельные исследования проводились отделом печати ЦК РКП(б), в котором использовалось привычное нам формализованное интервью, содержащее невероятное по нынешним меркам количество специальных вопросов — 400.

Помимо специальных отделов и комиссий ЦК РКП(б) установку на проведение достаточно масштабных исследований получили и местные партийные органы. Большое количество ученых-социологов, этнографов, историков и экономистов, опираясь на утвержденные методические разработки, собирали информацию о работе школ с точки зрения чистоты распространяемой идеологии, больниц, оценивая качество их работы, партийных организаций.

Основной целью партийно-ориентированных исследований, которая не всегда просматривалась за массовыми обследованиями отдельных сельских реалий, было изучение отношения сельского населения к новым формам хозяйствования и власти. Как отмечает Ю.В. Арутюнян, «партию интересовали кооперация, совхозы, школы не только сами по себе, но и то, как они оцениваются и воспринимаются населением, т.е. вскрывалась система человеческих взаимоотношений в деревне» (Арутюнян 1968: 13).

Из работы А.М. Большакова следует, что интересы исследователей в этот период были значительно шире. На основе социологических исследований человеческих взаимоотношений в деревне раскрывался огромный блок экономических и политических вопросов (Большаков 1925).

Выяснялось отношение к отдельным налогам, в частности к сельскохозяйственному, к уровню цен на те или иные товары. Огромное внимание уделялось оценке экономической политики партии и государства на селе.

В силу того, что село на тот момент играло ключевую роль в развитии государства, исследователям по заказу партии поручалось выяснить максимальное количество социально-экономических характеристик деревни. Эти исследования должны были ответить на ряд ключевых для того времени вопросов: продолжает ли существовать социальное расслоение на селе, и если да, то чем оно вызвано; куда направлен основной вектор развития деревни, к социализму или нет, и т.д.

Отличительным элементом для этого периода становится очень сильное смешение методик сбора первичной социологической информации. Наряду с массовыми опросами, широчайшее развитие получает описательная методология, не столько фиксирующая количественную сторону сельской жизни, сколько раскрывающая ее атмосферу. Зачастую происходило смешение этих методологий, что и привело к появлению уже упомянутого нами ранее монографического метода.

К сожалению, и это также отмечается П.П. Великим, В.И. Староверовым, Р.В. Рывкиной, исследовательская «волна» очень быстро пошла на спад, что было связано не с утратой интереса к сельской тематике, а с расстрелами в 1930-х годах большого количества исследователей, ученых, в число которых попали в том числе те, кто упоминался нами ранее. Конец 1930-х годов ознаменовался практически полным уничтожением представителей отечественной социологической школы и прекращением полевых и теоретических исследований в рамках традиции сельской социологии.

Как отмечает Р.В. Рывкина, к концу 1930-х — началу 1940-х годов социологические исследования прекратились (Рывкина 1998). На их место пришли так называемые обобщающие труды в духе победившего социализма. Ключевыми вопросами этих трудов становится концепция «преодоления различий между городом и деревней» и достижения социальной однородности. К сожалению, вышедший в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» полностью определил направления и допустимые рамки для исследователей, чем обрек на забвение отечественную сельскую социологию на долгие десятилетия.

Поражает тот факт, что достаточно долгий период практически все исследования, затрагивающие сельскую местность, перестали проявлять интерес к человеческому фактору. Ориентированность на экономику настолько явная, что о «коровах и конях» того периода мы знаем несравненно больше, чем о людях. Это отмечают не только социологи, но и философы, историки, этнографы (Фицпатрик 2001).

Показательной в плане временных разрывов в отечественной сельской социологии является работа коллектива авторов о сельской молодежи (Социальный облик... 1976). Основываясь на материалах социологических обследований 1938 и 1969 гг., авторы проводят сравнительный анализ социального облика сельской молодежи. Указанный временной период отнюдь не методологический прием авторов, а суровая действительность, которая определила на долгих 30 лет, по меткому выражению П.П. Великого, полосу безвременья отечественной сельской социологии (Великий 2008). По его же словам, проблемы села не были полностью забыты. Они поднимались и обсуждались, но происходило это в рамках журналистского жанра, беллетристики, что ни в коей мере не могло заменить собой нормальных научных исследований.

Возвращение социологии села как исследовательской дисциплины началось достаточно скромно. Первые работы стали появляться в 1950–1960-е годы и, что неудивительно, восходили к монографической традиции (Рязанское село... 1957; Кораблино... 1961; Село Вирятино... 1958; Опыт... 1968; Колхоз... 1965). При этом была сохранена традиция междисциплинарности в подобного рода исследованиях, когда вокруг описываемого объекта выстраивались методики и методологии этнографии, социальной антропологии, психологии, истории и, конечно же, социологии.

Знаковым событием для возрождения отечественной сельской социологии становится проект «Копанка 25 лет спустя», в котором отечественные ученые провели социокультурное сравнение одной и той же территории, молдавского села, но с разрывом в четверть века. Как указывает В.И. Староверов, именно с этого масштабного исследования «началось стремительное возрождение советской сельской социологии» (Староверов 2008). Знаковым данное исследование является и еще по одной причине. Именно в нем впервые за весьма продолжительный период слились две социологические школы, основанные на одном методе — монографическом. Отечественная монографическая школа, представленная В.Г. Осиновым, и восточноевропейская традиция, представленная работами и методологиями Димитрие Густы, дали весьма интересный результат, который с течением времени трансформировался в современные направления отечественной сельской социологии.

В последующие годы мы наблюдаем буквально взрывообразный рост интереса к исследованиям в области сельской социологии. Это социально-структурные исследования под руководством Ю.В. Арутюняна и А.И. Сухарева, изучение миграционных процессов в сельской местности Т.И. Заславской, а также ее работы по исследованию деревни как социальной системы. Параллельно рассматривает деревню как социальную систему В.И. Староверов. Нельзя не упомянуть работы по социологии отдельных социальных групп: крестьянства под руководством В.Б. Островского и П.И. Симуша, сельской молодежи И.М. Слепенкова и И.Т. Левыкина, социальных противоречий на селе А.И. Тимуша и А. А. Попова, формирование квалифицированных кадров в сельском хозяйстве и их миграция В.Н. Ладенкова, личность крестьянина и его духовная жизнь М.Г. Шадринной. Как отметил В.И. Староверов, «к концу 1970-х годов не осталось ни одной области сельского бытия, которая ни попала бы в зеркало социологических исследований» (Староверов 2008).

При этом отметим один момент методологического характера. Доминирующая роль на данном этапе развития отечественной сельской социологии однозначно принадлежит количественным методам исследования. Массовые опросы становятся ключевым инструментом исследования села. Единичные работы с использованием качественной и монографической методологий не способны изменить ситуацию. Качественная методология отходит на второй план.

Своеобразным центром, концентрирующим вокруг себя социологические исследования в рамках сельской социологии, становится Институт социологических исследований АН СССР. К чисто эмпирическим исследованиям отдельных деревень (среднерусской — 1982 г., удмуртской — 1983 г., чувашской — 1984–1985 гг.), выявившим довольно значительные различия в социокультурной организации локального сельского сообщества, подключаются теоретико-эмпирические и сугубо теоретические работы. На основании обширных собранных материалов делается попытка встроить социальную структуру сельской социально-территориальной общности в общую социальную структуру страны. При этом выясняется вся сложность данной задачи в силу того, что теория социальной структуры не способна объяснить многих элементов, выявленных в сельских социально-территориальных общностях.

Крайне важными для отечественной сельской социологии стали работы ИСИ АН СССР этого периода, сделавшие большой шаг в развитии теоретико-методологического аппарата. Особое значение в указанных исследованиях приобретает взгляд на локальное сельское сообщество как

на полиструктурную совокупность социальных связей и практик. Основная ценность указанного подхода заключается в том, что от описательных эмпирических исследований отечественная сельская социология переходит к исследованию процессов, протекающих в рамках сельских сообществ, начинает исследоваться не статичная картина, а живая реальность села (Староверов 2003).

Меняется восприятие села, приближая исследовательскую традицию к «теории сообщества» Ф. Знанецкого. Мало того, село перестает восприниматься как сугубо территориальная общность, т.е. локально проживающая группа людей. Приходит понимание, что село является «локальным сельским сообществом», объединяющим людей со схожим стилем жизни, довольно близкой системой ценностей и малым разбросом социальных статусов (Знанецкий 1994).

Можно утверждать, что подобная смена парадигмы сыграла огромную роль в развитии отечественной сельской социологии. Действительно, практически все последующие исследования вплоть до настоящего времени характеризуются восприятием села как относительно однородной структурированной системы, пронизанной социальными сетями и насыщенной неформальными внутрисемейными, межсемейными и межпоколенными взаимодействиями (Виноградский 1999; Скотт 1999).

Особое место во всей совокупности социологических исследований села занимают работы Т.И. Заславской, усилия которой позволили не просто собрать и проанализировать огромный пласт социологической информации по сельской местности, преимущественно сибирской, но и сформировали целую социологическую школу, традиции которой сохраняются до наших дней.

Становление Новосибирской школы сельской социологии начинается с работ Т.И. Заславской по миграционным процессам в сельской местности. Достаточно быстро при деятельном участии группы соратников Р.В. Рыбкиной, З.В. Куприяновой, В.А. Калмык, Ф.М. Бородинкиным, В.И. Герчиковым и др. сугубо прикладные исследования превращаются в мощные теоретические работы (Миграция... 1970; Проблемы... 1975). Помимо этого, попытка охватить огромный массив факторов, побуждающих сельских жителей к миграции, повлекли за собой рост количества и качества прикладных исследований, реализуемых как непосредственно Т.И. Заславской, так и ее сподвижниками и учениками. Объектом исследования в данных работах становится деревня как некая целостная система, включающая в себя все стороны жизнедеятельности населения. И сами исследования начинают приобретать характер комп-

лексности и системности, со временем перерастая в мониторинговые (Методология... 1980).

Очень интересно просматривается исследовательская парадигма, меняющаяся на протяжении периода становления новосибирской школы. В первые годы исследований деревня как объект исследования воспринимается остаточным пережитком процесса общественной эволюции, и соответственно многие вопросы поднимаются достаточно поверхностно с расчетом на то, что в скором времени этот «отсталый элемент социально-поселенческой структуры» полностью отомрет (Миграция... 1970). Село оценивается скорее как поставщик демографических ресурсов, со своей системой воспроизводства и подготовки их к перемещению в более современную и перспективную городскую среду. Именно вокруг населения как ресурса, как основного системообразующего элемента вращались исследования и раскрываемые вопросы.

Однако с течением времени и накоплением фактологического и теоретического материала отношение к основному объекту меняется кардинально. Приходит понимание, что «отсталость» деревни не что иное, как сложившийся образ, что однородная и простая на первый взгляд деревня обладает собственной социальной и социально-поселенческой структурой, социально-экономическими особенностями, устоявшимися механизмами воспроизводства, причем не только демографического, но и социального, культурного и т.д.

Особого упоминания заслуживают многолетние исследования под руководством Т.И. Заславской, касающиеся социально-поселенческой структуры сельских территорий. Коллективом исследователей установлено, что социально-поселенческая структура достаточно сильно обусловлена историческими социальными процессами, формировавшими территориальные предпосылки размещения населения, социальные и культурные особенности локальных (поселенческих) сообществ. Большое внимание исследовательский коллектив уделил построению типологий сельской местности, в рамках которых были выявлены ключевые позиции, необходимые для проведения сравнительного анализа сельских локальных сообществ, а также была заложена основа исследования социально-региональной структуры сельской части России.

Помимо уже указанных, новосибирской школой реализовывалось большое количество иных направлений исследований, затрагивавших сельскую местность. В настоящее время традиции аграрной социологии в рамках новосибирской школы продолжают сохранять З.И. Калугина, О.П. Фадеева, А.М. Сергиенко, внесшие большой вклад в сохранение

аграрной социологии в Сибири не только своими работами, но и целой плеядой подготовленных молодых исследователей (Калугина 2016а; Калугина 2016б; Фадеева 1999; Фадеева 2016а; Фадеева 2016б; Сергиенко 2016; 2017).

Следующей значимой вехой в развитии отечественной социологии села становится организация Теодором Шаниным Центра аграрных реформ и крестьяноведения. При его непосредственном участии и руководстве были проведены масштабные исследования ряда российских сел, в рамках которых давалась оценка их экономического, социального и демографического потенциала, выявлялись современные практики неформальной социальной поддержки, особенности жизни современной сельской семьи (Великий незнакомец... 1992; Шанин 1999).

Отметим, что Т. Шанин проводил свои исследования скорее в традиции западного крестьяноведения, которое возникает как самостоятельная отрасль сельской социологии во второй половине XX в. и практически сразу перестает быть чисто социологической. В рамках крестьяноведения практически сразу возникают исследования экономической, географической, политологической, антропологической направленности. По мнению Т. Шанина, крестьянству в большинстве социальных, экономических и политических наук в XX в. отводилась незавидная роль отмирающего атамизма (Докторов 2020).

Крестьяноведческие работы Теодора Шанина, на наш взгляд, относятся к социолого-философскому направлению, и именно вопросы социального развития общины, социальной революции, общественного прогресса становятся ключевыми в его работах. Ему принадлежит весьма интересное определение крестьянства как локального сообщества, которое сформировано домохозяйствами, работающими на земле, сохраняющими свою традиционную культуру и находящимися в маргинально-подчиненном состоянии по отношению к городу и государству (Великий незнакомец... 1992).

Отдельно отметим заслуги Теодора Шанина в возвращении в исследовательскую традицию качественных методов исследования. И хотя сама методология, использованная Т. Шаниным, все-таки ближе к западной исследовательской традиции, она в некоторой степени перекликается с близким нашей сельской социологии монографическим методом. Если в монографической методологии комплексное описание сельской общины помогало раскрыть особенности жизни и совместного сосуществования отдельных семей и индивидов, то крестьяноведческая методология раскрывает реалии сельского социума сквозь призму «семейных историй».

Как инструментарий качественные методы не слишком подходят для масштабных исследований, по крайней мере так считалось. Заслуга Т. Шанина не только в том, что он взял на себя огромный труд и при помощи качественной методологии провел несколько весьма масштабных исследования, собрал уникальную информацию, но и в том, что он доказал, и весьма убедительно, что качественные методы можно и нужно в подобных исследованиях использовать.

Огромную роль в развитии отечественной сельской социологии сыграл не только Шанин-исследователь, но и Шанин-организатор. Им и при его непосредственном участии в период с 1989 по 1991 г. были организованы школы переподготовки для молодых советских социологов в Великобритании. В 1992 г. Т. Шанин совместно с Т.И. Заславской создал междисциплинарный исследовательский центр «Интерцентр», а чуть позже, в 1995 г., Московскую высшую школу социальных и экономических наук (МВШСЭН). На их базе периодически организовывались «длинные столы» и аграрные семинары, ставшие великолепной площадкой для возникновения новых и обсуждения существующих идей крестьяноведения и сельской социологии.

С сожалением приходится констатировать, что начало эпохи политических и экономических преобразований конца XX в. не лучшим образом сказалось на развитии сельской социологии в России. И хотя начало этого периода сопровождается некоторым всплеском интереса к сельской тематике, обеспеченной исследовательскими проектами упомянутого ранее Теодора Шанина, свертывание, а иногда и полное исчезновение отдельных направлений стало проявляться все нагляднее. По мнению В.И. Старовойтова (Староверов 2008), основная причина этого в тотальном недофинансировании науки и ангажированности заказчиков, но нам кажется, что причины глубже. Новые концепции, теории, инструментарий, ставшие доступными в использовании и осмыслении для отечественных исследователей, новые, доселе не существовавшие социальные реалии, возникшие в результате начавшихся реформ, ну и, конечно же, необходимость не просто проводить исследования, а самостоятельно зарабатывать средства на эти исследования, привели к упомянутым последствиям.

В современных условиях в отечественной сельской социологии складывается парадоксальная ситуация, при которой существующий крайне сложный и интересный объект исследования перестает привлекать внимание социологов. На наш взгляд, всему виной тот факт, что социальная реальность села стала крайне скудная и обедненная. Как замечал еще в 2008 г. П.П. Великий, «сколько бы сюжетов ни описывали социологи,

в конечном счете дело сведется к проблеме адаптации к новым социально-экономическим отношениям» (Великий 2008). Кардинальных изменений с тех пор так и не произошло, хотя некоторая динамика все же наблюдается.

Тем не менее интерес к сельской тематике не утрачен окончательно. Довольно большая группа московских исследователей-крестьяноведов продолжает изучать формальные и неформальные практики сельских семей (А.М. Никулин, В.Г. Виноградский), роль крестьянства в общественных трансформациях XX в. (В.В. Бабашкин), взаимодействие крестьянской общины с властью в исторической перспективе (В.В. Кондрашин). Традиции московской школы сельской социологии продолжают исследованиями устойчивого социального развития сельских территорий (Л.В. Бондаренко) и преодоления сельской бедности (В.В. Пациорковский), истории крестьянского самоуправления и самоорганизация сельских общин (Г.А. Цветкова), неформальной занятости сельских жителей (Т.Г. Нефедова) и семейного предпринимательства на селе (О.Б. Божков), жизненных смыслов сельчан (Ж.Т. Тощенко) и утраты крестьянской идентичности (В.И. СтарOVERов).

Большую роль в сохранении и развитии отечественной сельской социологии играют работы группы саратовских ученых. Они рассматривают такие важнейшие вопросы, как возрождение и усиление роли архаичных стратегий выживания среди сельских жителей и распространении практики неотходничества, динамика современной социальной структуры сельского социума (П.П. Великий), исследование качества жизни и бедности на селе (В.Л. Шабанов, Е.В. Бочарова), качество рабочей силы и профессиональная компетентность работников сельского хозяйства (Е.В. Бочарова), трансформация социально-экономической среды современного села и профессиональная мобильность сельских жителей (А.В. Заикин), трудовая миграция сельчан и трансформация их традиционного образа жизни под влиянием агропродовольственного комплекса (М.Ю. Мореханова).

Несмотря на все сложности современного периода, сохраняется и продолжает развиваться новосибирская школа, представленная работами по исследованию вопросов самоуправления и самоорганизации в сельских социумах Сибири (О.В. Нечипоренко, О.П. Фадеева, В.В. Самсонов), социальных практик сельских семей (О.В. Нечипоренко) и фермерства как уникальной системы семейно-производственной самоорганизации (О.П. Фадеева). Значительное внимание уделяется развитию сельского предпринимательства и особенностям сельской занятости (З.И. Калугина), динамике социального развития этнических сельских сообществ и феномену сельского патернализма (М.Р. Зазулина), особенностям

современного взаимодействия между городским и сельским сообществом (В.В. Самсонов).

Продолжает исследовательскую деятельность краснодарский ученый А.А. Хагуров, внесший значительный вклад в развитие отечественной сельской социологии. Наряду с анализом конкретно-эмпирических вопросов (формирование самоуправления на сельских территориях, качества жизни на селе), им поднимаются вопросы общего осмысления проблематики развития российского села, методологии исследования сельской социологии, социокультурные аспекты развития сельского социума.

Несомненно, заслуживают упоминания работы уфимских исследователей в вопросах сельской занятости, в частности распространение неформальных трудовых практик (Р.Р. Салахутдинова) и практики трансформации и самоподдержки личных подсобных хозяйств (С.А. Ларцева), отдельные работы Г.С. Широкаловой из Нижнего Новгорода, касающиеся формирования сетей взаимопомощи на селе и сохранения исторической памяти в сельских сообществах, а также Ч.И. Ильдархановой из Казани, изучающей качество жизни сельской семьи и сельской молодежи.

Таким образом, сельская социология в нашей стране прошла длинный, тернистый путь. Будучи основой изучения общества и его структуры, особенностей укладов жизни разных категорий населения и пр., с целью выявления необходимой информации она то привлекала внимание властей и поощрялась за проводимые исследования, то попадала в опалу. Зачастую ученые-социологи не только лишались возможности продолжать собственные научные изыскания, но и могли попасть под репрессии.

В настоящее время развитие сельской социологии в России продолжается, несмотря на то что этот темп небыстр и непостоянен. По выражению Н.А. Затеевой, «наиболее активно в настоящее время сельское сообщество изучается в регионах... где сильна традиция изучения сельской экономики, населения, социальных процессов» (Затеева 2016). Современные условия все же вносят коррективы в развитие отечественной сельской социологии. На наш взгляд, эти коррективы не связаны со смещением исследовательской парадигмы или смену концептуальной основы, а скорее являются последствием распределения исследователей по территории страны. Современные ученые продолжают развивать идеи, заложенные отечественными основоположниками сельской социологии, а также активно ищут новые, соответствующие современным реалиям.

Литература / References

Арутюнян Ю.В. (1968) *Опыт социологического изучения села*. М.: Изд-во МГУ.

Arutyunyan Yu.V. (1968) *Experience of the Sociological Study of the Village*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Берви-Флеровский В.В. (1872) *Положение рабочего класса в России: Наблюдения и исследования Н. Флеровского [псевд.]*. 2-е изд., доп. и изм. Санкт-Петербург: тип. Ф. Сущинского.

Bervi-Flerovsky V.V. (1872) *The Condition of the Working Class in Russia: Observations and Research by N. Flerovsky [pseud.]*. 2nd ed., rev. and enl. St. Petersburg: F. Sushchinsky's printing house (in Russian).

Большаков А.М. (1925) *Советская деревня (1917–1925 гг.): экономика и быт*. 2-е изд., знач. доп. Л.: Раб. изд-во Прибой.

Bolshakov A.M. (1925) *The Soviet Village (1917–1925): Economy and Everyday Life*. 2nd ed., significantly enl. Leningrad: Priboy Workers' Publishing House (in Russian).

Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) (1993), сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб.: Издательство Европейского Дома.

Firsov B.M., Kiseleva I.G. (1993) *The Everyday Life of Great Russian Peasant Farmers: A Description of Materials from the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev (on the example of the Vladimir province)*. St. Petersburg: European House Publishing House (in Russian).

Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия (1992). Пер. с англ. Сост. Т. Шанин. А.В. Гордон (ред.). М.: Прогресс; Прогресс-Академия.

Gordon A.V. (ed.) (1992) *The Great Stranger: Peasants and Farmers in the Modern World: A Reader*. Moscow: Progress; Progress-Akademiya (in Russian).

Великий П.П. (2008) Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи. *Социологические исследования*, 7: 101–107.

Veliky P.P. (2008) Russian agrarian sociology: stages, names, ideas. *Vestnik Instituta Sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 7: 101–107 (in Russian).

Великий П.П., Староверов В.И. (2010) Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи. *Вехи российской социологии 1950–2000-е годы*. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский (ред.). СПб.: Алетейя.

Veliky P.P., Staroverov V.I. (2010) Russian Agrarian Sociology: Stages, Names, Ideas. *Milestones of Russian Sociology, 1950–2000s*. Zh.T. Toshchenko, N.V. Romanovsky (eds.). St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Виноградский В.Г. (1999) «Орудия слабых» неформальная экономика крестьянских домохозяйств. *Социологический журнал*, 3: 36–48.

Vinogradsky V.G. (1999) "Tools of the Weak" Informal Economy of Peasant Households. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3: 36–48 (in Russian).

Добрякова М.С. (1999) Исследования локальных сообществ в социологической традиции. *Социологические исследования*, 7: 125–133.

Dobryakova M.S. (1999) Studies of local communities in the sociological tradition. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 7: 125–133 (in Russian).

Докторов Б.З., Никулин А.М. (2020) Теодор Шанин: крестьяноведение в России. *Крестьяноведение*, 5(3): 146–172.

Doktorov B.Z., Nikulin A.M. (2020) Theodor Shanin: Peasant Studies in Russia. *Krestyanovedenie* [Peasant Studies], 5(3): 146–172 (in Russian).

Затеева Н.А., Татарова С.П. (2016) Исследование сельского социума: этапы и направления. *Концепт*, 2: 496–500.

Zateeva N.A., Tatarova S.P. (2016) Rural society research: stages and directions. *Kontsept* [Concept], 2: 496–500 (in Russian).

Знаецкий Ф. (1994) Исходные данные социологии. *Американская социологическая мысль: Тексты*. В.И. Добренков (ред.). М.: Изд. Международного университета бизнеса и управления: 60–75.

Znanetsky F. (1994) The Initial Data of Sociology. *American Sociological Thought: Texts*. V.I. Dobrenkov (ed.). Moscow: 60–75 (in Russian).

Кавелин К.Д. (2013) Взгляд на русскую сельскую общину. *Государство и община*. М.: Институт русской цивилизации: 577–610.

Kavelin K.D. (2013) A View on the Russian Rural Commune. *The State and the Commune*. Ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization: 577–610 (in Russian).

Кавелин К.Д. (1882) *Крестьянский вопрос: исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян*. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича.

Kavelin K.D. (1882) *The Peasant Question: A Study on the Importance of the Peasant Cause in Our Country, the Reasons for its Decline, and Measures to Raise Agriculture and the Life of the Settlers*. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich's printing house (in Russian).

Калугина З.И. (2016) Многоукладность аграрной экономики в контексте рационального использования ресурсов. *Интерэкспо Гео-Сибирь*, 3(1): 128–132.

Kalugina Z.I. (2016) Diversity of the agrarian economy in the context of rational use of resources. *Interexpo Geo-Sibir* [Interexpo Geo-Siberia], 3(1): 128–132 (in Russian).

Калугина З.И., Фадеева О.П. (2016) Восточное приграничье России: альтернативы сельского развития. *ЭКО*, 1: 36–48.

Kalugina Z.I., Fadeeva O.P. (2016) Eastern Borderlands of Russia: Alternatives to Rural Development. *EKO* [Economics and Organization of Industrial Production], 1(499): 36–48 (in Russian).

Колхоз — школа коммунизма для крестьянства (комплексное социальное исследование колхоза «Россия») (1965). М.: Мысль.

Kolkhoz — a School of Communism for the Peasantry (A Comprehensive Social Study of the "Rossiya" Kolkhoz) (1965). Moscow: Mysl (in Russian).

Кондратьев Н.Д. (1991) Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука.

Kondratyev N.D. (1991) *The Grain Market and Its Regulation during War and Revolution*. Moscow: Nauka (in Russian).

Кораблино — село русское (1961) М.: Сов. Россия.

Korablino — a Russian Village (1961). Moscow: Sovetskaia Rossiia (in Russian).

Литошенко Л.Н. (2001) Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Litoshenko L.N. (2001) *The Socialization of Land in Russia*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf (in Russian).

Методология и методика системного изучения советской деревни (1980).

Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина (ред.). Новосибирск: Наука.

Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V. (eds.) (1980) *Methodology and Methods of a Systematic Study of the Soviet Village*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Миграция сельского населения (1970) Т.И. Заславская (ред.). М.: Мысль.

Zaslavskaya T.I. (ed.) (1970) *Migration of the Rural Population*. Moscow: Mysl (in Russian).

Новикова С.С. (2000) Социология: история, основы, институционализация в России. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК».

Novikova S.S. (2000) *Sociology: History, Foundations, Institutionalization in Russia*. Moscow: Moskovskiy psikhologo-sotsialnyy institut; Voronezh: NPO MODEK (in Russian).

Опыт историко-социологического изучения села Молдино (1968) В.Г. Карцов (ред.). М.: Моск. рабочий.

Kartsov V.G. (ed.) (1968) *Experience of a Historical and Sociological Study of the Village of Moldino*. Moscow: Moskovskii rabochii (in Russian).

Петрашевский М.В. (1953) Сочинения. Показания. Письма. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М.: Госполитиздат.

Petrashevsky M.V. (1953) Works. Testimonies. Letters. *Philosophical and Socio-Political Works of the Petrashevites*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury (in Russian).

Посников А.С. (1875) Общинное землевладение: Вып. 1–2. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк.

Posnikov A.S. (1875) *Communal Land Tenure*. vol. 1–2. Yaroslavl: G.V. Falk's printing house (in Russian).

Посников А.С. (1911) Освобождение крестьян. Освобождение крестьян: сб. ст. СПб.: Жизнь для всех.

Posnikov A.S. (1911) The Emancipation of the Peasants. *The Emancipation of the Peasants*. St. Petersburg: Zhizn dlia vsekh (in Russian).

Постников В.Е. (1891) *Южно-русское крестьянское хозяйство*. М.: Кушкереv и Ко.

Postnikov V.E. (1891) *The South-Russian Peasant Economy*. Moscow: Kushkerev i Ko (in Russian).

Проблемы системного изучения деревни (1975) Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина (ред.). Новосибирск.

Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V. (eds.) (1975) *Problems of the Systematic Study of the Village*. Novosibirsk (in Russian).

Пругавин А.С. (1883) Губернаторское описание Выгорецкого общества. *Исторический вестник*, 8: 477–479.

Prugavin A.S. (1883) Governor's description of the Vygoresky society. *Istoriicheskiy vestnik* [Historical Herald], 8: 477–479 (in Russian).

Рывкина Р.В. (1998) Социология села. *Социология в России*. В.А. Ядов (ред.). М.: Изд-во СОРАН.

Ryvkin R.V. (1998) Sociology of the Village. *Sociology in Russia*. V.A. Yadov (ed.). Moscow: SORAN Publ. (in Russian).

Селиванов В.И., Милонова Н.П., Попова И.П. *Рязанское село Кораблино (история, экономика, быт, культура, люди села)* (1957). Рязань.

Selivanov V.I., Milonova N.P., Popova I.P. (1957) *The Ryazan Village of Korablino: (History, Economy, Life, Culture, People of the Village)*. Ryazan (in Russian).

Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным (1885) М.: Тип. М.П. Щепкина.

Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu. Materialy dlya obychnogo prava, sobrannyye Mikhailom Kharuzinym (1885) [Information about Cossack communities on the Don. Materials for customary law, collected by Mikhail Kharuzin]. Moscow: Tipografiya M.P. Shchepkina (in Russian).

Село Вирятино в прошлом и настоящем: опыт этнографического изучения русской деревни (1958). М.: АН СССР.

Selo Viryatino in the Past and Present: An Experience of Ethnographic Study of a Russian Village (1958). Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Сергиенко А.М. (2017) Динамика потенциала сельских институтов гражданского общества и роль государства в стимулировании их развития. *Государственное управление и развитие России: модели и проекты. Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.* Институт государственной службы и управления (ИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: 746–753.

Sergienko A.M. (2017) Dynamics of the potential of rural civil society institutions and the role of the state in stimulating their development. *Conference Proceedings "Public Administration and Development of Russia: Models and Projects"*: 746–753 (in Russian).

Сергиенко А.М. (2016) Тренды и драйверы социального развития сельских территорий алтайского края: инновационные аспекты исследования. *Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф.* Алтайский филиал РАНХиГС: 241–246.

Sergienko A.M. (2016) Trends and drivers of social development in rural areas of the Altai Krai: innovative aspects of research. *Conference materials "Topical issues of improving the system of state and municipal administration in Russia at the present stage"*: 241–246 (in Russian).

Скотт Дж. (1999) Моральная экономика деревни. *Неформальная экономика. Россия и мир*. Т. Шанин (ред.). М.: Логос: 541–544.

Scott J. (1999) The Moral Economy of the Village. *The Informal Economy. Russia and the World*. Т. Shanin (ed.). Moscow: Logos: 541–544 (in Russian).

Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) (2016). Ж.Т. Тошченко (ред.). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

The Meanings of Rural Life (An Experience of Sociological Analysis) (2016). Zh.T. Toshchenko (ed.). Moscow: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniya i marketinga (in Russian).

Социальный облик колхозной молодежи (по материалам социологических исследований 1938 и 1969 гг.) (1976) М.: Мысль.

The Social Profile of Kolkhoz Youth (based on materials from sociological surveys of 1938 and 1969) (1976). Moscow: Mysl (in Russian).

Староверов В.И. (2003) *Сельская социология*. М.: ПМИ ИСПИ РЛН.

Staroverov V.I. (2003) *Rural Sociology*. Moscow: RMC ISPI RLN (in Russian).

Староверов В.И. (2008) К истории возрождения российской сельской социологии. *Социологические исследования*, 10: 40–52.

Staroverov V.I. (2008) On the history of the revival of Russian rural sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 10: 40–52 (in Russian).

Столыпин Д.А. (1997) *Арендные хутора: сб. ст.* Пенза.

Stolypin D.A. (1997) *Leasehold Farms*. Penza (in Russian).

Столыпин Д.А. (1872) *Два вопроса: земледельческий и общего образования: Хутора и деревни*. М.: тип. И.К. Грачева и К°.

Stolypin D.A. (1872) *Two Questions: Agricultural and General Education: Farms and Villages*. Moscow: I.K. Gracheva i K°'s printing house (in Russian).

Столыпин Д.А. (1893) *Наш крестьянский вопрос: наука и метафизика*. М.: Тип. В.А. Гатцук.

Stolypin D.A. (1893) *Our Peasant Question: Science and Metaphysics*. Moscow: V.A. Gatsuk's printing house (in Russian).

Столыпин Д.А. (1869) *Развитие земледельческой промышленности: (Переселения на новые места)*. СПб.: Печ. В. Головина.

Stolypin D.A. (1869) *Development of Agricultural Industry: (Resettlement to New Places)*. St. Petersburg: V. Golovin's printing house (in Russian).

Теодорович И.А. (1927) *Вопросы индустриализации и сельское хозяйство / Стенограмма доклада т. Теодоровича И. А., заместителя Наркома земледелия Р.С.Ф.С.Р., на Уральски. област. совещании зем. работников 18-го января 1927 года.* Свердловск: Уралоблзу; тип. «Гранит» Уралподлиграфа.

Teodorovich I.A. (1927) *Questions of Industrialization and Agriculture.* Sverdlovsk: Uraloblzu; Granit Uralpodligrfa Press (in Russian).

Теодорович И.А. (1923) *К вопросу о сельско-хозяйственной политике Р.С.Ф.С.Р.* М.: Новая деревня.

Teodorovich I.A. (1923) *On the Question of the Agricultural Policy of the R.S.F.S.R.* Moscow: Novaia derevnia (in Russian).

Теодорович И.А. (1921) *О государственном регулировании крестьянского хозяйства (Речь на заседании фракции Р.К.П. на VIII съезде советов).* М.: Гос. изд-во.

Teodorovich I.A. (1921) *On the State Regulation of the Peasant Economy.* Moscow: Gosudarstvennoie izdatelstvo (in Russian).

Теодорович И.А. (1923) *Судьбы русского крестьянства.* М.: Новая деревня.

Teodorovich I.A. (1923) *The Fates of the Russian Peasantry.* Moscow: Novaia derevnia (in Russian).

Фадеева О.П. (1999) Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе. *Неформальная экономика. Россия и мир.* Т. Шанин (ред.). М.: Логос: 183–218.

Fadeeva O.P. (1999) The Inter-Family Network: Mechanisms of Mutual Support in the Russian Village. *The Informal Economy. Russia and the World.* Т. Shanin (ed.). Moscow: Logos: 183–218 (in Russian).

Фадеева О.П. (2016) Новый этап реформирования системы местного самоуправления в сельских районах алтайского края и его последствия. *Развитие агропромышленного производства и сельских территорий. Сб. Междунар. науч.-практ. конф.*: 277–282.

Fadeeva O.P. (2016) A new stage in reforming the system of local self-government in rural areas of the Altai Krai and its consequences. *Conference materials "Development of agro-industrial production and rural areas"*: 277–282 (in Russian).

Фадеева О.П. (2016) Практики хозяйствования сибирских фермеров: сложившиеся неравенства и специфика регулирования. *Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса.* Российское общество социологов: 7008–7016.

Fadeeva O.P. (2016) Farming practices of Siberian farmers: existing inequalities and specifics of regulation. *Materials of the All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice"*: 7008–7016 (in Russian).

Фицпатрик Ш. (2001) *Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня.* М.: Российская политическая энциклопедия.

Fitzpatrick S. (2001) *Stalin's Peasants: A Social History of Soviet Russia in the 1930s: The Village*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (in Russian).

Хатаевич М.М. (1925) *Партийные ячейки в деревне: по материалам обследования ЦК РКП(б) и ЦКК*. Л.: Госиздат.

Khataevich M.M. (1925) *Party Cells in the Village: Based on Materials of a Survey by the Central Committee of the RCP(b) and the Central Control Commission*. Leningrad: Gosizdat (in Russian).

Чаянов А.В. (1989) Крестьянское хозяйство. *Избранные труды*. М.: Экономика.

Chayanov A.V. (1989) *The Peasant Farm. Selected Works*. Moscow: Ekonomika (in Russian).

Чаянов А.В. (1917) *Что такое аграрный вопрос?* М.: Универсальная библиотека.

Chayanov A.V. (1917) *What is the Agrarian Question?* Moscow: Universalnaia biblioteka (in Russian).

Чаянов А.В. (1919) *Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации*. М.

Chayanov A.V. (1919) *The Basic Ideas and Forms of Organization of Peasant Cooperation*. Moscow (in Russian).

Чаянов А.В. (1924) *Основные идеи и методы общественной агрономии*. 3-е изд. М.: Новая деревня.

Chayanov A.V. (1924) *The Basic Ideas and Methods of Public Agronomy*. 3rd ed. Moscow: Novaia derevnia (in Russian).

Чернов В.М. (1906) *Марксизм и аграрный вопрос: ист.-крит. очерк*. СПб.: Ред. журн. «Русское богатство».

Chernov V.M. (1906) *Marxism and the Agrarian Question: A Historical and Critical Essay*. St. Petersburg: Russkoe bogatstvo (in Russian).

Чернышевский Н.Г. (1974) Критика философских предубеждений против общинного владения. *Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4: Статьи по философии и эстетике*. М.: Правда: 80–91.

Chernyshevsky N.G. (1974) Criticism of Philosophical Prejudices against Communal Tenure. *Collected Works in Five Volumes. Vol. 4: Articles on Philosophy and Aesthetics*. Ogonek Library. Moscow: Pravda: 80–91 (in Russian).

Шанин Т. (1999) Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. *Качественные методы в полевых социологических исследованиях*. М.: Логос: 32–46.

Shanin T. (1999) The Methodology of Double Reflexivity in the Studies of the Modern Russian Village. *Qualitative Methods in Field Sociological Research*. Moscow: 32–46 (in Russian).

Штейнберг И. (1999) Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация. *Неформальная экономика. Россия и мир*. Т. Шанин (ред.). М.: Логос: 227–230.

Shteynberg I. (1999) The Russian Miracle: Local and Family Networks of Mutual Support and Their Transformation. *The Informal Economy. Russia and the World*. T. Shanin (ed.). Moscow: Logos: 227–230 (in Russian).

Шуваев К.М. (1937) *Старая и новая деревня: Материалы исследования с. Ново-Животинного и дер. Моховатки Березовск. района Воронеж. обл. за 1901 и 1907, 1926 и 1937 гг.* М.: Сельхозгиз.

Shuvaev K.M. (1937) *The Old and the New Village: Materials of a Study of the Village of Novo-Zhivotinnoye and the Hamlet of Mokhovatka, Berezovsky District, Voronezh Oblast for 1901 and 1907, 1926 and 1937.* Moscow: Selkhozgiz (in Russian).

Янчук Н.А. (1889) *По Минской губернии (заметки из поездки в 1886 году)*. М.: Тип. А. Левинсон и Ко.

Yanchuk N.A. (1889) *Through the Minsk Province (notes from a trip in 1886)*. Moscow: Tipografia A. Levinson i Ko (in Russian).

RURAL SOCIOLOGY IN RUSSIA: TWO CENTURIES OF HISTORY

Sergey Solovchenkov (solovchenkov@yandex.ru),
Tatyana Komarova (carpi-komarova@yandex.ru),
Elena Stelmakh (stelmahlena69@mail.ru)

The Institute for Complex Analysis of Regional Problems of the Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences. Birobidzhan, Russia

Citation: Solovchenkov S., Komarova T., Stelmakh E. (2025) Rural sociology in Russia: two centuries of history. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 160–183 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.7> EDN: GTIRVN

Abstract. The article, through the prism of ideas and personalities, traces a rather complex history of the formation and development of rural sociology in Russia. With a high degree of convention, this process can be divided into several periods. The pre-scientific period is represented exclusively by the collection of empirical material without its scientific understanding, the main personalities are major statesmen. The pre-revolutionary period is characterized by the first attempts of scientific, but rather philosophical, understanding of sociological data about the Russian countryside. The main merit of development at this stage belongs to public figures, publicists-philosophers. The revolutionary period is characterized by very serious sociological and economic-sociological works of agricultural researchers. The period of oblivion is characterized by the almost complete cessation of scientific research within the framework of rural sociology. The revival period is associated with the artistic and publicistic works of writers and journalists who turned their attention to the social contradictions that existed in

the countryside and made an attempt to describe them. The scientific period — the maximum interest in rural topics among sociologists, the creation of the conceptual foundations of domestic rural sociology, the widest possible coverage of scientific research of rural life. In the modern period, there has been a slight decline in interest in rural sociology, the emergence of new, hybrid approaches and theories about the development of modern rural areas in Russia.

Keywords: development of rural sociology, formation of ideas, researchers, personalities, agrarian sociology, peasant studies, history of rural sociology.

СОЦИОЛОГИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ

СУБЪЕКТИВНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В РАМКАХ СТРУКТУР ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ УСЛУГ

Сергей Ткач (s.tkach@spbu.ru),
Анастасия Игоревна Коровина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ткач С., Коровина А.Н. (2025) Субъективное экономическое благополучие в рамках структур потребительских услуг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 184–203. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.8> EDN: HIGTRJ

Аннотация. Рассмотрены подходы к пониманию значимых факторов субъективного экономического благополучия, среди которых выделены факторы финансовой сферы — роль дохода и доступа к благам. В теоретическую модель включены элементы теорий поколения и модернизации Ш. Эйзенштадта, а также положения о роли кредита как потребительской услуги А. Тихонова. Был сделан акцент на потребительских услугах в соответствии с предположениями Е. Чигвинцевой о связи между включенностью в сферу услуг и субъективным экономическим благополучием. Отсюда авторы делают предположение о существовании опосредованной связи между финансовыми факторами и субъективным экономическим благополучием через различные структуры потребления в сфере услуг. Объект исследования — жители Санкт-Петербурга и Ленинградской области, предмет исследования — потребительские услуги жителей. Целью исследования было выделить устойчивые структуры потребления и их роль в субъективном благополучии. Для анализа использовалось дерево решений, тест Краскела-Уоллиса, регрессионная модель Пуассона, кластеризация методом К-средних. Для валидации результатов использовалась F-мера, для оценки вклада переменных — мера Джинни. Оценка проведенной кластеризации производилась при помощи силуэтной меры. Выборочная совокупность составила 1100 респондентов и репрезентативна по полу и возрасту для Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В опросе приняли участие жители как сельских населенных пунктов, так и городов. При помощи кластеризации выделены устойчивые структуры потребления, которые значимо связаны с субъективным экономическим благополучием, кредитованием, а также с социально-демографическими показателями, что согласуется с выдвигаемыми положениями теоретической модели. Показано, что включенность в сферу услуг оказывается драйвером для кредитования. При этом большая часть респондентов оказывается практически не включена в сферу услуг и одновременно с этим меньше затронута кредитами. Также субъективное экономическое благополучие этой группы ниже.

Ключевые слова: потребительские услуги, структуры потребления, сфера услуг, кредитование, субъективное экономическое благополучие

Введение

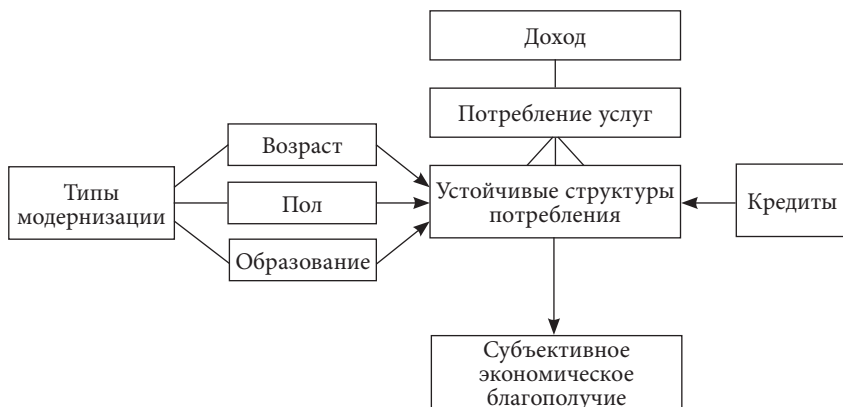
Субъективное экономическое благополучие — термин, который скорее может быть определен в обыденном повседневном разговоре, нежели в научной дискуссии. Это ощущение, которое дарит жизнь в достатке, «сытая жизнь». Предполагается, что люди, которые испытывают такое ощущение, имеют значительный доход, который позволяет им ни в чем или практически ни в чем себе не отказывать. При концептуализации такого интуитивного понимания возникают серьезные трудности, о чем пишет В. Хашченко: «Специалисты входят в противоречие друг с другом при описании феноменологии [субъективного экономического благополучия], установлении границ его предметного поля, при определении этого понятия» (Хашченко 2012: 3). В широком смысле субъективное экономическое благополучие можно определить как ощущение собственного достатка, материальной состоятельности.

Не меньшие сложности возникают при анализе влияния доходов на уровень субъективного экономического благополучия: «Вывод о слабой или несуществующей связи между доходом и индивидуальным благополучием, противоречащий реалиям жизни, стал главным парадоксом в экономической и психологической научной литературе» (Хашченко 2012: 3). Такой вывод кажется противоречивым, поскольку интуитивно именно доходы понимаются людьми как определяющий фактор их собственного субъективного экономического благополучия. Об этом пишет и Г. Градосельская. Она полагает, что «понятие благополучия респонденты теснее всего связывают с уровнем дохода», что подталкивает Градосельскую к измерению вклада дохода в категорию субъективного экономического благополучия (Градосельская 2003: 87). В качестве шкалы оценки субъективного экономического благополучия используется десятибалльная. Исследовательница приходит к выводу, что вклад дохода в оценку субъективного экономического благополучия оказывается максимальным для средних значений благополучия (значений 3, 4, 5) и не очень большим для экстремумов шкалы. Другое исследование (Немировская, Соболева 2020) демонстрирует в качестве значимых факторов удовлетворенность собственным доходом, сопоставление собственного дохода и дохода референтной для респондента группы, удовлетворенность финансовым положением. Также важным в субъективном экономическом благополучии оказывается тип занятости (временная или постоянная), о чем свидетельствуют данные Г. Монусовой (Монусова 2019). В. Сарайкин называет профессиональную занятость доминирующим фактором субъективного экономического благополучия для сельских жителей (Сарайкин и др. 2023).

Необходимо отметить, что значимой составляющей является отношение человека к материальной сфере. Бытует мнение о том, что более состоятельные люди ощущают себя субъективно экономически благополучнее, однако, согласно результатам многих исследований, зависимость между богатством и благополучием не видится столь линейной и однозначной (Ефремова 2014). Значимым представляется не сам заработок человека в денежном исчислении, а то, каким образом он им распоряжается. Такое предположение наталкивает на дальнейшее осмысление того, что опосредует влияние дохода на субъективное экономическое благополучие. Повседневность раскрывает обобщенные и абстрактные категории финансового успеха и достатка в конкретные действия, совершаемые людьми. Цель данной статьи, таким образом, продемонстрировать, как устойчивый выбор услуг тем или иным образом сказывается на субъективном экономическом благополучии в современном обществе потребления и как потребительское кредитование, все более популярное в современном обществе, влияет на эту связь.

Теоретические основания исследования

Связь потребления услуг и благополучия кажется очевидной: она была проиллюстрирована не только социологическими, но и наиболее знаковыми художественными работами. Т. Веблен в «Теории праздного класса» рассуждает о том, как формируется культура демонстративного потребления. Причем для соответствия культуре необходимо покупать именно определенные товары, считающиеся *comme il faut* среди людей определенного достатка (Veblen 2017). Ф. Фицджеральд описывает образ жизни и яркие пиршества предпринимателей 1920-х годов, быстро обретших богатство и также быстро лишившихся его (Фицджеральд 2024), а Дж. Белфорт дает схожее описание брокерам 1980–1990-х годов (Белфорт 2022). И. Орлов (Орлов 2010) и А. Юрчак (Юрчак 2014) подробно описывают повседневный быт и различия покупок и трат советских граждан, также выделяя фактор достатка в качестве значимого. В области исследований советской повседневности авторы выделяют даже отдельные потребительские товары, которые могли бы служить маркером того или иного уровня достатка. И. Скубий (Skubii 2023) пишет в таком ключе о меховых шубах и шоколаде. Расширение ассортимента меховых шапок позволило бы выстроить шкалу соответствия состава и кроя шапки с доходом гражданина, будь такое исследование проведено, что иллюстрируется в тексте В. Войнович (Voinovich 1991). Ряд исследований демонстрируют, что связь между субъективным экономическим благополучием и доходом человека может быть однозначной: чем больше доход человека, тем выше он оценивает

Рис. 1. Теоретическая модель исследования

уровень своего благополучия (Luhmann, Schimmack 2011). Другие же авторы настаивают на отсутствии такой линейной связи, что показано в обзоре В. Хащенко (Хащенко 2012). Основная проблема исследования, следовательно, заключается в недостатке данных о том, как выбор тех или иных потребительских услуг влияет на субъективное экономическое благополучие в современном российском обществе потребления.

Для связи выбора потребительских услуг и субъективного благополучия была разработана теоретическая модель исследования (рис. 1). Опишем далее ее содержание.

В контексте настоящего исследования уместным представляется использование концепта первого порядка, согласно которому устойчивые структуры потребления опосредуются рядом факторов. На устойчивые структуры потребления оказывает влияние кредитование населения. В случае, если собственные средства не позволяют достичь желаемой цели, человек обращается в кредитную организацию за дополнительными, которые он может получить, оформив потребительский кредит. В рамках статьи кредит будет рассматриваться как особая потребительская услуга, которая способна оказывать влияние на выбор других потребительских услуг, в том числе формировать устойчивые структуры выбора. Распространение потребительского кредитования изменяет саму динамику потребительского поведения — процесс накопления средств теперь не предшествует покупке, а заменяется постепенными, почти незаметными выплатами после (Тихонов 2019). При переходе к рыночной экономике в России в доходах населения произошли существенные изменения. Потребителям стало требоваться большее количество времени для накопле-

ния достаточной суммы сбережений на приобретение товаров и услуг. В связи с этим повысился спрос на потребительский кредит (Королева 2021). Возможность взятия потребительского кредита в условиях современной рыночной развитой экономической системы меняет возможности распоряжения финансовыми благами экономического субъекта: падение ценностей материальных благ и услуг ввиду доступности взятия кредита; взаимосвязь демонстративного потребления и кредитования; меньшее приращение значимости сбережениям, которые могут быть нестабильны в период кризисных ситуаций, в пользу кредитования; упрощенные условия кредитования (в некоторых случаях без процентов) на маркетплейсах — все это трансформирует покупательские возможности.

Изучению модернизации уделял внимание социолог Ш. Эйзенштадт. По мнению исследователя, сегодня общество характеризуется различиями в религиозных, научных, культурных аспектах. Основопологающим элементом модернизации является развитие нового культурного мировоззрения, которое признает особенно важным индивидуализм, свободное выражение чувств и ориентацию на прогресс. При этом сегодня возникает диссоциация между различными социальными стратами, критериями статуса. В определенный момент развития человечества потребительское поведение стало не просто атрибутом или характеристикой прогресса — оно начало предопределять сам прогресс, стало неким маркером успешности прогресса. Ш. Эйзенштадт полагает, что нормы потребления, сложившиеся в современном обществе (в качестве примеров могут быть приведены услуги каршеринга, подписки на онлайн-стриминговые сервисы и т.п.), предопределяют сам процесс модернизации и могут выступать основанием для модернизации, а не просто ее характеристикой. Ш. Эйзенштадт отмечает, что модернизация в экономической сфере связана с технологическим ростом, в первую очередь с высокими технологиями, расширением секторов экономической деятельности и увеличением масштабов производства, потребления и сбыта (Эйзенштадт 2012). Социолог пишет, что модернизация зародилась в Западной и Центральной Европе. При этом глобальные модернизационные процессы происходят вне национальных границ. Для настоящего исследования представляет интерес западноориентированная модель модернизации, в рамках которой предполагается включенность потребителей в сферу услуг.

Важным аспектом, связанным непосредственно с устойчивыми структурами потребления, является возраст. Согласно возрастной концепции Ш. Эйзенштадта, гомогенные возрастные группы существуют только при определенных социальных условиях, а именно в тех, при которых гетерогенные группы, т. е. семьи, не способны гарантировать индивидам дости-

жение желаемого социального статуса (Ковин, Лысенко 2019). Нельзя не упомянуть и область образования. На изменение отношения к образованию и спроса на образовательные услуги оказал непосредственное влияние возросший уровень спроса на квалифицированных сотрудников. Уровень полученного людьми образования также оказывает влияние на выбираемые ими потребительские услуги.

Опираясь на социологическую интуицию о связи потребительских услуг и субъективного экономического благополучия, мы постарались определить, насколько эвристически убедительной будет такая связь. В первую очередь мы исходили из предположения, что современное общество — это общество сферы услуг (Киселева, Исканджан 2013). Именно услуги, доступ к ним и частота их использования могут оказаться решающим фактором разграничения субъективного экономического благополучия. Такое предположение продолжает линию аргументации, затронутую в статье Е. Чигвинцевой (Чигвинцева 2011: 23) Исследовательница пишет: «Новый тип экономического прогресса включает... расширение нетоварного производства и нетоварных отношений (в сферах социальных услуг, науки, образования), сужение сферы действия традиционных механизмов рыночной экономики». Далее, опираясь на теорию систем, исследовательница старается концептуализировать построение и развитие общественного благосостояния, однако в рамках нашей проблематики нам скорее интересна приводимая связь субъективного экономического благополучия и услуг в такой концептуальной схеме: «...рост предложения благ и услуг, как материальных, так и нематериальных, может способствовать расширению потенциала человека, а в конечном счете — личной свободы» (Чигвинцева 2011: 24).

Вовлеченность в мир сферы услуг видится в современном обществе категорией личной свободы и благополучия. От бытовых обязанностей можно освободиться при помощи клининга, мобильность могут обеспечить такси и каршеринг, а доступ к обсуждаемому в обществе контенту — онлайн-сервисы. Особое внимание в изучении благополучия, полагает И. Асеева, следует уделять именно онлайн-сервисам, которые задают новое цифровое измерение неравенства (Асеева 2023). В то же время отечественный культуролог О. Мороз видит справедливым и обратную картину — финансовое неравенство проецируется в область цифрового (Мороз 2020). Так или иначе, пользование цифровыми услугами составляет непосредственный элемент субъективного экономического благополучия человека. Невключенность в использование тех или иных услуг как фактор субъективного экономического благополучия подробно рассмотрен в рукописи С. Ярошенко: «Режим исключения —

институционально организованное ограничение доступа к ресурсам, необходимым для обеспечения распространенных и общепринятых в данном обществе стандартов жизни, свидетельствующих об интеграции в рыночное общество обслуживания» (Ярошенко 2017: 68). Социолог акцентирует внимание на нуждающихся стратах населения, однако мы можем распространить такую логику и дальше, проследив связь между потребительскими услугами для всех групп.

Материалы и методы

Исследование спроектировано в количественной парадигме. Методом сбора данных выступал телефонный опрос населения, проходивший в мае-июне 2023 г. Выборочная совокупность репрезентативна по полу и возрасту для Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В опросе приняли участие 1100 респондентов. Среднее значение возраста респондентов составило 47 полных лет (стандартное отклонение — 15,6 лет). Минимальный возраст респондентов составлял 18 лет, максимальный — 79 лет. Более половины (55 % опрошенных) постоянно проживали в Санкт-Петербурге, в то время как оставшиеся 45 % — в Ленинградской области. Среди жителей Ленинградской области (45 % опрошенных, 500 человек) в городской местности проживают 61 % респондентов, что составляет 28 % от общего количества респондентов. К жителям сельской местности относят себя оставшиеся 39 % респондентов (17 % от всех опрошенных). Объектом исследования выступали жители Санкт-Петербурга и Ленинградской области, предметом исследования — выбор потребительских услуг жителей. Целью исследования было выделить устойчивые структуры потребления и их роль в субъективном экономическом благополучии населения. Для анализа данных использовалось дерево решений, тест Краскела-Уоллиса, регрессионная модель Пуассона, кластеризация методом К-средних. Для валидации результатов дерева решений использовалась F-мера, для оценки вклада переменных — мера Джини. Оценка проведенной кластеризации производилась при помощи силуэтной меры.

Потребительские услуги и субъективное экономическое благополучие

Первым шагом в рассмотрении вопроса о выявлении связи между использованием услугами и субъективным экономическим благополучием стало построение объяснительной модели, в которой зависимой переменной выступала десятикомпонентная шкала благополучия, а независимыми — ранговые шкалы частоты пользования теми или иными услугами (ежедневно, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц, раз в месяц

или реже, не пользуюсь). Десятикомпонентная шкала представляла собой разновидность лестницы Кантрила в следующей формулировке: «Представьте себе шкалу от 1 до 10, где в точке 10 находятся люди, которых вы считаете наиболее благополучными, а в точке 1 — наименее благополучными. Какое место на этой шкале вы занимаете в настоящее время?» Данная формулировка использовалась Фондом общественного мнения для замера благополучия в мониторинговых исследованиях (ФОМ 2019).

В качестве объяснительной модели выступало дерево решений. Для дерева решений эффективность считалась посредством предсказания значений зависимой переменной на отложенной тестовой выборочной совокупности, составившей 363 респондента. Взвешенная F-мера составила 0.303. С некоторым допущением мы можем утверждать, что около трети респондентов субъективное экономическое благополучие оказывают с использованием приведенных здесь услуг. Подробнее рассмотрим F-меру предсказания каждого из классов (табл. 1).

Таблица 1

F-мера предсказания для разных классов¹

Класс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
F-мера	0	0	0.09	0.15	0.43	0.11	0.14	0.08	0	0
N	24	14	102	115	361	144	180	86	22	44

Как и в работе Г. Градосельской, наилучшим образом оказывается объяснимым благополучие респондентов, относящих себя к середине шкалы («значение 5»). Такая ситуация объяснима двумя путями интерпретации. В первую очередь речь идет о так называемом эффекте середины, описанным В. Гимпельсоном и Е. Черниной (Гимпельсон, Чернина 2020). Респонденты при предоставлении им оценочного выбора своего положения относительно других людей (не только относительно благополучия, но и в иных вопросах) склонны относить себя к середине неоправданно часто. Дерево решений, будучи статистической предсказательной моделью, обнаруживает этот паттерн как широко распространенный и использует его для предсказания класса. Второй эффект является эффектом привыкания, описанный Д. Сальниковой, который приводит к снижению оценок субъективного благополучия для высокоблагополучных групп (Сальникова 2017). Люди, привыкая к своему уровню потребления, начинают оценивать свой уровень благополучия со временем ниже. Веро-

¹ Здесь и далее N — количество респондентов в классе для всей выборки.

ятно, высокоблагополучные группы постепенно смещают свою оценку к точке равновесия — близко к значению «5». Те же респонденты, чьи оценки собственного благополучия остаются высокими, ориентируются на иные, более устойчивые факторы, нежели потребляемые ими услуги.

Для оценки вклада каждой из переменных использовалась нормализованная мера Джини (Gini feature importance) (табл. 2).

Таблица 2

Мера Джини для использовавшихся в классификации переменных
(N — количество респондентов, пользующихся услугой)

Переменная	Такси	Клининг	Онлайн- кинотеатры	Электросамокаты	Музыкальные сервисы	Няня	Каршеринг	Сервисы доставки еды
Мера Джини	0.21	0.07	0.14	0.11	0.11	0.03	0.13	0.18
N	765	117	449	131	358	52	153	627

Наибольшее влияние в классификации оказали услуги пользования такси, онлайн-кинотеатрами, каршерингом и сервисами доставки еды.

Связь между потреблением услуг и субъективным экономическим благополучием суммарно представляется невысокой, что соответствует результатам других схожих исследований, в частности в работах Л. Родионовой (Родионова 2014), А. Лариной и С. Филясовой (Ларина, Филясова 2018). В связи потребительских услуг и субъективного экономического благополучия видится внутренняя более сложная структура, которая делает такую связь опосредованной и нелинейной.

Кредит и структуры потребления

Выбор потребительских услуг людьми, кроме очевидного ограничения или драйвера в виде их финансового благополучия, опосредуются иными факторами, среди которых устойчивые структуры потребления, формируемые под действием культурных (Eisenstadt 1951) и поколенческих (Eisenstadt 2017) паттернов, о чем писал Ш. Эйзенштадт. Такие структуры представляют собой устойчивые конstellляции совстречаемых услуг, которые люди неизменно воспроизводят в своей повседневной жизни. Для

выделения таких устойчивых констелляций нами был проведен кластерный анализ методом К-средних. По итогам анализа получены три кластера, содержащие 698, 208 и 186 респондентов соответственно (табл. 3). Силуэтная мера составила 0.3803. Значимые на уровне $p < 0,005$ (тест Краскела-Уоллиса) различия наблюдались для частоты пользования такси, клинингом, онлайн-кинотеатрами, арендой электросамокатов, подпиской на музыкальные сервисы, каршерингом, сервисами доставки еды, покупкой абонементов в спортивных клубах. В первом кластере оказались респонденты, которые реже остальных пользуются любыми из названных услуг, во втором — респонденты, которые чаще, чем в остальных кластерах, пользуются онлайн-кинотеатрами, а также чаще, чем в среднем, пользуются услугами такси, подпиской на музыкальные сервисы, сервисами доставки еды. В третьем кластере респонденты чаще, чем в остальных кластерах, пользовались практически всеми услугами, кроме онлайн-кинотеатров.

Таблица 3

Средние значения частоты использования услуг

	1 кластер	2 кластер	3 кластер	все респонденты
Переменная \ Количество респондентов	698	208	186	1060
Такси	4.02*	3.46*	3.43*	3.81
Клининг/уборка дома	4.87*	4.78*	4.76*	4.83
Онлайн-кинотеатры	4.72*	1.39*	3.66*	3.90
Аренда электросамокатов	4.91*	4.64*	4.55*	4.79
Подписка на музыкальные сервисы	4.91*	2.93*	1.34*	3.91
Услуги няни	4.92	4.87	4.9	4.9
Каршеринг	4.87*	4.6*	4.53*	4.75
Сервисы доставки еды	4.19*	3.37*	3.29*	3.87

Примечание: чем меньше значение, тем выше частота пользования;

* $p < 0,01$ тест Краскела-Уоллиса.

Полученные кластеры демонстрируют три сложившиеся структуры выбора потребительских услуг. Первая из них это респонденты, практически исключенные из современной сферы услуг. Они очень редко пользуются любыми из услуг, которые были приведены в опросе. Практически все значения используемых ими услуг близки к значению «5» — «не пользуюсь вовсе». Второй и третий кластеры, наоборот, оказываются вовле-

чены в пользование услугами, причем сильнее, нежели все респонденты в среднем. Третий кластер оказывается наиболее включенным в мир потребительских услуг. Н. Восколович указывает, что социально-демографический фактор видится одним из ключевых для объяснения такого расслоения в выборе потребительских услуг. Различия в возрасте, образовании, ценностных установках формируют у человека расположение к пользованию услугой или, наоборот, негативизм (Восколович 2012). Ш. Эйзенштадт также отмечает, что за кажущимся культурным единообразием могут скрываться независимые структуры выбора потребительских услуг. Единый внешний фасад модерна как общества сферы услуг оказывается внутренне поделен на очень разнородные группы, в каждой из которых представлен собственный модерн (Анохина, Гирко 2012).

Для того чтобы сформировать портрет респондентов в каждом из обнаруженных кластеров, содержательно наполнить их описание, проведено профилирование кластеров при помощи регрессионной модели Пуассона (табл. 4–6).

Таблица 4

Регрессионная модель профилирования первого кластера ($R^2 = 0.205$)

Переменные	Коэффициент	Ст. откл.	z	p-значение
Возраст	0.0128	0.001	14.223	0.000
Мужской пол	0.0675	0.027	2.475	0.013
Образование	-0.0248	0.010	-2.514	0.012
Кредиты	-0.0361	0.015	-2.329	0.020
Субъективное благополучие	-0.0112	0.008	-1.442	0.150

Таблица 5

Регрессионная модель профилирования второго кластера ($R^2 = 0.237$)

Переменные	Коэффициент	Ст. откл.	z	p-значение
Возраст	-0.0046	0.001	-6.280	0.000
Мужской пол	0.0122	0.023	0.527	0.598
Образование	0.0380	0.008	4.664	0.000
Кредиты	0.0273	0.011	2.403	0.016
Субъективное благополучие	0.0128	0.006	1.990	0.047

Таблица 6

Регрессионная модель профилирования третьего кластера ($R^2 = 0.245$)

Переменные	Коэффициент	Ст. откл.	z	p-значение
Возраст	-0.0057	0.001	-8.272	0.000
Мужской пол	-0.0221	0.022	-1.013	0.311
Образование	0.0118	0.008	1.535	0.125
Кредиты	0.0686	0.011	6.393	0.000
Субъективное благополучие	0.0169	0.006	2.770	0.006

Обнаруженные результаты согласуются с теоретическими предположениями о различиях в возрасте и образовании респондентов. Важно также отметить значимые различия в уровне субъективного экономического благополучия. Второй и третий кластеры оказываются в среднем более благополучными, нежели вся выборочная совокупность. Профилирование показало, что в первом кластере будут респонденты скорее с более низким уровнем образования, большим возрастом, мужчины, но не берущие кредиты. Во втором кластере будут более молодые респонденты, с более высоким уровнем образования, имеющие кредиты. В третьем кластере оказались респонденты, которые часто берут кредиты, более молодые, имеют большее субъективное экономическое благополучие и уровень образования. Второй и третий кластер довольно схожи между собой. Для дополнительного разграничения второго и третьего кластеров был использован тест Краскела-Уоллиса (табл. 7).

Таблица 7

Средние значения ранговых шкал переменных

Переменные	Возраст	Мужской пол	Образование	Кредиты	Субъективное благополучие
Все респонденты	47.01*	1.55	4.93	4.62	5.53*
Кластер 1	52.17*	1.59	4.85	4.59	5.29*
Кластер 2	36.16*	1.43	4.89*	4.73	5.98
Кластер 3	39.71*	1.52	5.23*	4.64	5.91

* p-значение <0,05 для сравнения кластеров 2 и 3, а также всех респондентов и кластера 1

Различия, имеющиеся во втором и третьем кластере, обусловлены возрастом и образованием респондентов. Во второй кластер попали менее образованные и более молодые респонденты. Ш. Эйзенштадт пишет по этому поводу: «Вторым основным продуктом образования является идентификация с различными культурными социально-политическими символами и ценностями, а также относительно активная приверженность различным культурным, социальным и политическим группам и организациям» (Эйзенштадт 2011: 208). Получение образования в нашей модели оказывается фактором вовлечения в модернизированную культуру потребления сферы услуг.

Дискуссия

Полученные данные позволяют выстроить более сложную связь между кредитованием и доходом как элементами социального неравенства, связав их с образом жизни. Структуры, образовавшиеся в позднем обществе потребления, опосредовали саму связь между уровнем субъективного экономического благополучия и доходами. Обилие сферы услуг стало стимулом для потребительского кредитования даже в условиях достатка финансовых средств. И наоборот, при отсутствии необходимого уровня дохода кредит стал решением для поддержания ожидаемой модели потребления. Одновременно с этим можно заметить, что основная часть населения слабо затронута этой тенденцией. Респонденты первого кластера, который составляет 66 % общего объема выборки, практически не пользуются всеми приведенными услугами и не берут кредиты, чтобы позволить себе такую модель потребления. Это подтверждает предположения Ш. Эйзенштадта о множественной модерности, проявления которой можно найти в отличиях первого и второго от третьего кластера: «Множественные конфигурации модерности складываются в пространственно-временных контекстах различного масштаба: от локального и национального до регионального и глобального» (Браславский, Козловский 2023: 122).

Для обнаруженного явления можно найти в академической литературе две дискуссии. Первая расширяет упоминаемую здесь концепцию С. Ярошенко «исключенных граждан». Трансформационные события смены социалистического на капиталистический дискурс, как об этом пишут И. Тартаковская и В. Александрина, привели к тому, что «не вписавшиеся в новый идеологический дискурс [даже] бывшие профессионалы занимали рабочие места на нижних этажах социальной лестницы без всякого внутреннего сопротивления» (Тартаковская, Александрина 2017: 23). «Невписавшиеся» граждане оказались исключенными не только

из капиталистического модерна разделения труда, но и из области потребления услуг сферы модерна.

Вторая дискуссия связана с ролью кредита в потреблении — современным и домодерновым отношением к нему. В рамках процесса модернизации «общество движется от осуждения долгов к поддержке кредитов» (Стребков 2007: 88). По этим причинам с приходом современных структур потребления услуг приходит и более располагающее отношение к кредитам. В работе А. Ярашевой с соавторами показано, что перелом в отношении к кредиту наступает в возрасте 45–59 лет, когда респонденты, как и в нашем исследовании, начинают выражать больший скепсис к кредиту (Ярашева и др. 2017). Не менее интересным видится, что данные в работе Ярашевой с соавторами подтверждают наши данные о связи между кредитованием и субъективным экономическим благополучием. В работе Ярашевой и соавторов более обеспеченные респонденты лучше относятся к потребительским кредитам. В нашем исследовании более субъективно экономически благополучные респонденты оказались во втором и третьем кластерах, которые более охотно берут кредиты. Также связь между кредитом и благополучием поднимает вопрос о феномене закредитованности, о котором, например, пишут Л. Шафиров и А. Оганесян (Шафиров, Оганесян 2013). В общественном мнении существует стойкая ассоциация между низким благополучием и обращением к кредитам. В действительности же риски закредитованности могут оказаться справедливыми для, наоборот, более обеспеченных граждан, которым, несмотря на высокий доход, приходится обращаться к кредитам, чтобы унаться за существующими нормами интеграции в современную сферу потребительских услуг.

Следует обозначить ограничения исследования: дизайн был выполнен в количественной парадигме, а методом сбора информации выступал опрос, проведенный в двух регионах страны. В первую очередь количественная парадигма не позволяет уловить более сложные и частные случаи выбора потребительских услуг, которые могут быть раскрыты при проведении фокус-групп и интервью. Анализируемые услуги, безусловно, представлены не только в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, однако в других регионах они могут быть иначе распространены и иметь собственное региональное культурное своеобразие. О культуре, которая также влияет на выбор тех или иных потребительских услуг, пишет М. Соколов, когда замечает, что культура (Sokolova, Sokolov 2020), а также профессиональная принадлежность (Соколов, Соколова 2020) могут играть значительную роль при формировании устойчивых структур потребления услуг. Роль региональной и профессиональной

культуры, а также валидация полученных результатов при помощи качественных методов могут служить направлениями дальнейших исследований.

Выражение благодарности

Работа выполнена в рамках НИОКТР № 121062300141-5 «Комплексное исследование факторов и механизмов политической и социально-экономической устойчивости в условиях перехода к цифровому обществу».

Литература / References

Анохина Н.В., Гирко Л.В. (2012) Многообразие модернов: Pro et contra (сводный реферат). *Политическая наука*, 2: 284–302.

Anokhina N.V., Girko L.V. (2012) The diversity of modernity: Pro et contra (summary abstract). *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2: 284–302 (in Russian).

Асеева И.А. (2023) Цифровое благополучие общества: междисциплинарный подход. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 71: 138–148.

Aseeva I.A. (2023) Digital well-being: an interdisciplinary approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 71: 138–148 (in Russian).

Браславский Р.Г., Козловский В.В. (2023) Цивилизационный поворот в современной социологии: вклад Ш.Н. Эйзенштадта. *Социологические исследования*, 10: 116–125.

Braslavsky R.G., Kozlovsky V.V. (2023) Civilizational Turn in the Contemporary Sociology: The Contribution of S.N. Eisenstadt. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 10: 116–125 (in Russian).

Восколович Н.А. (2012) Специфика формирования доступности платных потребительских услуг. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 3: 3–11.

Voskolovich N.A. (2012) Specifics of creating the availability of paid consumer services. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics], 3: 3–11 (in Russian).

Гимпельсон В.Е., Чернина Е.М. (2020) Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 46(2): 30–56.

Gimpelson V.E., Chernina E.M. (2020) Position on the income scale and its subjective perception. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 46(2): 30–56 (in Russian).

Градосельская Г.В. (2003) Субъективные и объективные оценки благосостояния. *Социологический журнал*, 3: 86–98.

Gradoselskaya G.V. (2003) Subjective and objective assessments of well-being. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], 3: 86–98 (in Russian).

Ефремова Ю.Е. (2014) Субъективное благополучие человека как фактор социально-экономического развития общества. *Региональные проблемы преобразования экономики*, 6(44): 154–159.

Efremova Yu.E. (2014) Subjective human well-being as a factor in the socio-economic development of society. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation], 6(44): 154–159 (in Russian).

Забелина Е.В. и др. (2021) Стратегии экономического поведения коренных малочисленных народов Севера и их влияние на субъективное благополучие. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, 14(6): 797–809.

Zabelina E.V. et al. (2021) Strategies of economic behavior of indigenous peoples of the North and their impact on subjective well-being. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences], 14(6): 797–809 (in Russian).

Киселева И.А., Исканджан С.О. (2013) Сфера услуг как основа развития современной экономики. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*, 46: 16–20.

Kiseleva I.A., Iskandzhan S.O. (2013) The service sector as the basis for the development of a modern economy. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial Analytics: Problems and Solutions], 46: 16–20 (in Russian).

Ковин Е.А., Лысенко О.В. (2019) Теория поколений в контексте социологии управления. *Научный результат. Социология и управление*, 5(4): 151–162.

Kovin E.A., Lysenko O.V. (2019) Generation theory in the context of management sociology. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie* [Scientific result. Sociology and management], 5(4): 151–162 (in Russian).

Королева В.И. (2021) Потребительский кредит. *Science Time*, 6(90): 22–26.

Koroleva V.I. (2021) Consumer credit. *Science Time*, 6(90): 22–26 (in Russian).

Ларин А.В., Филясов С.В. (2018) Парадокс Истерлина и адаптация в России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 22(1): 59–83. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83>.

Larin A.V., Filyasov S.V. (2018) Easterlin's paradox and adaptation in Russia. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Economic Journal of the Higher School of Economics], 22(1): 59–83. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83> (in Russian).

Монусова Г.А. (2019) Тип трудового контракта и субъективное благополучие. *Социологический журнал*, 3: 46–66.

Monusova G.A. (2019) Type of employment contract and subjective well-being. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], 3: 46–66 (in Russian).

Мороз О.В. (2020) Технологии конструирования смыслов в цифровых экосистемах: субъекты, платформы и этика. В кн.: Асмолов Г. (ред.) *Сканирование горизонтов: роль информационных технологий в будущем гражданского общества*. М.: Когито-центр: 50–75.

Moroz O.V. (2020) Technologies for constructing meaning in digital ecosystems: subjects, platforms and ethics. In: Asmolov G. (ed.) *Scanning horizons: the role of information technology in the future of civil society*. Moscow: Kogito-centr: 50–75 (in Russian).

Немировская А.В., Соболева Н.Э. (2020) Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива. *Вестник Института социологии*, 11(2): 54–81.

Nemirovskaya A.V., Soboleva N.Y. (2020) Determinants of subjective well-being in Russia: a regional perspective. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 11(2): 54–81 (in Russian).

Орлов И.Б. (2010) *Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления*. М.: ГУ-ВШЭ.

Orlov I.B. (2010) *Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation*. Moscow: GU-VShJe (in Russian).

Родионова Л.А. (2014) Парадокс Истерлина в России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право*, 14(2–2): 386–393.

Rodionova L.A. (2014) Easterlin's paradox in Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [News of Saratov University. New episode. Economics Series. Control. Law], 14(2–2): 386–393 (in Russian).

Сальникова Д.В. (2017) Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. *Экономическая социология*, 18(4): 157–174.

Salnikova D.V. (2017) Sources of inconsistency in research results on the relationship between objective and subjective well-being. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 18(4): 157–174 (in Russian).

Сарайкин В.А., Никулина Ю.Н., Янбых Р.Г. (2023) Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость. *Экономическая социология*, 24(1): 71–105.

Saraykin V.A., Nikulina Ju.N., Yanbykh R.G. (2023) Subjective well-being of rural residents in Russia: factors and their significance. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 24(1): 71–105 (in Russian).

Соколов М.М., Соколова Н.А. (2020) Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России. *Экономическая социология*, 21(4): 12–29.

Sokolov M.M., Sokolova N.A. (2020) Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России [environments, not classes: patterns of horizontal stratification in modern urban Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 21(4): 12–29 (in Russian).

Стребков Д.О. (2007) Социальные аспекты кредитного поведения населения. *Социологический журнал*, 1: 83–102.

Strebkov D.O. (2007) Social aspects of the population's credit behavior. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], 1: 83–102 (in Russian).

Тартаковская И., Александрина В. (2016) Карьера рабочего как биографический выбор. *Социологическое обозрение*, 15(3): 9–48. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-9-48>.

Tartakovskaya I., Aleksandrina V. (2016) Worker's career as a biographical choice. *Sotsiologicheskoye obozrenie* [Sociological Review], 15(3): 9–48. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-9-48> (in Russian).

Тихонов А.А. (2019) Динамика финансового и потребительского поведения россиян в 2003–2018 гг. *Journal of Institutional Studies*, 11(3): 153–169.

Tikhonov A.A. (2019) Dynamics of financial and consumer behavior of Russians in 2003–2018. *Journal of Institutional Studies*, 11(3): 153–169 (in Russian).

Троцук И.В., Королева К.И. (2020) Неочевидные ограничения социологической оценки благополучия: результаты методического эксперимента. *Социальная политика и социология*, 19(1): 107–114.

Trotsuk I.V., Koroleva K.I. (2020) Unobvious limitations of sociological assessment of well-being: results of a methodological experiment. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 19(1): 107–114 (in Russian).

Хащенко В.А. (2012) *Социально-психологическая детерминация субъективного экономического благополучия*: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.

Khashchenko V.A. (2012) *Socio-psychological determination of subjective economic well-being*: Dr. Sci. thesis in Psychology. Moscow (in Russian).

Чигвинцева Е.С. (2011) Общественное благосостояние в контексте нового качества социоэкономических отношений. *Terra Economicus*, 9(3–2): 23–26.

Chigvintseva E.S. (2011) Public welfare in the context of a new quality of socio-economic relations. *Terra Economicus*, 9(3–2): 23–26 (in Russian).

Шафиров Л.А., Оганесян А.А. (2013) Рационализация потребительского кредитования в интересах местного экономического развития сквозь призму институциональной экономической теории. *Terra Economicus*, 11(4–3): 27–42. <https://doi.org/10.24412/2073-6606-2013-4-3-27-42>.

Shafirov L.A., Oganessian A.A. (2013) Rationalizing consumer lending for local economic development through the lens of institutional economics. *Terra Economicus*, 11(4–3): 27–42. <https://doi.org/10.24412/2073-6606-2013-4-3-27-42> (in Russian).

Эйзенштадт Ш.Н. (2012) Базовые характеристики модернизации. В кн.: Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. (ред.) *Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг.* М.: ИНИОН РАН: 187–210.

Eisenstadt S.N. (2012) Basic characteristics of modernization. In: Efremenko D.V., Meleshkina E.Yu. (eds.) *The concept of modernization in foreign socio-political theory, 1950–1960*. Moscow: INION RAN: 187–210 (in Russian).

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение.* М.: НЛЮ.

Yurchak A. (2014) *It was forever until it was over. The last Soviet generation*. Moscow: NLO (in Russian).

Ярашева А.В., Макара С.В., Решетников С.Б. (2017) Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения. *Финансы: теория и практика*, 21(6): 138–153.

Yarasheva A.V., Makar S.V., Reshetnikov S.B. (2017) Credit strategies of Russians as a reflection of the model of financial behavior. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 21(6): 138–153 (in Russian).

Ярошенко С.С. (2017) Лишние люди, или о режиме исключения в постсоветском обществе. *Экономическая социология*, 18(4): 60–90.

Yaroshenko S.S. (2017) Superfluous people, or the regime of exclusion in post-Soviet society. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 18(4): 60–90 (in Russian).

Chow E., Tsao M.N., Harth T. (2004) Does psychosocial intervention improve survival in cancer? A meta-analysis. *Palliative Medicine*, 18: 25–31.

Eisenstadt S.N. (1951) Youth, culture and social structure in Israel. *The British Journal of Sociology*, 2(2): 105–114.

Eisenstadt S.N. (1966) *Modernization, protest and change*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall.

Eisenstadt S.N. (2017) *From generation to generation*. New York: Routledge.

Luhmann M., Schimmack U., Eid M. (2011) Stability and variability in the relationship between subjective well-being and income. *Journal of Research in Personality*, 45(2): 186–197.

Skubii I. (2023) Early Soviet Consumption as a First “Battle” on the Cultural Front. In: Eriksroed-Burger M., Hein-Kircher H., Malitska J. (eds.) *Consumption and Advertising in Eastern Europe and Russia in the Twentieth Century*. Cham: Springer: 135–153.

Sokolova N., Sokolov M. (2020) Does popular culture bridge cultural holes? A study of a literary taste system using unimodal network projections. *Poetics*, 83: 101472.

Veblen T. (2017) *The theory of the leisure class*. New York: Routledge.

Источники

Белфорт Дж. (2022) *Волк с Уолл-Стрит*. М.: АСТ.

Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян (2019) *ФОМ* [<https://fom.ru/TSennosti/14244>] (дата обращения 16.10.2023).

Фицджеральд Ф.С. (2024) *Великий Гэтсби*. М.: АСТ.

Voinovich V. (1991) *The Fur Hat*. San Diego. New York; London: Mariner Books.

SUBJECTIVE ECONOMIC WELL-BEING WITHIN CONSUMER SERVICE STRUCTURES

Sergey Tkach (s.tkach@spbu.ru),
Anastasia I. Korovina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Tkach S., Korovina A. (2025) Subjective economic well-being within consumer service structures. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 184–203 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.8> EDN: HIGTRJ

Abstract. The article considers approaches to understanding significant factors of subjective economic well-being, among which factors of the financial sphere are highlighted — the role of income and access to goods. The theoretical model includes elements of the theories of generation and modernization of S. Eisenstadt, as well as the provisions on the role of credit as a consumer service of A. Tikhonov. Emphasis was placed on consumer services in accordance with the assumptions of E. Chigvintseva on the relationship between inclusion in the service sector and subjective economic well-being. Therefore, the authors make an assumption about the existence of an indirect relationship between financial factors and subjective economic well-being through various consumption structures in the service sector. The object of the study is residents of St. Petersburg and the Leningrad Region, the subject of the study is consumer services of residents. The aim of the study was to identify stable consumption structures and their role in subjective well-being. For the analysis, a decision tree, the Kruskal-Wallis test, the Poisson regression model, and clustering by the k-means method were used. The F-score was used to validate the results, and the Gini score was used to assess the contribution of variables. The clustering was assessed using a silhouette measure. The sample consisted of 1,100 respondents and was representative of St. Petersburg and the Leningrad Region by gender and age. Residents of both rural and urban areas participated in the survey. Clustering revealed stable consumption patterns that are significantly associated with subjective economic well-being, lending, and socio-demographic indicators, consistent with the theoretical model. It was shown that participation in the service sector drives lending. However, the majority of respondents are virtually excluded from the service sector and, at the same time, are less affected by loans. This group also has lower subjective economic well-being.

Keywords: consumer services, consumption patterns, service sector, lending, subjective economic well-being.

Acknowledgements

The work of the was carried out as part of the R&D project No. 121062300141–5 11 “Comprehensive study of factors and mechanisms of political and socio-economic sustainability in the transition to a digital society”.

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ГОСТЕПРИИМСТВО КАК СЦЕНАРИЙ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ МЫСЛИ: ОПЫТ ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУША ДЕ КАСТРУ¹

Ватолина Юлия Владимировна (vatolina@bk.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ватолина Ю.В. (2025) Гостеприимство как сценарий деколонизации мысли: опыт Эдуарду Вивейруша де Кастру. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 204–227. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.9> EDN: HISSQC

Аннотация. Традиционно гостеприимство как феномен и практика взаимодействия с «другими-чужими» являлось предметом социально-антропологических исследований. В работе показано, что концепт гостеприимства может служить достаточно эффективным инструментом анализа взаимодействия антропологов с исследуемыми коллективами. Для достижения поставленной цели автор прежде всего осуществляет реконструкцию гостеприимства как «идеального типа» в веберовском понимании. В результате делается вывод, что в своей «онтологической чистоте» гостеприимство представляет собой символическое обрамление встречи «чужих». Как символический порядок, оно преобразует субъектные позиции и идентичности участников взаимодействия: происходит смещение от инстанции «они» к инстанции «вы», за которой просматривается возможность «общения» как порождения «общего». В контексте постструктуралистской критики антропоцентризма и связанной с ним субъектно-объектной эпистемы структурные элементы гостеприимства начинают просматриваться и концептуально артикулироваться в социально-культурной антропологии. Используя гостеприимство как троп, автор выявляет два основных представленных в ней сценария. Один из них отсылает к гостеприимству как артефакту, являющемуся продуктом деконструкции, и предполагает эпистемологическую редукцию позиции исследователя. На материале работы-манифеста бразильского антрополога Э.В. де Кастру «Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии» в статье продемонстрировано, что более продуктивным для социальной антропологии сценарием является символический обмен, основанный на матрице «традиционного» гостеприимства, когда концепты исследователей выступают в качестве

---

¹ Статья является расширенной версией доклада «Гостеприимство как сценарий деколонизации мысли: опыт Э.В. де Кастру» на Всероссийской научной конференции «XVIII Ковалевские чтения. Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование» (14–16 ноября 2024 г. в Санкт-Петербургский государственный университет), материалы которого опубликованы: (Ватолина 2024).

«символической скрепы» между различными мирами, «встречаются» с концептами изучаемых сообществ, и новое видение мира, новое знание порождается в «междумирье» их «встречи». По мнению автора, концепт гостеприимства может иметь ориентирующую функцию во взаимодействии антропологов с носителями иной культуры, и, хотя это является своего рода искусством, отчасти опыт Э.В. де Кастру проясняет нюансы его претворения в исследовательскую практику.

Ключевые слова: гостеприимство, социальная антропология, перспективизм, мультинатурализм, перевод, Э.В. де Кастру.

Сегодня, когда происходит интенсификация миграционных процессов и межкультурных взаимодействий, «другие-чужие» в самых многообразных обликах проявились почти во всех размерностях социальной жизни, и нередко встречи с ними кодируются в терминах гостеприимства.

Проблема гостеприимства стала неотъемлемой частью дискуссий о миграции, предоставлении политического убежища и статусе беженцев. Например, К. Монтадон констатирует факт возникновения новых ритуалов приема в связи с ростом общественной и профессиональной мобильности принимаемых, «натурализация» которых стала осуществляться не просто как чисто юридическая операция и выдача документов «у окошка», а сопровождаться «символической мизансценой»: «Торжественный прием при звуках “Марсельезы”, республиканский эквивалент посвящения в рыцари, дружеский коктейль, — такая церемония, проводимая в префектуре, основана, как и всякий прием, на ритуализации жестов, поведения, речей, что позволяет при любых обстоятельствах предвидеть динамику взаимодействий между приглашенными и приглашающими и управлять ею» (Монтадон 2004: 119). По мнению исследовательницы, «церемония приема воздает должное закону гостеприимства и обозначает его конец: это ритуал приема в общество» (Монтадон 2004: 120). Из феномена личной преданности, чести и долга, каковым оно являлось в своих основаниях, гостеприимство, используемое для решения политико-идентификационных задач принимающего социума, трансформируется в манифестацию социально-анонимного чувства толерантности, терпимости. При этом при определенных условиях «терпимость» может легко обратиться в неприятие, отбросив любого «гостя», даже единичного, сингулярного по своей сути, на позицию коммунально-дисциплинарного «чужого-врага».¹

---

¹ Например, подобная трансформация толерантности к мигрантам и даже благодарности им за открытие «иного» мира в неприязнь и отторжение в перспективе необходимости принять их в собственном доме представлена в пьесе «Добро пожаловать» (Willkommenskultur) немецких драматургов Л. Хюбнера и С. Немитц, детально проанализированной А. Лисенко (Лисенко 2018).

Кроме того, понятие гостеприимства активно применяется в туристическом бизнесе, превращаясь в средство экономической полезности. К. Лэшли подразделяет «пространство» гостеприимства на три домена: социальное, частное (private) и коммерческое. Однако доминирующим на сегодняшний день оказывается гостеприимство, которое превращается в коммерческую услугу. Введение в сердцевину этого ритуала денежной платы приводит к тому, что щедрость и взаимность со стороны «хозяина», существующие вне экономических измерений, обращаются в задачи получения прибыли и эксплуатации. В свою очередь, современный западный потребитель — это уже не «странник» и «гость», а покупатель материальных элементов, ассоциируемых с гостеприимством: пространств, еды и крепких напитков. Иными словами, гостеприимство в современном обществе может быть куплено и продано (Lashley 2000). Сегодня ситуацию его отчуждения от символического значения еще более усугубляет внедрение в сферу предоставления гостиничных услуг искусственного интеллекта (Lee, Lu 2024).

Таким образом, гостеприимство в новоевропейском мире¹ являет себя, с одной стороны, в политико-дисциплинарной ипостаси, а с другой — в рыночно-коммерческом облики. Однако и в том, и в другом случае из символического события встречи с «другим-чужим», формирующего коллективную память и идентичность, оно трансформируется в риторическую фигуру, за которой стоят безличные ритуалы приема в отелях, санаториях, лагерях беженцев и т.п., — всех тех, используя выражение французского антрополога М. Оже, «не-местах», которые уготованы в мире «гипермодерна» для «одинокости индивидуальности, транзитного движения, временности и эфемерности» (Оже 2017: 85).

Следуя этой логике трансформаций, в обществе гипермодерна нет места для гостеприимства и даже условий для него. Но нужно заметить, что новоевропейский мир — далеко не однороден, и на его определенных территориях, в основном в символической размерности культуры (науке, искусстве, философии), продолжают существовать подлинно «гостевые» практики, хотя и в иных, «превращенных» формах. Если

---

¹ Здесь и далее под «миром» будет пониматься понятие «жизненный мир», *Lebenswelt* Э. Гуссерля и его последователей (М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, А. Шюца и др.), т.е. не объективная реальность, а сумма непосредственных очевидностей (таких как пространство-временность, каузальность, вещьность, интерсубъективность и т.д.), которые являются донаучным, первичным в логическом плане слоем любого сознания и задают формы ориентации и человеческого поведения. При этом «жизненный мир» является, с одной стороны, индивидуальным, а с другой — историческим образованием (Гуссерль 2004).

говорить о социально-культурной антропологии, то здесь гостеприимство оказывается необходимым основанием получения знания уже в силу того, что ее ключевым вопросом является вопрос о «текущем бытии *другого*» (Оже 2017: 23). В противном случае социально-антропологическое исследование рискует обернуться пустопорожним топтанием на месте в нарциссическом созерцании лишь самих себя.

Цель данной статьи — показать, что гостеприимство может быть не только предметом социально-антропологического исследования, но и концептом, который служит достаточно эффективным инструментом анализа взаимодействия антропологов с исследуемыми коллективами.

Гостеприимство как феномен интересубъективности

В отличие от феномена дара, в достаточной мере концептуально проработанного в социальной антропологии (Годелье 2007; Мосс 2011; Ссорин-Чайков 2012; Gregory 1982; Parry 1986; Strathern 1988; Laidlaw 2000 и др.), феномен гостеприимства сегодня представляет собой еще относительно слабо исследованный домен. В определенной степени эти исследования проливают свет и на гостеприимство, которое нередко включает в себя обмен подарками и само является формой дарообмена (Байбурин 1990: 112), но все-таки имеет свои особенности, связанные с тем, что «здесь в обращение вовлечены... сами люди как субъекты и объекты взаимодействия» (Ларделье 2004: 61). При этом к настоящему времени в классической этнографии, лингвистике, культурологии сложилось разнообразное поле тематизации гостеприимства. Представить достаточно полный анализ этой источниковедческой базы в данной статье не представляется возможным, однако определить смысловые контуры и структурные элементы гостеприимства, сформулированные на основе работы с ней, необходимо. Следует сразу оговорить, что понятие гостеприимства, которое подвергается анализу, понимается как «идеальный тип» в веберовском смысле этого термина. «В реальности такой идеальный *чистый* тип настолько же маловероятен, как и физическая реакция, рассчитанная при условии абсолютно пустого пространства» (Вебер 2016: 81).

Попытки определить гостеприимство порождают немалые сложности и в силу вариативности представлений о нем в различных культурах, и в силу того, что реализация всегда отказывается отличной от «закона» гостеприимства. Сложность определения усугубляет и то, что сегодня феномен гостеприимства размывается разного рода культурными, социальными, экономическими практиками, блекнет и теряет определенность под тяжестью и непрозрачностью исторических наслений и трансформаций. Однако гостеприимство — это особый тип этоса, который, хотя

и сцепляется, пересекается с иными типами социального опыта, все же от них отличен.

По всей видимости, для того чтобы осмыслить гостеприимство в его, если можно так выразиться, «онтологической чистоте», необходимо обратиться к сообществам, чья идентичность тесно связана с мифом и ритуалом. Это сообщества, проникнутые сакральным, которое пропитывает все страты и социальных, и жизненных миров. Как утверждает К. Леви-Стросс, описывая жизнь племени бороро, «европейскому наблюдателю некоторые занятия в мужском доме представляются едва ли совместимыми, но они там уживаются. Немногие народы столь глубоко религиозны, как бороро, и у немногих имеется такая разработанная метафизическая система. Однако духовные верования тесно переплетаются с повседневными привычками, не создавая впечатления, что индейцы отдают отчет себе в том, что непоследовательно переходят от одной системы к другой» (Леви-Стросс 1994: 170). Пронизанность сакральным придает совершенно внятное своеобразие такого рода социациям. Если обозначить их в общих чертах, то, во-первых, они предполагают сакрально-мифические формы консолидации, солидарности. Во-вторых, они связаны с практиками включения и исключения, различения «своих» и «чужих», признания и принятия или отторжения «чужого». Миры, которым присуща выраженная ритуальная интеграция, несут в себе отчетливое ощущение присутствия инстанции «чужого» и жестко выверенные техники контактности с «чужим»: это и «техники безопасности» при встрече с «чужим», и в то же время «техники его приема». Именно в такой двойственности и складываются практики гостеприимства, которое является солидаризирующим фактором и вместе с тем обладает невероятной трансцендирующей значимостью.

По словам У. Буркнета, «в области коммуникации и социального реагирования ритуал устанавливает и поддерживает единство закрытого общества» (Burknet 1985: 8). Он (пере-)учреждает «свой мир», проводит различия между «своими», «своими-чужими», «чужими-чужими» и т.п., придает ценностную значимость происходящему, укореняя сообщество. Это касается и ритуала гостеприимства, так как места приема гостей становятся и для гостей, и для хозяев знаменательными, «памятными», или, как пишет П.Х. Хаттон, «мнемоническими» местами, которые «представляют собой не хранилища индивидуальных образов, ожидающих своего обнаружения, но точки конвергенции, где индивидуальные воспоминания восстанавливаются благодаря их связи с системой координат» (Хаттон 2004: 201). То есть эти места являются местами трансиндивидуальной памяти, памяти сообщества, которая, основываясь на прошлом,

существует не только здесь и сейчас, но и предопределяет будущее. Ведь, как верно отмечает Б.Ф. Поршнев, «возможна общность, которая существует не в пространстве, а только во времени. Это — передающееся от одного к другому настроение» (Поршнев 1979: 130).

Однако ни одно общество не бывает абсолютно закрытым, устанавливая границы, которые всегда имеют входы и выходы. Одним из таких «шлюзов» и является гостеприимство, которое не только служит регулятором отношений между людьми, но и позволяет строить взаимоотношения с богами, природными стихиями, болезнями и промысловыми животными (Байбурин, Топорков 1990: 124). «Гостями» зваными или незваными могли становиться умершие родственники, и некоторые из обрядов, такие как колядование, предполагают их прием и чествование, тогда как другие, например «проводы души» (Лопатин 2011: 114–141), напротив, предохраняют от их появления в непредусмотренное время. А.К. Байбурин и А.Л. Топорков пишут об этом: «В народной традиции метафора хождения в гости организует всю сферу отношений между живыми и миром мертвых. Тема “гощения” активно разрабатывается в русских и литовских похоронных плачах, причем для ее аранжировки определяющее значение имеет оппозиция “свой” — “чужой”» (Байбурин, Топорков 1990: 126). Таким образом, гостеприимство оказывается фундаментальным принципом, благодаря которому конституируется экзистенциальная действительность, выстраиваются связи с «чужими» в людском мире и обитателями «иных» миров.

Значимость гостеприимства для человеческого общежития как нельзя лучше проясняет концепция социогенеза отечественного историка и социолога Б.Ф. Поршнева, со слов которого, «в самом начале человеческой истории», вернее, на ее пороге «чистому “они”, противопоставляемому “мы”», соответствовало «вполне негативное поведение: избегание, отчужденность, а то и умерщвление» в противовес «сбиванию вместе с себе подобными и имитативному поведению», соответствующему «мы» (Поршнев 1979: 125). Однако при столь жестком разделении на «мы» и «они» любая встреча неизбежно становится деструктивной, так как она изначально обременена несовместимостью, неприемлемостью, невыносимостью. Гостеприимство при разнообразии форм и способов его воплощения в определенной мере удерживает эту оппозиционность: это всегда встреча двух различающихся миров, двух экзистенций — хозяина и гостя, который изначально предстает перед хозяином в качестве «чужого», но «чужого», субъектная позиционность и идентичность которого трансформируются благодаря символическому обрамлению встречи.

Н.В. Ссорин-Чайков в работе «Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара» выдвигает тезис о том, что смысл, который вкладывается в акт обмена вещами его участниками, определяет их идентичности и отношения друг с другом. «Каждая... интерпретация обмена соответствует различным формам организации социального пространства вокруг этих операций. “Бартер”, “дарение”, “дань”, “товар” и т.д. разделяют совхозников Катонги на группы “мы” и “они” по-разному: “мы” делимся “поровну” с себе подобными, правда, дележ может делать некоторых из нас “более равными”, чем других; “мы” платим дань “им” — “они” выше “нас”; и, наконец, “мы” торгуем с равными “ними” и делаем подарки равным “им”. ...для начала и в самом общем виде главное — пояснить, что каждый тип обмена ставит участников в разные положения относительно друг друга. И если дележ или дар внезапно проявляет черты бартера или дани, граница между “нами” и “ними” меняет очертания. Иначе говоря, структура идентичностей приходит в движение в мутной воде этих многозначных интерпретаций» (Ссорин-Чайков 2012: 60–61). В данном случае важно заметить, что со сменой идентичности неизбежно трансформируется и перспектива видения, осмысливания мира, «других» и самого себя.

В не меньшей мере способностью трансформировать социальный ландшафт обладает гостеприимство. В идеале приему гостя не предшествует какое-либо морально-этическое, оценочное определение, т.е. любые предшествующие представления гостеприимцев о посетителе, если таковые и имели место, перекрываются его актуальным статусом «гостя». При этом в случае с гостеприимством дело идет не просто об идентичности «хозяина» или об идентичности «гостя», взятых порознь, скорее есть все основания говорить о комплексном идентификационном сценарии «хозяин — гость», или об идентификационных сценариях гостеприимства, которые воплощаются в не менее сложных ритуальных комплексах и семиотических практиках. Считается, что проявление «другого-чужого» в адрес хозяев предстает как обусловленное в той или иной мере их настроением и действиями; тактики поведения гостя и хозяина соотносены и предопределяют друг друга. Оказавшись в поле гостеприимства как места встречи, «чужой» изменяется, но также изменяется и видение «хозяина». Происходит смещение от инстанции «они» к инстанции «вы», за которой просматривается возможность «общения» как порождения «общего» для различающихся человеческих существ, принадлежащих в то же время к различным «мы». Как пишет Б.Ф. Поршнев, «вы» — это «сфера не отчуждения, а общения. “Вы” — это не “мы”, ибо это нечто внешнее,

но в то же время и не «они», поскольку здесь царит не противопоставление, а известное взаимное притяжение. «Вы» это как бы признание, что «они» — не абсолютно «они», но могут составлять с «нами» новую общность. Следовательно, какое-то другое, более обширное и сложное «мы» (Поршнев 1979: 125–126). Иными словами, в гостеприимстве «чужой» обретает статус «своего чужого», становится «вы» (и соответственно «ты»), т.е. гостеприимство оказывается той практикой, где происходит своего рода индивидуация «они», или, точнее говоря, сингуляризация.

Таким образом, гостеприимство представляет собой своего рода символическое обрамление встречи «чужих» по отношению друг к другу. Как символический порядок, оно преобразует отношения «мы — они» в конкретные социальные практики встречи «я» и «чужого», где «чужой» становится «своим/чужим». Поэтому можно утверждать, что фундаментальные условия гостеприимства отсылают к сингулярностям, существующим в различных мирах, связанных символическими узами. При этом символический контекст гостеприимства создает особый настрой участников «встречи»: способствует их готовности трансцендировать индивидуальные и культурные границы ради явленности «иного».

Сценарий гостеприимства в постколониальной антропологии

Если принять тот факт, что в феномене гостеприимства происходит сингуляризация «они», то и антропология обращена не к абстрактному «другому» как некой «тотальности», а к индивидуальному опыту, который становится ключом к пониманию социальных структур и культурных систем. При этом «бытие другого рассматривается в настоящем» (Оже 2017: 23), ведь, даже если речь идет о прошлом, необходимо удержаться от весьма соблазнительной проекции конфигуративности современности в иные эпохи. Таким образом, ситуация получения антропологического знания — это всегда ситуация «встречи» «других-чужих» со стоящими за ними различающимися мирами, и антрополог оказывается в ней скорее на правах «гостя», чем «хозяина». При этом вхождение в иной мир, иной смысловой универсум затребует от него определенного изменения состояния: отказа от привычной субъектно-объектной логики, дефиниций и таксономий собственной культуры.

Требование отказа от «при-своения» «чужого», «иного» неоднократно звучало в антропологических исследованиях, особенно актуализировавшись в «постмодернистской» антропологии. П. Рубел и М. Чегринцев описывают этот эпистемологический поворот следующим образом: «Ряд новых тем и позиций, в целом образующих новый подход, который принято обозначать общим термином “постмодернизм”, проявился в антро-

пологии в 1970-е и приобрел ведущее значение в 1980-е и 1990-е годы. Основная идея этого движения — обновление: радикальная критика традиционной научной парадигмы антропологии как одной из форм сциентистского сознания эпохи модерна. Черпая основной идейный инструментарий из философского постструктурализма и расчищая постепенно с его помощью ландшафт и конструкцию антропологического знания, постмодернистское движение приобрело характер тотальной критики, затрагивающей все принципиальные установки традиционной “модернистской” антропологии: научность и объективность, эмпиризм и наблюдаемость факта (метод включенного наблюдения), репрезентативность и авторство этнографического текста и т.п.» (Рубел, Чегринцев 1998: 88–89). Долгое время существовало убеждение, что антрополог способен отразить в тексте не собственную личность, предпочтения и цели, а реальную культурную жизнь изучаемых народов. В постмодернистской антропологии это представляется проблематичным.

Результатом демонтажа прежней конструкции антропологического знания становится саморефлексия исследователя: «Подразумевается важность того, чтобы читатель этнографического текста был проинформирован о качестве и особенностях полевого опыта антрополога, т.е. не только о том, что антрополог “наблюдал” в ходе полевой работы, но также и о том, чем для него явился опыт полевой работы, каким образом он воздействовал на самого антрополога. Последнее имеет смысл с точки зрения интересов объективности этнографического описания и может рассматриваться как возможность сделать “поправку” на особенности личного опыта антрополога при интерпретации готового этнографического текста» (Рубел, Чегринцев 1998: 90). Так, самоописания представлены в работах П. Рабинау (Rabinow 1977) и Б. Тедлок (Tedlock 1992). Однако, как, думается, справедливо, пишет М. Оже, «неясно на самом деле, в состоянии ли деконструктивистская критика, примененная к корпусу этнографических текстов, раскрыть нам глаза на что-то небанальное и неочевидное... Напротив, вполне возможно, что этнология сходит с нужного курса, подменяя полевые исследования исследованиями личностей полевых исследователей» (Оже 2017: 43).

Но обращенность антрополога на самого себя как на объект исследования является лишь одной стороной постмодернистского проекта, направленного на преобразование методов антропологии. Его второй план связан с устранением Я-позиции наблюдателя, исключением голоса автора из текста и замещением этого голоса голосом «другого». Так называемый эвристический примитивизм (или минимализм) превращает антропологический текст в своего рода плацдарм «чужих» голосов в отсутствии

голоса автора (Рубел, Чегринцев 1998: 98). «Задачи антропологии разворачиваются в емическом плане культурной действительности: важна не полнота этнографического описания, объясняющая модель или глубина семантической перспективы интерпретации, важно, чтобы антропология точно и правильно представляла изучаемую культуру, служила средством выражения ее. Здесь “правильно” означает не “верно”, а “непосредственно”; “точно” — не “полно и в деталях”, а как бы в “живом” виде» (Рубел, Чегринцев 1998: 99). Своего рода самопрезентация «другого» имеет место в работах М. Шостак (Shostak 1981) или Р. Прайса (Price 2002), например. Между тем представляется, что здесь возникает ситуация, которую Ж. Деррида описывает как «абсолютное гостеприимство», когда «гость» становится «хозяином хозяина» (Derrida 2000: 123). Кроме того, необходимо отметить, что, по сути, оба указанных эпистемологических сценария постмодернистской антропологии, хотя и трансформируют и усложняют субъект-объектную матрицу, заявляя о ее неприемлемости, по-прежнему остаются в ее рамках.

В действительности гостеприимство к «другому-чужому» является возможным лишь при удерживании границ «своего». Более того, это происходит только в том случае, если базовые интенциональности «чужого» опыта вступают в резонанс со «своим» опытом, и в этом резонансе обнаруживаются и контекстуально адаптируются такие концепты, которые создают своего рода символический «мост» между мирами. В противном случае, со слов Ж. Делеза, «все определения становятся жестокими и неверными: созидующее и изобретающее их мышление может теперь постичь их — ободранных, отделенных от живой формы, плавающих в мрачной глубине. На этом пассивном фоне все превращается в насилие» (Делез 1998: 190). Если, перефразируя К. Гирца, использовать метафору, что антрополог — это тот, кто пытается «прочитать» текст «чужой» культуры «из-за плеча туземца» (цит. по: Энгельке 2024: 35), то, нужно добавить, что не только «прочитать» его, но и «перевести» на язык своей культуры, в свою очередь, становясь «хозяином», гостеприимно принимающим «гостей» в своем «доме».

По словам А. Юрчака, ключевыми аспектами для самоидентификации современной социальной антропологии являются «интенсивное эмпирическое исследование “поля” (этнографическое или иное) и открытость исследователя к “обратному” взаимоотношению между эмпирическими фактами и их анализом, то есть открытость к тому, что эмпирический материал может трансформировать аналитические категории, которыми исследователь пользуется для анализа этого материала» (Юрчак 2018: 14–15). Понятно, что для осуществления полевой работы, нередко —

включенного наблюдения, необходимо быть принятым изучаемой человеческой общностью. Если говорить о «дальнем другом», бытие которого укоренено в мирах с иной логикой и этосом, то не последнюю роль в этом приеме играют обычаи гостеприимства. Сегодня антропология все чаще переключается на изучение «ближнего другого», и речь уже не идет о том, что исследователя готовы «регулярно принимать... у себя дома, чтобы вместе преломить хлеб», но это не отменяет для него необходимости осмысления того, «как думают, действуют и живут люди» (Энгельке 2024: 16). Именно поэтому, хотя гостеприимство практически утрачивает явленность в социальных и жизненных мирах, его сценарий с необходимостью присутствует в размерности антропологической мысли ради того, чтобы «сделать возможным нечто иное и новое» (Юрчак 2018: 15).

Опыт встречи с «чужим» Э.В. де Кастру

Один из антропологических проектов, основанный именно на таком «гостеприимстве» к «чужому», представлен в работе-манифесте бразильского антрополога Э.В. де Кастру «Канибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии» (КМ). Со слов де Кастру, его целью является воздать должное изучаемым антропологией коллективам и «проиллюстрировать тезис о том, что все *нетривиальные* антропологические теории представляют собой версии туземных практик знания; эти теории, следовательно, являются строгим структурным продолжением интеллектуальных прагматик коллективов, которые исторически находились в “положении объекта”, изучаемого антропологией как дисциплиной» (курсив мой. — Ю.В.) (Кастру де 2017: 11). В принципе мыслительная инициатива де Кастру не нова и вполне вписывается в траекторию движения мысли, заданную постмодернистской антропологией. Однако, в отличие от своих предшественников, бразильский антрополог предлагает «в качестве альтернативы квазиреалистическому позитивистскому описанию Других и самореферентивной антропологии кризиса репрезентации... “антропологическую космополитику”, где концепты антропологов (прежде всего позднего К. Леви-Стросса. — Ю.В.) и философов (Ж. Делеза и Ф. Гваттари. — Ю. В.) встречаются с концептами исследуемых ими коллективов» (Руденко 2019: 170). Именно применение социально-антропологических и философских понятий, их адаптация позволяет де Кастру не просто осуществлять дескрипцию отдельных социокультурных явлений, наблюдаемых им в опыте полевой работы, или представить дневник самоанализа, например, а концептуально артикулировать и эпистемологию, и онтологию индейского племени аравате.

Эпистемология аравате определяется исследователем как «индейский перспективизм», который предполагает, что мир состоит из множества различающихся точек зрения. Боги, животные, мертвецы, растения, метеорологические явления и даже предметы и артефакты — все они являются центрами интенциональности, личностями и обладают собственным видением себя и других. Однако то, как именно люди видят животных, духов и других космических актантов, диаметрально противоположно тому, как эти актанты видят людей и самих себя: «... люди в нормальных условиях видят людей в качестве людей, а животных — в качестве животных... Хищные животные и духи, в свою очередь, видят в людях добычу, тогда как добыча видит в людях духов или хищников... Видя нас как не-людей, самих себя (и себе подобных) животные и духи видят, наоборот, как людей: они воспринимают себя в качестве антропоморфных существ (или становятся ими), когда находятся в своих домах или деревнях, причем свое поведение и характеристики они воспринимают как нечто культурное: свою пищу они воспринимают в качестве человеческой (ягуары видят в крови кукурузное пиво, в червях, копошащихся в гнилом мясе, жареную рыбу и т.д.); в своих телесных атрибутах (мех, перья, когти, клювы и т.д.) они видят украшения или же культурные инструменты; их социальная система организована по образцу человеческих институтов (у них есть вожди, шаманы, экзогамные половинки, ритуалы...)» (Кастру де 2017: 24).

Идеал познания в мире, основанном на перспективизме, воплощен в шаманизме, определяемом де Кастру как «проявляемая некоторыми индивидами способность переходить телесные границы, разделяющие виды, и занимать точку зрения иновидовых субъективностей, дабы уладить отношения между ними и людьми»: «Видя нечеловеческие существа так, как они видят самих себя (то есть как людей), шаманы получают возможность взять на себя роль активных собеседников в трансвидовом диалоге; но самое главное — они способны вернуться и рассказать историю, что едва ли могут сделать профаны» (Кастру де 2017: 27). Таким образом, шаманская практика предполагает не просто пассивное наблюдение, а способность выступать активным участником взаимодействия с духами природы, животными и другими сверхъестественными сущностями. При этом ключевым моментом является способность шамана не только взаимодействовать, но и, возвращаясь в «людской» мир, передавать полученный опыт, что недоступно обычным людям. Эта способность к «переводческой» деятельности, т.е. к переводу опыта «иного» на понятный людям язык, является уникальной чертой шамана и мага.

Думается, что рассуждения о шаманизме де Кастру проясняют, или, если можно так выразиться, удачно подсвечивают рассуждения

В.Ю. Сухачева из социологического очерка, посвященного, правда, не «людям-ягуарам», а «людям-волкам»: он утверждает, что «магия символична и всегда требует достаточно интенсивных экзистенциальных инвестиций в действительность, она выстраивается на сплетении опыта переживания и себя, и других, и мира, с актами извлечения или конституирования смысла, причем смысла, который не просто конвенционален, а по существу своему онтологичен» (Сухачев 2006). Дело в том, что «мир для первобытного человека представляется не пустым или неодушевленным, но изобилующим жизнью. Эта жизнь проявляется в личностях — в человеке, звере и растении, в каждом явлении, с которым человек сталкивается, — в ударе грома, во внезапной тени, в жуткой и незнакомой лесной поляне, в камне, неожиданно ударившем его, когда он споткнулся на охоте. В любой момент он может столкнуться с любым явлением не как с «Оно», а как с «Ты». В этом столкновении «Ты» проявляет свою личность, свои качества, свою волю (Франкфорт 1984: 26–27). Но так как магическое действие всегда осуществляется в логике связанности, встреча с «другим-чужим» неизбежно затребует волю, способности, силы практикующего.

Конечно, такого рода познание — полная противоположность эпистемологии, поддерживаемой западным модерном, в рамках которой познавать значит объективировать; форма «иного» — обезличенное «оно», вещь, а не «ты». В том числе объектом эпистемологического конструирования является и сам субъект познания. «Субъекты, так же как и объекты, рассматриваются в качестве результатов процесса объективации: субъект конституируется или признает себя в объектах, производимых им, и себя он объективно познает тогда, когда ему удастся увидеть себя “извне”, как “это”» (Кастру де 2017: 28). Для шаманизма, напротив, «познавать значит “персонифицировать”, занимать точку зрения того, что должно быть познано. Или, скорее, того, кто должен быть познан... Форма Иного — это личность» (Кастру де 2017: 28).

Как можно подумать, индейский перспективизм является проявлением мультикультурализма, но на самом деле метафизика аравате затребует понятие «мультикультурализм». Суть заключается в том, что мир этого племени не одномерен и помимо измерения физических тел в нем имманентно присутствует виртуальная размерность «хаосмоса», «докосмологических потоков неразличимости». Души, исходящие из нее и обрегающие «соматические “одеяния”», у всех одинаковы, а значит у всех одинаковое мышление, тогда как различие точек зрения укоренено в телах. Именно поэтому все человеческие и не-человеческие агентности наделенные личностью, используют одни и те же базовые категории восприя-

тия: «...их миры крутятся вокруг охоты и рыбалки, кухни и перебродивших напитков, кросскузин и войны, ритуалов инициации, шаманов, вождей, духов» (Кастру де 2017: 38). Разница состоит в том, как эти категории наполняются конкретным содержанием: то, что для человека является кровью, ягуар принимает за опьяняющий хмельной напиток или пиво; то, что людям представляется перебродившим маниоком, имеющим ритуальное значение, души мертвых воспринимают как сгнивший труп; то, что в людском мире значится как грязная лужа, тапирами осознается как церемониальный дом или священное место и пр. (Кастру де 2017: 38).

При этом мультинатурализм не подразумевает существования единого объекта, воспринимаемого по-разному различными видами. Индейцы не считают, что существует «Вещь-В себе», «нечто = x», которое люди распознают как пиво, а ягуары — как кровь. На самом деле есть только «граница, на которой две эти “сроднившиеся”... субстанции сообщаются и в то же время расходятся друг с другом», виртуальная множественность «кровь/пиво», способная воплощаться в различных формах, подобная множественности «люди/ягуары». В данном случае сходство лишь подчеркивает различие между кровью и пивом, человеком и ягуаром, но, хотя «никто не пьет напитка-в-себе», «у всякого пива есть послевкусие крови, и наоборот», так же как ягуар изначально обладает человечностью, а человек может нести в себе аффекты ягуара.

Концепт мультикультурализма, предложенный Э.В. де Кастру, открывает новые горизонты для понимания такой социальной практики, как ритуальный каннибализм. В космологии племени аравате он занимает особое место: по поверьям, небесные божества (Маи) поглощают души умерших, и это служит прелюдией к их превращению в бессмертные существа, подобные тем, кто их пожирает. Подобная модификация каннибализма восходит к реальному военно-социологическому каннибализму племени тупинамба, населявшему бразильское побережье в XVI в., потомками которого являются аравате. У современных аравате поедается только «слова», а каннибалами становятся их боги. Пытаясь прояснить смысловую мотивацию ритуального каннибализма, де Кастру приходит к выводу, что поедание плоти врага представляет собой акт трансмутации, где Я становится «другим» в процессе инкорпорации точки зрения «другого-чужого». Автор *КМ* пишет по этому поводу: «...поедаемая “вещь” не могла быть просто “вещью”, поскольку она была — и это важно — телом. В то же время это тело было знаком, чисто позиционной ценностью; поедалось именно отношение врага к его пожирателям, иначе говоря, его удел врага. В жертве усваивались именно знаки ее инаковости, а целью была инаковость как точка зрения на Себя» (Кастру де 2017: 100). Мани-

фестация этой сложной диалектики «своего» и «чужого» представлена в военных песнях араветов, где воин говорит о себе глазами убитого врага, представляя себя через призму жертвы. Сложная игра слов и образов в тексте, субъектом и темой которой является жертва, представляющая воина как врага-каннибала и пропеваемая им самим, позволяет в отсутствие интроспекции в западном понимании осознать собственную позиционность и обрести Я-образ.

Если относиться к каннибализму как к практике мысли, то очевидно, что «другой» в ней представлен как «враг», что радикально отличается от западного представления о «другом», основанного на модели «друга»; причем «друг», по сути, является производным от Я, проекцией субъекта, а не самостоятельным сущим. Глубину этому различию придают размышления Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которые определяют «друга» на роль концептуального персонажа западной метафизики, но также замечают, что «друг» — не просто «внешний персонаж, пример или же эмпирическое обстоятельство, а нечто внутренне присутствующее в мысли, условие самой ее возможности, живая категория, элемент трансцендентального опыта» (Делез, Гваттари 2009: 7). По мысли Э.В. де Кастру, подобный сценарий мысли ограничивает понимание «другого» рамками западного антропоцентризма, нивелируя его «инаковость». Собственно, даже и «враг» здесь мыслится не как «иной-чужой», а как противопоставленный субъекту, «противостоящий» (*Gegen-stand*). Отношение с врагами племен, восходящих к тупинамба, выстраиваются на иных основаниях: для них «враждебность» — не нарушение установленного мирового порядка, а неизбывная данность и динамический процесс. Каннибальские метафизики вообще не предполагают жесткого противопоставления «внешнего» и «внутреннего», «своего» и «чужого», субъекта и объекта, — «враг» для них является активным участником онтологической и эпистемологической игры, в которой определяются и переопределяются границы общностей и сингулярностей. Практически у тупинамба это выражалось в том, что изначально врага принимали как гостя, «давали ему на весь период его плена женщину из группы» (Кастру де 2017: 129) — он становился «своим», или, лучше сказать, продолжая ряд «кровь/пиво», «люди/ягуары» — «своим/чужим», и лишь потом его «предавали торжественной казни на центральной площади деревни» (Кастру де 2017: 98). Именно это синхронное сосуществование, казалось бы, крайних полюсов взаимоотношений «чужих» и позволяет инвертировать, переворачивать позиционности и роли жертвы и каннибала.

Основываясь на «уроках туземной метафизики», де Кастру предлагает в рамках своего проекта «постоянной деколонизации мысли» «две мето-

логических процедуры: процедуру смены перспектив и особую процедуру перевода туземных категорий на язык западной метафизики, которую он называет “подконтрольной эквивокацией”» (Блинов 2017: 179). Его задачей становится мыслить, пусть не как туземцы, но «*вместе с ними*» (Кастру де 2017: 146), и переводить, однако особое значение имеет то, как именно это делать. Сегодня ни одно серьезное обсуждении проблемы перевода не обходится без обращения к концепции перевода В. Беньямина, изложенной им в работе «Задача переводчика» (Беньямин 2002). Не обходит ее вниманием в несколько модифицированном виде и Э.В. де Кастру, который пишет: «Если, как утверждает одна итальянская поговорка, переводить значит предавать, то перевод, достойный этого звания, — и здесь я лишь парафразирую Вальтера Беньямина (или, скорее, Рудольфа Панвица) — это перевод, который предает целевой язык, а не исходный. Хороший перевод — тот, которому удастся сделать так, что чужие концепты начинают деформировать и разрушать концептуальный аппарат переводчика, дабы *intentio* исходного аппарата могло получить в нем выражение и соответственно трансформировать целевой язык» (Кастру де 2017: 52). Так, рассуждая о концепте тела у аравате де Кастру не ограничивается тем, чтобы найти общий референт для различных означающих, а, напротив, старается, используя его собственное выражение, «не упустить из виду различие, скрытое внутри обманчивых *омонимов*, которые связывают-разделяют наш язык с языками других видов» (Кастру де 2017: 107) и, нужно добавить, человеческих общностей. В отличие от господствующего в новоевропейском мире представления о теле как «отличительной физиологии или же характерной анатомии», аравате понимают под «телом» «центральный план», помещенный «между формальной субъективностью душ и субстанциональной материальностью организмов»: «Тело как пучок аффектов и способностей, которое как раз и лежит у истоков точек зрения» (Кастру де 2017: 39). Таким образом, по де Кастру, «хорошим» оказывается такой перевод, который предполагает не просто передачу концептов «чужой» культуры через поиск прямых подобий и соответствий в собственной, а, напротив, нюансированный поиск межкультурных несоответствий, различий. Однако их манифестация на целевом («своем») языке предполагает его очуждение, расщепление, семантическое расширение, оправданное лишь «таким Гостеприимством в отношении к Различию, в котором Чужой принимался в его Инаковости» (Фокин 2010: 124).

Заключение

Традиционно гостеприимство как феномен и практика взаимодействия с «другими-чужими» являлось предметом социально-антропологиче-

ческих исследований. В данной статье показано, что концепт гостеприимства также может служить достаточно эффективным инструментом анализа взаимодействия антропологов с исследуемыми коллективами.

Прежде всего для достижения цели исследования потребовалось осуществить концептуальную артикуляцию гостеприимства как феномена intersубъективности. В результате анализа выявлено, что гостеприимство представляет собой ритуал, который символически обрамляет встречу двух сингулярностей, принадлежащих к различным «мы». Оказавшись в поле гостеприимства как места встречи, «чужой» изменяется, но так же изменяется и видение «хозяина». Происходит смещение от инстанции «они» к инстанции «Вы», за которой просматривается возможность «общения» как порождения «общего». Гостеприимство становится своего рода символической скрепой между различающимися мирами. В целом базовыми условиями гостеприимства являются индивидуация «мы», наличие сингулярных Я; существование различия между мирами, которые предстают их «домами», онтологическими «обителями»; доступ к символическим стратегиям и полям артикуляции; особый настрой встречи с «другим-чужим».

В связи с описанным М. Вебером процессом «расколдовывания» (Entzauberung) (Вебер 1990: 143), в результате которого мир утрачивает сакрально-символическую размерность, гостеприимство блекнет и меркнет, вырождаясь до этикетного эпизода, оно теряет определенность, размываясь разного рода культурными, социальными, экономическими практиками. В контексте постструктуралистской критики антропоцентризма и связанной с ним субъектно-объектной эпистемы гостеприимство вновь обретает явленность в различных доменах культуры, например в философии (Derrida 2000) и в теории и практике перевода (Фокин 2010). Структурные элементы гостеприимства начинают просматриваться и концептуально артикулироваться также в социальной антропологии, решительно отринувшей свое «колониальное прошлое»: сегодня взаимодействие антропологов с представителями изучаемых сообществ осмысливается как «встреча» именно с «Вы», а не с «они» (Оже 2017: 23), или, иными словами, в ее основе лежит признание «другого-чужого» в его «инаковости». Однако происходить эта «встреча» может по-разному, как по-разному может осуществляться и ее артикуляция. В постмодернистской антропологии манифестация «другого-чужого» осуществляется благодаря «эвристической редукции», в результате которой антропологический текст превращается в своего рода плацдарм «чужих» голосов (Рубел, Чегринцев 1998: 98) Если использовать гостеприимство как троп, то подобный эпистемологический сценарий обнаруживает явное соответствие с концеп-

цией «абсолютного гостеприимства» Ж. Деррида, когда «гость» становится «хозяином хозяина» (Derrida 2000: 123), т.е. ему придается статус субъекта, тогда как «хозяин», напротив «обращается в “объект”, “предмет”, Gegen-stand (противо-стоящее)» (Ватолина 2013: 7). В результате постмодернистская антропология остается в рамках субъект-объектной матрицы, теоретическую нелегитимность которой она декларирует.

Более продуктивным для социальной антропологии инструментом анализа является символический обмен, основанный на матрице «традиционного» гостеприимства, когда концепты исследователей выступают в качестве «символической скрепы» между различными мирами, «встречаются» с концептами исследуемых коллективов, и новое видение мира, новое знание порождается в «междумирье» их «встречи». Именно этот сценарий гостеприимства реализуется в опыте встречи с «чужим» Э.В. де Кастру, представленном им работе-манифесте «Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии». Нужно заметить, что концепт гостеприимства может иметь ориентирующую функцию во взаимодействии антропологов с носителями иной культуры, и отчасти опыт де Кастру проясняет нюансы его претворения в практику. Так, отдельного внимания заслуживают его концепция и практика перевода, которая предполагает не просто передачу концептов «чужой» культуры через поиск прямых подобий и соответствий в собственной, а напротив, поиск межкультурных несоответствий, различий и деформацию целевого языка ради явленности в поле «своей» культуры «другого-чужого» в его «инаковости». Именно так становится возможным, во-первых, «приумножение нашего мира» за счет «населения» «другими-чужими» (Кастру де 2017: 146), его обогащение различающимися и не сводимыми друг к другу перспективами; во-вторых, обретение новых потенциальных возможностей для собственной мысли, что, конечно, может интерпретироваться как «дар».

Литература / References

Байбурин А.К., Топорков А.Л. (1990) *У истоков этикета: Этнографические очерки*. Л.: Наука.

Bayburin A.K., Toporkov A.L. (1990) *At the Origins of Etiquette: Ethnographic Essays*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Беньямин В. (2002) Задача переводчика. В кн.: Деррида Ж., Останин Б.В. (ред.) *Вокруг Вавилонских башен*. СПб.: Академический проект: 95–118.

Benjamin V. (2002) The Task of the Translator. In: Derrida J., Ostanin B.V. (eds.) *Around the Towers of Babel*. St. Petersburg: Akademicheskij projekt: 95–118 (in Russian).

Блинов Е. (2017) *Devoro ergo sum: Вивейруш де Кастру об уроках каннибальской метафизики*. В кн.: Кастру Э.В. де *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ад Маргинем Пресс: 170–188.

Blinov E. (2017) *Devoro ergo sum: Viveiros de Castro on the lessons of cannibal metaphysics*. In: Castro E.V. de *Cannibal Metaphysics: Frontiers of Poststructural Anthropology*. Moscow: Ad Marginem Press: 170–188 (in Russian).

Ватолина Ю.В. (2013) Гостеприимство в предельной интерпретации: Жак Деррида. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, 1: 3–7.

Vatolina Yu.V. (2013) *The hospitality within the ultimate interpretation: Jacques Derrida*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodny'e otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6: Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relations], 1: 3–7 (in Russian).

Ватолина Ю.В. (2024) Гостеприимство как сценарий деколонизации мысли: опыт Э. В. де Кастру. В кн.: Скворцов Н.Г., Асочаков Ю.В. (ред.) *Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование. Материалы все-российской научной конференции XVIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2024 года*. СПб.: Скифия принт: 702–705.

Vatolina Yu.V. (2024) *Hospitality as a scenario for the decolonization of thought: the experience of E.V. de Castro*. In: Skvortsov N.G., Asochakov Yu.V. (eds.) *Sociology in a changing world: theory, practice, education. Proceedings of the All-Russian scientific conference XVIII Kovalev readings November 14–16, 2024*. St. Petersburg: Skifiya print: 702–705 (in Russian).

Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс: 61–272.

Weber M. (1990) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress: 61–272 (in Russian).

Вебер М. (2016) *Социология*. В кн.: Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Т. 1. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Weber M. (2016) *Sociology*. In: Weber M. *Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki (in Russian).

Годелье М. (2007) *Загадка дара*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Godelier M. (2007) *The Enigma of the Gift*. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN (in Russian).

Гуссерль Э. (2004) *Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию*. Слинин Я.А. (ред.). СПб.: Владимир Даль.

Husserl E. (2004) *The crisis of European sciences and transcendental phenomenology: an introduction to phenomenological philosophy*. Slinin Ya.A. (ed.). St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).

Делез Ж. (1998) *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис.

Deleuze J. (1998) *Difference and Repetition*. St. Petersburg: Petropolis (in Russian).

Делез Ж., Гваттари Ф. (2009) *Что такое философия?* М.: Академический проект.

Deleuze J., Guattari F. (2009) *What is Philosophy?* Moscow: Akademicheskij proekt (in Russian).

Кастру Э.В. де (2017) Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. В кн.: Кастру Э.В. де *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ад Маргинем Пресс: 6–168.

Castro E.V. de (2017) *Cannibal Metaphysics. Frontiers of Poststructural Anthropology*. In: Castro E.V. de *Cannibal Metaphysics. Frontiers of Poststructural Anthropology*. Moscow: Ad Marginem Press: 6–168 (in Russian).

Ларделье П. (2004) Принимать друзей, отдавать визиты... (Ритуалы гостеприимства в перспективе Мосса). В кн.: Зенкин С.Н., Монтадон А. (ред.) *Традиционные и современные модели гостеприимства: Материалы российской-французской конференции 7–8 октября 2002 г.* М.: РГГУ: 55–69.

Lardelier P. (2004) Receiving friends, returning visits... (Rituals of hospitality in Moss's perspective). In: Zenkin S.N., Montadon A. (eds.) *Traditional and modern models of hospitality: Proceedings of the Russian-French conference of October 7–8, 2002*. Moscow: RGGU: 55–69 (in Russian).

Леви-Стросс К. (1994) *Печальные тропики*. М.: Культура.

Levi-Strauss K. (1994) *Sad Tropics*. Moscow: Kultura (in Russian).

Лисенко А.Р. (2018) «Культура гостеприимства»: тема отношения к беженцам в пьесе Л. Хюбнера «Добро пожаловать». *Филология и культура*, 53(3): 182–186.

Lisenko A.R. (2018) “Refugees Welcome”: The theme of attitude to refugees in Germany in L. Hübner's play “Willkommen”. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 53(3): 182–186 (in Russian).

Лопатин И.А. (2011) Проводы души. В кн.: Сем Т.Ю. (ред.) *Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия: в 2 т.* Т. 2. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-история: 114–141.

Lopatin I.A. (2011) Farewell to the Soul. In: Sem T.Yu. (ed.) *Shamanism of the Peoples of Siberia. Ethnographic Materials of the 18th–20th Centuries: Reader in 2 vol.* Vol. 2. St. Petersburg: Filologicheskij fakultet SpbGU; Nestor-istoriya: 114–141 (in Russian).

Монтадон К. (2004) 1990-е годы: возникновение новых ритуалов приема в связи с ростом общественной и профессиональной мобильности принимаемых. В кн.: Зенкин С.Н., Монтадон А. (ред.) *Традиционные и современные*

модели гостеприимства: материалы российско-французской конференции 7–8 октября 2002 г. М.: РГГУ: 119–141.

Montadon K. (2004) The 90s: the emergence of new rituals of reception in connection with the growth of social and professional mobility of those receiving. In: Zenkin S.N., Montadon A. (eds.) *Traditional and modern models of hospitality: Proceedings of the Russian-French conference of October 7–8, 2002*. Moscow: RGGU: 119–141 (in Russian).

Мосс М. (2011) Опыт о даре. В кн.: Мосс М., Гофман А.Б. (ред.) *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: КДУ.

Mauss M. (2011) Essay on the Gift. In: Mauss M., Hoffman A.B. (eds.) *Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology*. Moscow: KDU (in Russian).

Оже М. (2017) *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение.

Auger M. (2017) *Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Поршнев Б.Ф. (1979) *Социальная психология и история*. М.: Наука.

Porshnev B.F. (1979) *Social Psychology and History*. Moscow: Nauka (in Russian).

Рубел П., Чегринцев М. (1998) Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от «описания» к «письму». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1(2): 85–101.

Rubel P., Chegrinets M. (1998) Research strategies in contemporary American cultural anthropology: from “description” to “writing”. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 1(2): 85–101 (in Russian).

Руденко Н. (2019) Рец. на кн.: Эдуарду Вивейруш де Кастру. Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. — 199 с. *Антропологический форум*, 41: 172–180.

Rudenko N. (2019) A Review of Eduardo Viveiros de Castro, Kannibalskie metafiziki: rubezhi poststrukturnoy antropologii. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. — 199 p. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 41: 172–180 (in Russian).

Ссорин-Чайков Н.В. (2012) Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара. *Экономическая социология*, 13(2): 59–81.

Ssorin-Chaikov N.V. (2012) Bear Skins and Macaroni: On Social Life of Things in a Siberian State Collective, and On the Performativity of Gift and Commodity Distinctions. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology], 13(2): 59–81 (in Russian).

Сухачев В.Ю. (2006) «Волки»: по ту сторону человека, между Богом и бес-тейей. *ANTROPOLOGY: web-кафедра философской антропологии* [<http://anthropology.ru/ru/texts/sukhach/wolfs.html>] (дата обращения: 17.04.2025).

Sukhachev V.Yu. (2006) "Wolves": Beyond Man, between God and the Beast. *ANTROPOLOGY: web-kafedra filosofskoj antropologii* [ANTROPOLOGY: Web-Department of Philosophical Anthropology] [<http://anthropology.ru/ru/texts/sukhach/wolfs.html>] (accessed: 17.04.2025) (in Russian).

Фокин С.Л. (2010) Перевод как задача русской философии: к критике концепции мимесиса В.А. Подороги. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*, 2: 109–125.

Fokin S.L. (2010) Translation as a Failure of Russian Philosophy: Towards a Critique of V. A. Podorogi's Concept of Mimesis. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Philosophy. Philology], 2: 109–125 (in Russian).

Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. (1984) *В преддверии философии. Духовные искания древнего человека*. Иванов Вяч. Вс. (ред.). М.: Главная редакция восточной литературы «Наука».

Frankfort G., Frankfort G.A., Wilson J., Jacobsen T. (1984) *On the Threshold of Philosophy. Spiritual Quests of Ancient Man*. Ivanov Vyach. Vs. (ed.). Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury «Nauka» (in Russian).

Хаттон П.Х. (2004) *История как искусство памяти*. СПб.: Владимир Даль.

Hutton P.H. (2004) *History as an Art of Memory*. St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).

Энгельке М. (2024) *Думай как антрополог*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Engelke M. (2024) *How to Think Like an Anthropologist*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Юрчак А. (2018) Мышление за пределами символического. В кн.: Кон Э. *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*. М.: Ад Маргинем Пресс: 6–16.

Yurchak A. (2018) Thinking beyond the symbolic. In: Kohn E. *How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human*. Moscow: Ad Marginem Press: 6–16 (in Russian).

Burknet W. (1985) *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford: Blackwell Publishing.

Derrida J. (2000) *Of Hospitality*. A. Dufourmantelle invites J. Derrida to respond. Stanford: Stanford University.

Gregory C.A. (2015) *Gifts and Commodities*. Chicago: Hau Books.

Laidlaw J. (2000) A Free Gift Makes no Friends. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 6(4): 617–634.

Lashley C. (2000) Towards a theoretical understanding. In: Lashley C., Morrison A. (eds.) *In Search of Hospitality: Theoretical Perspectives and Debates*. London: Butterworth Heinemann: 1–17.

Lee W., Lu L. (2024) The hospitable thought that counts: An emerging theory of "AI consciousness" in genuine hospitality. *International Journal of Hospitality Management*, 123: 103928. <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2024.103928>.

Parry J. (1986) The Gift, the Indian Gift and the 'Indian Gift'. *Man, New Series*, 21(3): 453–473.

Price R. (2002) *First-Time: The Historical Vision of an African American People*. Chicago: University of Chicago Press.

Rabinow P. (1977) *Reflections on fieldwork in Morocco*. Berkeley: University of California Press.

Shostak M. (1981) *Nisa: The Life and Words of a Kung Woman*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Strathern M. (1988) *The Gender of the Gift: Problems with Women and Problems with Society in Melanesia*. Berkeley: University of California Press.

Tedlock B. (1992) *The beautiful and the dangerous: dialogues with the Zuni*. New York: Viking.

HOSPITALITY AS A SCENARIO FOR DECOLONIZING THOUGHT: THE EXPERIENCE OF EDUARDO VIVEIROS DE CASTRO

Vatolina Yulia (vatolina@bk.ru)

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Vatolina Y. (2025) Hospitality as a scenario for decolonizing thought: the experience of Eduardo Viveiros de Castro. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 204–227 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.9> EDN: HISSQC

Abstract. Traditionally, hospitality as a phenomenon and practice of interaction with 'others-aliens' has been the subject of socio-anthropological research. This paper demonstrates that the concept of hospitality can serve as a fairly effective tool for analyzing the interaction of anthropologists with the studied communities. To achieve this goal, the author, first of all, reconstructs hospitality as an 'ideal type' in Weber's understanding. As a result, it is concluded that in its 'ontological purity', hospitality is a symbolic framework for meeting 'aliens'. As a symbolic order, it transforms the subjective positionalities and identities of the participants in the interaction: there is a shift from the 'they' instance to the 'you' instance, behind which the possibility of 'communication' as the generation of the 'common' can be seen. In the context of poststructuralist criticism of anthropocentrism and the related subject-object episteme, the structural elements of hospitality begin to be visible and conceptually articulated in socio-cultural anthropology. Using hospitality as a trope, the author identifies two main scenarios presented in it. One of them refers to hospitality as an artifact, which is a product of deconstruction, and suggests an epistemological reduction of the researcher's

position. Based on the manifesto work of the Brazilian anthropologist E. V. de Castro 'Cannibal Metaphysics: The Frontiers of Post-Structural Anthropology' the article demonstrates that a more productive scenario for social anthropology is a symbolic exchange based on the matrix of 'traditional' hospitality, where the researcher's concepts act as a 'symbolic bond' between different worlds, 'meeting' with the concepts of the communities being studied, and a new vision of the world and new knowledge are generated in the 'in-between' of their 'meeting'. According to the author, the concept of hospitality can serve as a guide for anthropologists in their interactions with people from different cultures, and although it is a form of art, E.V. de Castro's experience provides insights into its implementation in research practices.

Keywords: hospitality, social anthropology, perspectivism, multinaturalism, translation, E.V. de Castro.

ОТНОШЕНИЯ И КИБОРГИ: ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ В ГОРОДСКОЙ КОММУНЕ

Артём Валерьевич Котельников
(a-k-v-2m-s@mail.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Котельников А.В. (2025) Отношения и киборги: публичное и приватное в городской коммуне. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 228–257. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.10> EDN: HNYDGP

Аннотация. Представлено этнографическое исследование ДОма — одной из примерно десятка ныне существующих коммун Санкт-Петербурга, основанных на совместном проживании и ведении общего хозяйства людьми, не являющимися друг другу родственниками, в больших квартирах (некогда коммуналках или общежитиях). Проблема соотношения приватного и публичного рассматривается в характерной для коммунальной жизни ситуации неопределенности (прозрачности) границ между ними в контексте значения вещей как акторов внутри этого прозрачного пространства и распределенной агентности в нем. Исследования, посвященные такого рода неопределенности, либо не обсуждают прозрачности границ публичного и приватного, объясняя неопределенность иначе (например, через переходные сферы или перформативно), либо только констатируют ее существование, не проясняя ее устройства. В качестве альтернативного аналитического аппарата автор обращается к концепции отношений Мэрилин Стратерн, выделяющей две формы распределенной агентности, релевантных реалиям исследуемой коммуны: 1) отношения взаимности и 2) киборгов как форму отношений. Первые предполагают такую агентность акторов, в рамках которой действие совершается с оглядкой на Другого, внутри вторых одни акторы выступают в качестве представителей других. Отношения взаимности в коммуне предполагают посредников. Чаще это звуки или вещи. Связь с этими посредниками разных людей также является связью приватных и публичных пространств коммуны. В свою очередь, киборги, включающие представителей бывших жителей коммуны — других людей, принадлежащие бывшим жителям вещи и арендные залого, делают возможным возвращение этих самых бывших жителей в пространство коммуны и тем самым связывают публичное пространство вне коммуны и ее приватную сферу. Проницаемость пространства коммуны определяется и структурируется по-разному локализованными формами распределенной агентности в ней.

Ключевые слова: городская коммуна, намеренное сообщество, публичное и приватное, прозрачность, отношения взаимности, киборги, распределенная агентность, общий мир.

В начале февраля 2022 г. в петербургской коммуне ДОм на Синей ветке¹, где я проводил полевое исследование, появился ее бывший житель Алекс, некогда занимавший комнату в конце коридора. Во время своего переезда он уступил комнату Анне, которая во время моего проживания в ДОме была в долгосрочном отъезде. По договоренности с ней в комнате жила Анель. Вещи Анель соседствовали с вещами Анны, недалеко от них также находились вещи Алекса. За ними он и приехал. Его вещи постепенно перемещались в коридор, среди них было много предметов из латуни, что производило впечатление прилавка на блошином рынке. В один момент к ним присоединились большая настенная политическая карта мира размером 2 × 3 м. Ближе к вечеру Алекс забрал вещи из коридора, с ними пропала и карта.

Вечером следующего дня я постучался в дверь к Анель, которая обещала рассказать мне о бывших жителях ее комнаты. Оказавшись внутри, я обнаружил, что карта вновь висела на стене. Анель рассказала мне, что, неся карту по коридору, Алекс встретил Ника, живущего через пару комнат от Анель. Ник утверждал, что карту он, работая в типографии, на свои деньги напечатал по просьбе человека, занимавшего ту же комнату в конце коридора еще до Алекса и обещавшего заплатить за эту услугу. Заказчик, вопреки договоренностям, не оплатил ее, а съезжая, оставил карту в комнате. В сложившихся обстоятельствах Ник считал эту карту своей. Нехотя Алекс отдал карту Нику и тот снова повесил ее на стену в комнате Анель.

Подобную ситуацию легко можно представить в любой из комнат ДОма. Вещи всех его жителей («домашних») соседствуют с вещами бывших членов коммуны, с которыми нынешние хозяева комнат не только бываю-ют не знакомы, но могут даже не знать их имен. Те, однако, иногда появляются в ДОме: они встречаются там с друзьями, приходят в гости на праздники и иногда увозят свои вещи с собой. Таким образом, приватное пространство комнат оказывается вовлечено во вполне публичные, т.е. связанные с незнакомцами и чужаками, события. Нынешние их хозяева не только лично имеют дело с теми, кто когда-то жил в тех же четырех стенах, но и делают его с их вещами. Им совсем нетрудно стать свидетелями или даже участниками отношений, которые сложились в той или иной комнате задолго до их переезда туда.

---

¹ Вместо «Синей ветки» жителями коммуны упоминается конкретная станция метро. Это название я использую для анонимизации места, всем информантам, упоминаемым в статье, также присвоены псевдонимы, поскольку поиск в интернете по оригинальному названию коммуны позволяет относительно легко получить информацию о ней и ее жителях, ссылки на материалы о коммуне, выложенные в открытый доступ, не приводятся по этой же причине.

Такого рода неоднозначность в соотношении границ частного и публичного по-разному осмысливается в историографии. Можно выделить три исследовательских линии.

Первая из них связана с поиском переходных пространств и восходит к построениям Ханны Арендт, настаивавшей на том, что современные люди, в отличие от античных, чаще всего имеют дело не с публичным и частным, а с промежуточной для них сферой социального (Арендт 2000: 51–65).

Вторая постулирует перформативность рассматриваемых сфер, для чего привлекаются разные концептуальные рамки. Сьюзен Гал, опираясь на философию диалога М. Бахтина и свои этнографические наблюдения в (пост)социалистической Венгрии, утверждает, что публичное и частное возобновляются фрактально: в любом пространстве выделяется частная и публичная часть, а при проникновении в одну из них контр-агенты вновь воспроизводят разделение публичного и частного, указывая на те или иные реалии как на то, что находится «здесь» или «там» (Gall 2002). Кристена Нипперт-Энг апеллирует к тезисам Э. Гофмана, настаивая на том, что ее информанты (жители Чикаго) совместно конструируют границы публичного и частного в каждом акте взаимодействия (Nippert-Eng 2010). По мнению Александра Мануйлова, жители сел Юга России участвуют в совместной координации (по Л. Тевено) сфер публичного и частного, благодаря чему частность или публичность той или иной части пространства зависит от выбранной ими стратегии взаимодействия (Мануйлов 2007). Другие исследователи описывают соотношение публичного и частного как фукольдианскую гетеротопию, где обе сферы могут содержать в себе друг друга, переносится или переклещиваются — в северорусской деревне (Рахманова 2018) или в туристическом городке Прибайкалья (Корюхина, Куклина 2019).

Третья линия описывает экспансию одной сферы и вытеснение ею другой: публичной по отношению к частной, например в случае с телом и одеждой советского человека (Гурова 2004; Гурова 2008: 210–229) или частной в отношении публичной в случае со звуковым ландшафтом села на Северо-Западе России (Богданова 2017), разрешением конфликтов в петербургских общежитиях (Thévenot 2020) и пр.

Отдельно я бы выделил подход, акцентирующий внимание на прозрачности (по выражению Ильи Утехина) границ публичного и частного и связанный прежде всего с исследованием (пост)советских коммунальных квартир (Boym 1994; Бойм 2002: 187–192; Герасимова 1998; Герасимова 2000: 79–85; Gerasimova 2003; Утехин 2004; Утехин 2007; John 2017). Публичное и частное в нем разделены, но разделены недостаточно:

намеренно скрываясь от публичности в приватном пространстве, участник взаимодействия продолжает иметь дело с публичным вниманием, в том числе со своей стороны (например, к звукам).

Подобный анализ прозрачности пересекается с построениями Х. Арендт, описывавшей публичные пространства как место встречи отделенных друг от друга автономных акторов, свободных членов полиса, покидающих свои приватные пространства для политической дискуссии. Несмотря на автономность, их связывает между собой общий мир (*gemeinsamen Welt*) — совокупность объектов, в том числе вещей, находящихся в поле совместного (или скорее совмещенного) восприятия этих акторов (Арендт 2000: 65–76). В качестве крайней альтернативы Х. Арендт представляет тотальную неразделенность акторов, сведение их к единой массе, имеющую место в обстоятельствах политического террора (Арендт 1995: 604).

Исследования прозрачности и проницаемости (я буду использовать эти категории как синонимичные) публичного и приватного, мало фокусируются на описании объектов, связывающих субъектов взаимодействия. О них рассуждают прежде всего как о том, что не может обеспечить полноценной приватности (типа перегородок в коммуналках). Сама же прозрачность лишь констатируется, а ее устройство остается за скобками.

Я полагаю, что акцент на общем мире в анализе прозрачности границ публичного и приватного позволит не просто указать на существование прозрачности, но и прояснить ее устройство. В отличие от Х. Арендт, четко отграничивавшей публичное от приватного, я не буду описывать разделяющих общий мир акторов в качестве принципиально отделенных как друг от друга, так и от его объектов, и в то же время не стану рассматривать агентов, действующих внутри коммуны как неразличенную массу. В своем анализе я буду использовать концепции распределенной агентности, предложенные Мэрилин Стратерн.

Мой тезис состоит в том, что прозрачность границ публичного и приватного, распределенная между различными и различаемыми акторами агентность обуславливают возможности их пространственного доступа и взаимодействия, благодаря чему и существует тем или иным образом структурированная прозрачность. Общий мир по Х. Арендт и, в частности, вещи внутри него в случае с ДОм является не просто объектом взгляда различных отделенных друг от друга акторов. Он участвует в распределении их агентностей и тем самым в создании отношений. Особенности сложившихся отношений, в которые общий мир вовлечен не в качестве совокупности отдельных объектов, а в качестве распределенных агентов, определяют не публичность взаимодействия в коммуне, но устройство

прозрачности границ публичного и частного внутри нее. В обстоятельствах прозрачности утрачивает смысл различие акторов и их общего мира, а также жесткое разделение агентов как автономных. Имеет место сонм разнообразных локализованных акторов, которые вступают в отношения, распределяя свою агентность между другими акторами — людьми, вещами, денежными суммами (о них будет сказано ниже) и пр., при этом не сливаясь во внутренне неразличимую массу. Именно таким образом они воспроизводят и структурируют проницаемость и прозрачность этих границ.

Меня интересуют два типа отношений, которые, по мнению М. Стратерн, определяются распределенной агентностью их акторов. Отношения, которые исследовательница так и называет отношениями (*relations*), предполагают, что каждый агент интериоризирует Другого и воспринимает действия одновременно со своей точки зрения и с точки зрения другой стороны: что произошло с одним агентом отношений, произошло и с другим, действия одного автоматически приводят к действиям другого, в результате вовлеченные в отношения акторы действуют с оглядкой друг на друга. Подобное происходит, например, в обстоятельствах брака, когда урожай, выращенный женой, рассматривается ей как результат совместной деятельности с мужем, даже если тот не участвовал в сельскохозяйственных работах (Strathern 1988: 176–182, 271–275, 297–300). Другой тип отношений М. Стратерн вслед за Донной Харауэй (Харауэй 2005) называет киборгом (*cyborg*). В стратернианской интерпретации киборг появляется тогда, когда тот или иной актор обретает представительство в лице другого актора, распределяя тем самым свою личность во времени и пространстве и увеличивая с помощью него свою агентность (Strathern 2004: 36–119).

Первые отношения я вслед за интерпретаторами М. Стратерн, дабы избежать терминологической омонимии, буду называть отношениями взаимности (Sahlins 2013), вторые следуя за ней — киборгами.

Теоретические вводные

Как уже было сказано выше, опираясь на построения Донны Харауэй (Харауэй 2005), М. Стратерн называет киборгами ассамбляжи, в которых актор обретает представительство посредством другого актора — инструмента (*tool*) (Strathern 2004: 36–119).

Понятие киборга, используемое М. Стратерн, восходит к биотехнологической концепции кибернетического организма (*cybernetic organism*), который как раз и сокращается как «киборг», созданной нейрочеловеком Манфредом Клайнсом и психиатром Натаном Клайном, настаивавшими

на необходимости модификации человеческого организма с целью адаптации его к условиям внеземного пространства. В их понимании киборг — это «экзогенно расширенный организационный комплекс, функционирующий как интегрированная гомеостатическая система без вмешательства сознания». Модифицирующие тело элементы в нем действуют автономно, «оставляя человека свободным исследовать, творить, думать и чувствовать» (Clynes, Kline 1960: 27). Таким образом, киборг появляется в результате взаимной интеграции множества агентов и агентностей.

С введенным М. Клайнсом и Н. Клайном понятием исследователи связывают (в том числе ретроспективно) интеллектуальную традицию, ставящую под сомнение границы, разделяющие организм и его среду обитания или тело и связанные с ним материальные объекты (Sue 2005; Muri 2007; Соколовский 2022). «Киборг» становится средством описания инкорпорации материально воплощенных агентов (в частности, технологических), притом что некоторые из них воплощены именно в телах.

Донна Харауэй считает киборга феноменом, характеризующим эпоху постмодерна (Харауэй 2005: 324). Исследовательница наследует обозначенной выше традиции: она настаивает на сомнительности границ человеческих тел, указывая на соматическую интеграцию организмов с машинами и другими организмами, связанную, в частности, с развитием медицинских технологий (Харауэй 2005: 324, 362–363). Одновременно она разрабатывает другую линию концептуализации, рассматривающую киборга как отказ от структурной дуальности — размывание границ между человеческим и животным на примере зоозащитного движения (Харауэй 2005: 326–327), между живым существом и машиной с указанием на то, что поведение роботов становится все труднее отличить от поведения людей (Харауэй 2005: 327–328), физического и нефизического, связанное с тем, что агентность машин становится все менее видимой, как в случае с компьютерными чипами (Харауэй 2005: 329). Благодаря разрушению такого рода бинарных оппозиций лишаются смысла формы солидарности и идентичности, основанные на единстве и сходстве (например, между представителями одного класса), на смену идентичности приходит «притяжение» (*affinity*) (Харауэй 2005: 331–339), связывающее взаимно не схожих агентов «не по крови, но по выбору» (Харауэй 2005: 332). Связи, существующие внутри киборгов, исследовательница называет частичными (*partial connections*), поскольку те предполагают принципиальное различие все также взаимосвязанных агентов (Харауэй 2005: 339, 367).

М. Стратерн универсализирует понятия, предложенные Д. Харауэй, отмысливая «киборга» от ситуации постмодерна и делая возможным его использование для описания более разнообразных этнографических

реалий, она также смещает акцент с солидарности на агентность: исследовательница описывает киборга не просто как результат разрушения бинарностей и размывания границ между агентами разного рода, но обозначает этим понятием особый ассамбляж, особый тип распределенной агентности. Новая агентность обретается актором благодаря другим агентам, которых М. Стратерн, как уже было сказано, называет инструментами. Связь между актором и его инструментами также является частичной — они не являются полностью обособленными друг от друга, но и не представляют собой единства, они именно частично распределены по отношению друг к другу без образования целого из частей (Strathern 2004: 38–40). Эту связь М. Стратерн, следуя традиции концептуализации «киборга», интерпретирует как телесную. В качестве одного из примеров она приводит практики брачного обмена и обмена деревянными масками у различных групп индигенных народов Папуа — Новой Гвинеи. Мужчины разных деревень во время совместных праздников передают друг другу маски и (в качестве жен) своих дочерей. Обмен дает повод жителям одной деревни появиться в пространстве другой во время праздника. М. Стратерн усматривает символическое сходство между масками и дочерьми — маски делаются из дерева и благодаря этому связываются с человеческими телами, поскольку деревья, по мнению ее информантов, имеют структуру аналогичную человеческим телам, дочери же связываются с деревьями через плодовые венки, надеваемыми на их головы в момент бракосочетания (Strathern 2004: 82–85). Так, тела местных мужчин расширяются и получают присутствие в соседней деревне, а их дочери и маски выступают в роли инструментов. Тело киборга, по М. Стратерн, далеко отстоит от организма (или даже кибернетического организма). Продолжая связывать киборга с телом, исследовательница описывает тело как некую символическую структуру. Добавим, что концепт киборга имеет для исследовательницы также эпистемологический смысл — частичные связи связывают не только ее информантов и других агентов исследуемого поля, они также определяют отношения между этнографом и информантом или между антропологом и идеями соседних дисциплин (например, гендерными исследованиями) (Strathern 2004: 38–40).

Я полагаю, что вещи, оставленные «домашними» при отъезде из коммуны, подобно дочерям и маскам жителей Папуа, играют роль инструментов. Не будучи интегрированными в их тела (символические, биологические или иные), они тем не менее позволяют «домочадцам» сохранять свое присутствие в нем. Уже покинув его, «домашние» сохраняют возможность вернуться в пространство коммуны.

М. Стратерн не вводит эксплицитного различия между киборгом и отношениями взаимности. Эти понятия вводятся ею в разных работах (Strathern 1988; Strathern 2004). По-разному описывая эти понятия, она тем не менее не сравнивает их и не противопоставляет. Однако, обобщая предлагаемые ею концепции, можно сделать ряд сравнительных выводов об этих типах отношений.

Если в обстоятельствах киборга тот или иной актор получает представленность посредством инструментов, т.е. прежде всего распространяет свою агентность в пространстве через другого актора, то внутри отношений взаимности агентность не распространяется, она смешивается и приобретает симметрию. Один из акторов не становится средством реализации агентности другого, он обладает агентностью, до некоторой степени единой с другим. Иными словами, если киборг предполагает одностороннее направление (действие одного агента через другого), то отношения взаимности направлены сразу в обе стороны (действие с оглядкой на другого и с реакцией другого), по этой причине в них нельзя выделить инструменты.

Часто в формировании отношений взаимности по М. Стратерн в качестве посредника участвует подарок, который создает отношения взаимности между дарителем и одариваемым. В этом случае подарок не является проводником воли только дарителя, как в случае создания киборга, он обеспечивает связь, благодаря которой воля обоих участников отношений может быть объединена и взаимно направлена (Strathern 1988: 176–182, 271–275).

Адам Рид, развивающий тезисы М. Стратерн, считает одним из возможных условий формирований отношений взаимности пространственную проницаемость. Он анализирует такого рода обстоятельства в реалиях новогвинейской тюрьмы, организованной в логике паноптикума по И. Бентаму, и указывает на то, что как у заключенных, так и у охранников формируется особого рода агентность. Конституирующей чертой этой агентности является аleteический взгляд (*aletheic gaze*), идею которого А. Рид заимствует у философа Дэвида Левина (Levin 1988: 440). Аleteический взгляд предполагает переплетение (*intertwining*) позиций познающих друг друга субъектов, разные взгляды смешиваются до некоторой степени единства. Как следствие, надзиратели и заключенные действуют с оглядкой на Другого, наблюдающего и наблюдаемого одновременно. Эта ситуация, по мнению А. Рида, отличает тюрьму близ Порт-Морсби от фукольдianской интерпретации паноптикума (как ее понимает А. Рид) — вместо трансцендентального взгляда противопоставленного объекту субъекта наблюдения формируется поле субъект-субъектных отношений

(Reed 1999)¹. Я полагаю, что подобная особенность отношений взаимности имеет место и в ДОме, о чем будет рассказано в четвертом разделе этой статьи.

Место, его генеалогия и полевое исследование

Жители коммуны («домашние», или «домочадцы»), как уже упоминалось, называют ее ДОмом или, в контексте разговора о разных коммунах, существующих в Петербурге, — ДОмом на Синей ветке. На письме в кратком и полном названиях коммуны выделяется буквосочетание «Ом». Это, впрочем, никак не нагружается символически и описывается как традиция, чьи корни не до конца ясны.

По утверждению одного из основателей ДОма, его первыми жителями и создателями являются выходцы из распавшейся к тому моменту коммуны Дом на Фонтанке. Дом на Фонтанке, по словам его бывших обитателей, восходит к петербургскому Дому на Набережной (не имеющему отношения к московскому Дому Правительства), который также давно прекратил свое существование.

ДОм является частью сети из около десятка коммун («домов»), его жители знают о существовании других «домов»², некоторые также имели возможность пожить в них.

На период исследования ДОм был заселен 25-ю людьми (возрастом 23–43 лет за одним исключением), среди которых 12 совершеннолетних женщин, 12 мужчин и одна годовалая девочка, там же обитали шестеро котов и кошек (один из них зовется «коммунальным», остальные закреп-

---

¹ Другие интерпретации фукольдианского паноптикума, впрочем, утверждают, что уже в построениях М. Фуко происходит отказ от трансцендентального наблюдателя (см., например: Ссорин-Чайков 2009), однако возможная критика этой части соображений А. Рида не является задачей этой статьи.

² Полагаю, что к «домам» применимо понятие намеренного сообщества (*intentional community*) — сообщества, определяемого через осознанное намерение его участников быть сообществом, а также общее жилое пространство, некоторые общие хозяйственные ресурсы и наличие в сообществе более пяти взрослых членов, не являющихся родственниками. К таким сообществам, в частности, принято относить городские коммуны (Miller 1998: XX–XXI). Намеренное сообщество противопоставляется натуральному сообществу (*natural community*) — семье, крестьянской общине и пр., члены которых не выбирают жить в том или ином сообществе, а, например, рождаются в них (Brown 2002). Жителями петербургских коммун «коммуны» противопоставляются «коливингам», коливингом называют подобное коммуне сообщество, которое отличается от нее тем, что имеет формализованного лидера и практикует элементы коммерциализации, выражающиеся, в частности, в проведении платных мероприятий в своих стенах. Коммуна же управляется неиерархически и не стремится зарабатывать деньги.

лены за отдельными хозяевами) и одна собака. Профессиональный состав жителей коммуны разнообразен. Среди ее участников продающие свой физический труд промышленные альпинисты, офисный пролетариат и прекариат (работники копировальных центров и типографий), IT-специалисты различного рода, имеющие возможность работать удаленно, репетиторы, художники, продающие свои работы через интернет, хозяева квартир, сдающие их в аренду, и пр. На момент проведения исследования двое информантов жили в ДОме с момента его основания, остальные — от полугода до двух лет. Члены коммуны в складчину арендуют помещение площадью 559 м², включающее в себя 28 отдельных комнат (в 20 из них живут люди), два санузла и коридор. Такой формат аренды позволяет существенно снизить ежемесячный взнос за комнату — он составляет от 10 до 15 тыс. руб. с учетом платы за коммунальные услуги и интернет. Помещение коммуны располагается в многоквартирном доме 1930 г. постройки и представляет собой коридор с большим количеством комнат, прилегающих к нему (некогда оно являлось рабочим общежитием). С коммуной соседствуют как жилые квартиры, так и офисы, hostels и т.д.

Отдельно отметим, что собственник помещения не разделяет предпочтений жителей коммуны в образе жизни, их взаимодействие строится как товарное. Аренда вообще является основной формой отношений с недвижимостью в известных мне коммунах Петербурга. Помещение никогда не сквотируется и почти никогда не находится в коллективной собственности. Эта особенность ярко отличает петербургские коммуны от схожих сообществ в некоторых других мегаполисах мира (Dee 2016; Kadir 2016; AzoZomox, Kuhn 2018).

Среди помещений ДОма его жители выделяют «общие места», или «общие пространства», к ним относят зал, курилку, гостиную, кухню и два санузла. Зал и гостиная используются для внутренних мероприятий (занятия спортом, настольных игр и пр.) и мероприятий с участием гостей (квартирники, мастер-классы, праздники и т.п.). Жители ДОма чаще всего встречаются в гостиной, там они едят пищу, которую готовят на прилегающей к ней кухне (между ними есть дверной проем), там же находится коллекция настольных игр, общая библиотека и обеденный стол (есть принято, впрочем, не только за ним). В гостиной стоит колонка с bluetooth-адаптером: почти каждый, кто приходит туда с утра первым, включает предпочитаемую им музыку, там же проходят общие собрания. В зале и гостиной действует правило, запрещающее там спать. Курилку посещают все курящие жители коммуны, а также те, кто хочет продолжить с ними общение, начатое в гостиной или личной комнате одного из собе-

седников. Курилка запирается изнутри и снаружи во избежание проникновения запаха табака в коридор и ближайшие комнаты.

Значимая часть предметов в ДОме находится в общем пользовании. Как правило, они располагаются в «общих пространствах». Среди наиболее заметных из них можно назвать проектор, уже упомянутые коллекцию настольных игр и библиотеку, а также фортепиано, находящиеся в гостиной, сушилку для белья, стиральную машину и гладильную доску, располагающиеся в одном из санузлов и т.п. В зале также находится «фримаркет» («фришка») — место для добровольного выкладывания вещей одними членами коммуны и безвозмездного присвоения их другими.

Жители ДОма совместно закупают месячный запас продуктов и бытовой химии, а на общих собраниях избирают ответственных за это. Также на неопределенный срок (как правило, до отказа исполнять свои обязанности) ими избираются счетовод и ряд дежурных.

На этих собраниях, иницилируемых для обсуждения некой заранее предложенной повестки, (в декларируемой норме) решения принимаются консенсусом, реже — большинством голосов. Инициатором собрания может выступить любой житель коммуны, за исключением «вписчиков», т.е. тех, кто, ночуя в ДОме, пребывает на положении гостя кого-либо из его членов.

Все «домашние» признают значимость свода писанных правил коммуны — «Договорённостей».

Нынешние жители ДОма утверждают, что у сообщества нет лидера, как таковая позиция лидера не предполагается. Отмечу, впрочем, что многие считают, что в момент основания у него был лидер, который, по его собственным словам, избегал этой роли и успешно смог ее нивелировать. По рассказам бывших жителей коммуны, в течение ее существования в ней также появлялись группы жителей, считавшие, что у ДОма есть лидер, но эту точку зрения никогда не разделяли все.

Новые жители коммуны, как правило, появляются в ней по рекомендации кого-то из «домашних», реже они сами могут обнаружить объявления об аренде комнаты (их выкладывают в соцсетях), затем в одном из чатов коммуны происходит предварительное голосование, где, как предполагается, кандидатура может быть отвергнута, в случае если найдется минимум один ее противник, позицию которого поддержат двое или большее количество человек. Эта часть отбора связана с мониторингом страниц потенциального сожителя в соцсетях. В дальнейшем в случае успешного прохождения первой части отбора, кандидат приходит на «знакомство» — собеседование, на котором его расспрашивают о хобби,

работе, взглядах и привычках. После происходит тайное голосование, по результатам которого претендент становится или не становится жителем ДОма. Процесс принятия в коммуну значительно упрощен для тех, кто до того часто бывал в ней гостем: он может быть принят без знакомства и даже предварительного обсуждения.

Бывшие жители ДОма, а также те, кто принимал в его жизни активное участие, скажем, организуя мероприятия, но не жил в нем, определяются «домашними» как «друзья ДОма», большинство из них состоит в созданном для этой группы чате в Telegram. К ним теперь принадлежу и я.

Мое полевое исследование, продлившееся с декабря 2021 по сентябрь 2024 г., можно разделить на три этапа.

Первые пару декабрьских недель мое присутствие в коммуне сводилось к верандной этнографии, игнорирующей призыв «спуститься с веранды» (*come off the verandah*), приписываемый стороннику включенного наблюдения Брониславу Малиновскому. Первоначально, ведя наблюдения, я не разделял с информантами их повседневности (Kuper 1994: 203; Okely 2012: 1, 17–19, 76). Вместо этого я появлялся там в качестве гостя, брал заранее назначенные интервью, в которых достаточно абстрактно обсуждалась жизнь сообщества, и делал отдельные не погруженные в контекст наблюдения.

Второй этап продлился с января по февраль 2022 г. и был связан с моим переездом в ДОм и возможностью вести активное включенное наблюдение. Все это время многие информанты знали о моей позиции исследователя, значимую их часть это, впрочем, вовсе не интересовало, они называли наше общение дружеским, а «Антрополог» на какой-то период стало моим прозвищем (прозвища имели и имеют многие жители коммуны), в связи с этим мое наблюдение трудно охарактеризовать только как скрытое или открытое.

Большую часть времени я вел наблюдение в местах, которые используют все или почти все «домашние» (например, в гостиной или курилке), там же я проводил интервью. Наблюдения не были структурированы, не имели жесткого графика, поскольку члены сообщества предпочитали бывать в одних и тех же местах в разное время в течение суток, в том числе ранним утром и поздней ночью. Я фиксировал их в телефоне, что позволяло не привлекать к этому отдельного внимания, а затем переносил в дневник наблюдений, в других случаях фиксировал их в дневнике по памяти. Наблюдениям сопутствовали неформальные интервью — я инициировал беседы и вмешивался в них, тем самым воспроизводя типичные для коммуны практики, поскольку в гостиную «домашние» часто приходили именно за беседами, многие также говорили, что переехали в ком-

муну, собственно, ради общения. Соответственно такие интервью часто были групповыми и предполагали дискуссию. В этом случае, как часто бывает в этнографической практике, интервью и наблюдения трудно разделить как разные группы методов.

Некоторая часть моих разговоров с информантами напрямую фреймировалась как интервью — им предшествовала просьба об интервью и разрешение на включение диктофона. Такие интервью проводились по мягкому опроснику и часто переносились в личные комнаты, если же они также проходили в гостиной или, например, в курилке, то это совпадало со временем, когда там было мало посторонних или же их не было вовсе. Я часто проводил интервью с бывшими жителями ДОма, которые оказывались там в гостях. С другими бывшими жителями я договаривался об интервью отдельно, их я находил путем снежного кома.

В попытках расширить пространство бесед за пределы «общих мест» я, пользуясь тем, что многие знали о моих исследовательских намерениях, просил информантов проводить мне экскурсии в их комнатах. Некоторые интересовались, зачем мне это нужно, в ответ я рассказывал о том, что жилище — классическая для антропологии тема, подобно тому как изучаются жилища разных народов, исследуются жилища современных горожан, а тем более тех, кто живет в коммунах. Экскурсии имели сходство с нарративными интервью, рассказ строился на том, в каком порядке от места начала экскурсии были расположены вещи и элементы интерьера. Вещный мир комнат служил иллюстрацией к рассказам о прошлом ДОма и провоцировал жителей комнат на воспоминания о его происхождении и связанных с ним событий.

Экскурсии проводили для меня и бывшие жители коммуны, они могли многое рассказать о предметах, граффити и т.п. в «общих местах», в еще большей степени обращаясь к прошлому в своих рассказах. Кроме того, благодаря ним я мог наблюдать практики возвращения в коммуну тех, кто в ней уже не живет.

На третьем этапе своего исследования, покинув ДОм в марте 2022 г., я сам стал его бывшим жителем и посещал коммуну в качестве гостя, а затем предпринимал попытки вернуться туда в статусе жителя. Я также имел возможность вести наблюдения в «общих местах», чаще всего это происходило на открытых мероприятиях, и продолжал брать интервью.

Некоторое количество интервью, как во время моей жизни в ДОме, так и после, переходило в переписку в соцсетях. Как правило, там я задавал «вопросы вдогонку» или информант, продолжая размышлять над интервью, предлагал мне свою рефлексия на тему нашего разговора — часто она также касалась прошлого коммуны.

В совокупности было записано 79 интервью (из них восемь с бывшими жителями коммуны), фреймированных как интервью, подсчитать количество неформальных интервью не представляется возможным.

Мое взаимодействие с информантами часто имело реципрокный характер. Многие из них вменяли мне экспертность в социальных науках. Меня спрашивали о том, как антропология и историческая наука смотрят на те или иные вопросы. Во время интервью я делился этнографическими анекдотами, почерпнутыми из книг и статей.

С реципрокными особенностями моего исследования было связано появление ключевых информантов (их было двое). Я обращался к ним за интерпретацией произошедших в коммуне событий, когда не мог поговорить с непосредственными участниками. Они также рассказывали мне о тех событиях в ДОме, которые я пропускал, уезжая, они же рассказывали мне о делах в коммуне, когда я переехал из нее, приглашали меня в гости. Среди прочего их интересовала моя интерпретация того, что происходило.

Я имел возможность обсуждать с некоторыми «домашними» свои гипотезы и концепции, а также расшифровывать их интервью, получая комментарии к тексту их же рассуждений.

Можно сказать, что интервью-экскурсии, наблюдения за бывшими жителями ДОма и опыт собственного отъезда оттуда стали основополагающими для этой статьи.

В процессе исследования в моем распоряжении также появилось небольшое количество документальных и медиасвидетельств жизни ДОма: два кратких видеосюжета журналистов петербургских городских телеканалов, побывавших там в тот или иной период существования коммуны, а также блог одной из ныне бывших жительниц ДОма в Telegram¹. Ссылки на эти материалы я получал от бывших и нынешних жителей ДОма или находил в интернете.

Отношения и их акторы в ДОме и вне его

Прежде чем непосредственно перейти к анализу роли киборгов и отношений взаимности в построении приватного и публичного внутри ДОма, я бы хотел остановиться на тех выстраиваемых «домашними» границах, которые достаточно точно соответствуют логике Х. Арендт. В рамках такого разделения публичное пространство отличается от приватного возможностью встретить в нем чужаков (Sennett 2018), соответ-

---

¹ Из соображений анонимизации вопрос о доступности материалов я оставляю за скобками.

ственно приватное предполагает их исключение (Altman 1975: 21–22; Geest 2018).

Али Маданипур, рассуждая о соотношении публичного и приватного в городе, описывает переход от одной сферы к другой как многоступенчатый континуум. Максимально публичные пространства (например, городские площади) соседствуют с менее публичным, например улицами жилых кварталов, те — с еще менее публичными (например, дворами жилых домов) и т.д. На другой стороне континуума находятся максимально приватные пространства (например, спальни), также менее приватные (например, гостиные и прихожие), еще менее приватные (например, балконы) и т.д. Таким образом, приватное и публичное становятся двумя разными концами спектра, в котором, впрочем, существуют относительно четкие границы: часто нельзя назвать то или иное пространство полностью публичным или приватным, однако его легко можно отделить от любого другого в этом спектре (Madanipour 2003: 65–67). В этом смысле А. Маданипур модифицирует построения Х. Арендт: различие приватного, социального и публичного теперь предполагает не тройственность, а спектральность, однако границы между его ступенями остаются столь же четкими.

На первый взгляд, пространство ДОма структурировано в соответствии с концепцией, предложенной А. Маданипуром.

Как уже было сказано выше, внутри коммуны «домашние» различают «общие места» и личные комнаты (их называют просто «комнатами»), а пространство ДОма в целом отделяется от внешнего ему стенами квартиры, в которой он находится — об этом говорит нарисованный членами коммуны плакат с планом ДОма, висящий на стене в коридоре (изначально с помощью него устанавливали график уборки). Личные комнаты отделены от «общих мест» дверьми с замками (каждый житель ДОма имеет свой ключ от занимаемой им комнаты), в них стучатся и заходят только с разрешения хозяина. Жители коммуны говорят про личные комнаты как про место уединения: в них можно удалиться от общения, которое происходит в «общих местах». Устраивая мероприятия (например, квартирники) с участием гостей, не имеющих отношения к коммуне, ее жители настаивают на том, что гости должны оставаться в пределах «общих мест», а попытки зайти или заглянуть в комнаты порицаются и пресекаются. Зайти в ДОм снаружи постороннему тоже не так просто — этому мешает кодовый замок¹.

---

¹Такого рода спектр, находящийся между публичным и приватным, имеет место и в цифровом пространстве коммуны. Все жители ДОма состоят в предназна-

Обозначив пространственные уровни перехода между публичным и приватным в арендтианском духе, необходимо продемонстрировать прозрачность, которая делает разделение этих уровней не столь жестким и однозначным. Прозрачность пространства ДОма, как я полагаю, подобно прозрачности, описанной А. Ридом в реалиях новогвинейской тюрьмы, связана с отношениями взаимности. Она также предполагает необходимость действовать с оглядкой на Другого и других и вместе с тем реагировать на действия Другого — действие происходит сразу с обоими агентами воспроизводимых отношений.

Проницаемость пространства ДОма имеет прежде всего акустический характер. Как выразилась на этот счет его жительница Лера, «здесь слишком тонкие стены». Жители коммуны знают утреннее время, когда звенят будильники их соседей, во сколько те начинают работу (если им приходится работать удаленно), какие мелодии их соседи предпочитают играть на музыкальных инструментах (чаще всего это синтезаторы), в каких выражениях общаются со своими кошками и собаками.

Звуковой ландшафт ДОма включал и пространство моей комнаты. За время моего проживания в коммуне я сменил две комнаты, этот инцидент произошел в первой. В восемь утра я проснулся от женского голоса, прозвучавшего под моим ухом и пожелавшего мне на английском доброго утра. Как я понял через приблизительно минуту недоумения, это был голос жившей в соседней комнате Даны, начинавшей в соответствующее время первый за ее рабочий день онлайн-урок в роли репетитора. Впоследствии появление в моей комнате этого голоса в это время суток не удивляло меня. Через пару дней меня также начали будить звуки будильника Даны, проникавшие в мою комнату в семь утра каждого буднего дня.

Жизнь в ДОме, по словам некоторых моих информанток, приводила их к утрате тех практик, которые понимались ими как приватные. Они возобновлялись, только будучи осознанными как публичные.

Дана говорила, что поначалу ей приходилось «заставлять солнце вставать по утрам», она пояснила эту метафору — нарушился цикл ее ежедневных практик, например она не могла сварить утренний кофе,

---

ченном только для них чае: туда добавляются все новые «домашние» и удаляются все, кто покидает коммуну. В еще одном значительно более крупном чате состоят как жители коммуны, так и «друзья ДОма» (как правило, его бывшие жители), они получают приглашение туда от жителей коммуны. Наконец, все желающие могут быть подписаны на группы и каналы коммуны в социальных сетях. В этой статье, однако, я не буду анализировать практики взаимодействия в цифровом пространстве, поскольку их рассмотрение, как представляется, требует отдельного исследования.

поскольку не оказывалась на кухне в одиночку. Приготовление пищи также становилось демонстрацией всем своих кулинарных навыков: «Я здесь живу очень во многом на виду — и я не могу не показывать того, что не очень хочу показывать».

Другая информантка утверждала, что «здесь [в ДОме] более телесное существование» — публичными становятся те практики, которые она назвала телесными. Нельзя отправиться в душ, не оповестив своим появлением в коридоре в махровом халате всех окружающих, о возвращении в комнату всех также оповестит запах шампуня. В душ нельзя отправиться нагишом или в нижнем белье — телесность дисциплинируется.

Стоит, впрочем, отметить, что запахи редко связывают публичное и приватное в пространстве ДОма. Запахи, создаваемые на кухне, редко доносятся до личных комнат, а запахи из комнат (например, благовония) совсем нечасто оказываются за их пределами. В одном случае, который я опишу позже, запахи становились частью киборга и связывали не комнаты и «общие места», а пространство комнаты и пространство за пределами самой коммуны.

Изменение в звуковом ландшафте соседей вызывают реакцию. Утром, после того как я переселился из одной комнаты в другую (мою предыдущую комнату заняла Дана), мои новые соседи Алина и Кеша поинтересовались, не живу ли я теперь через стенку от них. Я ответил, что так и есть, и спросил, как они об этом узнали (переехал я ночью, когда все домашние были в своих комнатах), те ответили, что ночью же услышали глухой удар о стену. В те часы, перевернувшись во сне на расположенном на полу матрасе, я ударился о нее головой. Это я и рассказал своим собеседникам, после чего поинтересовался: «А с Алисой [предыдущей жительницей комнаты] такого не было?» Они заулыбались и подтвердили мое предположение. Таким образом, мой переезд благодаря звуковой и информационной проницаемости (знанию о саундскейпе, создаваемом Алисой) автоматически стал частью жизни моих соседей, на что те поспешили отреагировать — между нами установились отношения взаимности.

За несколько часов до того, как непосредственно перенести вещи в новую комнату, Алиса, передавая мне старую, проводила экскурсию по вещному миру моего обиталища. Среди прочего она говорила о коврике, подстеленном под стулом на металлических ножках, приставленном к угловому столу: Алиса посоветовала не вынимать коврик из-под стула, так как скрип вызывает неудовольствие соседа слева. О подобной звуковой дисциплине мне также рассказывала Дана. По ее словам, в комнате она старалась издавать как можно меньше звуков: тише ставить чашку с чаем на стол, меньше ворочаться на кровати, тише ступать по полу.

Важную роль в такого рода практиках членов коммуны играют наушники: в комнатах в них слушают музыку и играют на синтезаторах. Благодаря тому, что действия, связанные со звуками, легко становятся частью жизни соседей, жители ДОма вынуждены действовать с оглядкой на них, ограничивая себя в создании звуков и советуя другим поступать так же. Распределенная агентность ограничения, связанная с необходимостью оглядываться и прислушиваться, проявляет себя в отношениях взаимности. При этом кроме двух ограничивающих друг друга агентов в эти отношения вовлечены материальные посредники (чашка, стул и пр.), обеспечивающие эту связь посредством издаваемого ими звука.

Такого рода самоограничение имеет место и в «общих местах». Так, к поющим ночью во время курения Дани и Денису подошел житель ближайшей комнаты. Он постучался в дверь и, когда ему открыли, сказал: «Курилка — не место для пения, курилка — место для курения». Аналогично он выразился в успешной попытке прекратить громкий смех: «Курилка — не место для юмора, курилка — место для курения». Смех и его пресечение практикуются в отношениях взаимности: первый автоматически становится частью жизни человека, живущего рядом с курилкой, и вызывает его реакцию, направленную на то, чтобы смеющиеся действовали с оглядкой.

Многие звуки в коридоре не могут быть проигнорированы. Так, в один из дней жизни в коммуне около полудня, услышав из коридора истошные детские крики, я вышел из комнаты. Рядом со мной было приоткрыто еще шесть-семь дверей разных комнат, из них выглядывали головы их жителей. По коридору с дочерью на руках шла живущая в ДОме Мила. Она приподнимала дочку перед собой — девочка смеялась, ее смех периодически переходил в визг. Мила, улыбаясь, смотрела на наблюдателей и повторяла: «Это мы так радуемся, все хорошо...» Вызывая смех ребенка, Мила, с одной стороны, вызвала реакцию окружающих, а с другой стороны, должна была реагировать в ответ, оправдывая похожие на плач звуки. В этом случае посредником в отношениях взаимности выступил ребенок — его звуки делали действия матери важными для других «домашних» и наоборот.

Аналогичное вмешательство может быть связано и со звуками в комнатах. Взяв интервью-экскурсию у Дениса по поводу вещей в его комнате, я договорился о такой же беседе с его девушкой Женей, которая нашла для этого время на следующий день, когда Денис был на работе. Наш разговор близился к завершению, мы стояли посреди комнаты, когда дверь приоткрылась, внутрь заглянула живущая напротив Дана. Посмотрев на нее, я и Женя прекратили разговор, новая участница диалога прервала молчание (А — я, Д — Дана, Ж — Женя):

Д: А мне тоже интересно.

А: А я уже все спросил.

Д: А что вы тут делаете?

Ж [улыбаясь]: А мы тут разговариваем.

Д: А... А Денис знает?

А [улыбаясь]: Денис знает. Денис мне сам это предложил.

Разговор в комнате, будучи слышимым сквозь стену, оказался важным и для соседки, наши действия привели и к ее действиям, чем и проявил отношения взаимности.

Иные звуки должны быть проигнорированы. Некоторые информанты сами в отдельных случаях ограничивают свой слух: «Проходя мимо комнаты, понимаешь, что там происходит, поэтому либо проходишь быстро, чтобы воздух в ушах шумел, либо не прислушиваешься», — это слова Даны. События в комнате являются также событиями в жизни проходящего мимо нее, а игнорирование — реакцией на них. Звукопроницаемость создает взаимность в действиях людей по разные стороны двери.

Как видно из примеров выше, звуковая прозрачность и сопутствующая ей взаимность часто связаны с посредниками: чайной чашкой, кроватью, ребенком и пр. Причем эта связь имеет вовсе не абстрактный характер, как в случае с «железным шаром» — популярной формулой, описывающей характер шумов в многоквартирном доме, издаваемых соседями сверху, которые, как предполагается, катают его по полу (Бредникова 2021). За звуками в ДОме стоят конкретные вещи и люди. Отношения взаимности, возникающие и воспроизводящиеся в проницаемом пространстве коммуны, включают в себя не только людей, разделяющих события в жизни друг друга и реагирующие на взаимные действия, но и (часто вещественных) посредников, осуществляющих связь между ними посредством звуков.

Всеобщая осведомленность о вещах, связанных с личными комнатами, имеет место и в тех случаях, когда материальные объекты не вносят большого вклада в звуковой ландшафт. Такую роль сыграл, например, трудно запираемый замок во второй комнате из тех, в которых я жил. Пару раз, когда, возвращаясь с улицы, я вставлял в него ключ, мне приходилось долго пытаться повернуть его в скважине. В обоих случаях рядом со мной останавливался кто-то из соседей и после секунд пяти наблюдения добавлял: «А, ну да, там замок [плохой]». Мои затруднения с замком под взором компетентных соседей очень быстро становились не только моими и вызывали реакцию — замок, знания вокруг которого разделялись разными людьми, создавал между ними отношения взаимности.

Жители ДОма не только знают о внутреннем устройстве многих комнат, но и позволяют себе оценивать те или иные изменения, которые привносятся туда. Это касается, например, утраченной обстановки в комнате, некогда принадлежавшей Антону, которая на момент моего пребывания в поле была комнатой Миши. По словам ряда «домочадцев», задолго до моего появления в ДОме Антон повесил на окно комнаты блэкаут-штору, выкрасил пол и потолок в фиолетовый цвет и нанес на них флюоресцентными красками кляксы, разноцветные внизу и белые сверху (там они изображали звезды). На стене флюоресцентными же красками была перенесена фотография одного из центральных районов Токио, которая светилось и имела глубокую перспективу — ее называли «порталом». Рядом с кроватью, расположенной в двух метрах над полом, должна была быть навешена веревочная сетка, в которую, как предполагалось, можно было упасть, неудачно перевернувшись во сне.

После отъезда Антона из ДОма его комнату занял Женя, он предпочел закрасить «портал» и забелить потолок, блек-аут-штора была снята. Женя прожил в этой комнате месяц, а затем переехал в другую комнату, которую занимал на момент моего проживания в коммуне. Вслед за ним в нее вошел Миша.

Воспоминания домашних об изменениях в комнате, принадлежавшей сначала Антону, затем Жене и потом Мише, неизменно сопровождались сетованием на то, что Женя зря так поступил, тем более что прожил он там минимально возможный срок. Наследие предыдущего жителя комнаты должно было быть сохранено, а действия без оглядки на соседей в условиях информационной проницаемости вызывали негативную реакцию. Вновь знание о вещах, которое разделяли не только житель комнаты, но и другие «домашние», создало связь, благодаря которой нужно было действовать с оглядкой. Предметы интерьера выступали в качестве посредников, создававших взаимность действий. Благодаря им ремонт и перестановка в комнате одновременно затрагивали многих жителей ДОма, знавших об обстановке в ней, и вызывали их реакцию.

Описанную выше проницаемость пространства Анель обозначила сентенцией: «Ты всегда, [в своей комнате] вроде бы один живешь, а вроде и не один живешь».

Агентность, существующая в отношениях взаимности, впрочем, нормативно ограничена. Хорошая иллюстрация этому — появление детей в ДОме. В двух случаях, когда это имело место, родители накладывали дополнительные обязательства на других «домашних». Как выразился Виктор, «песни не поорешь», «куча бесконтрольных вещей», а «домочадцы у нас не самые, там, трезвенники-язвенники, которые, ну, ведут себя

всегда адекватно». Обобщенно об этом высказалась Рая: «Проблемы случались из-за матерей, они приходили в общее пространство и начинали устанавливать свои правила... типа чтобы пол всегда был чистый». Родители детей пытались установить новые отношения взаимности, в которых то, что происходило в жизни ребенка и его родителей (например, неудобство от громких песен или грязного пола), автоматически происходило и с их соседями, однако последние, во множестве случаев действуя с оглядкой на Других, оказались не готовы делать это в еще большем числе практик — действовать с оглядкой еще и на ребенка и его родителей.

Общая осведомленность о вещах в личных комнатах, обеспечивающая информационную проницаемость пространства коммуны, связана с порядком их заселения. Новый член коммуны, как правило, занимает комнату, временно оставленную «залогодержателем». К «залогодержателям» принадлежат жители ДОма, внесшие залог в «общак» коммуны, он равен месячной плате за аренду комнаты и может быть передан арендодателю, в случае если один из членов коммуны покинет ее и, имея долги за аренду, откажется их покрывать. По возвращении «залогодержателя» в коммуну новый житель чаще всего переезжает в другую комнату. Смена комнат происходит до момента, когда «освободится залог», т.е. один из «залогодержателей» покинет коммуну и тем самым даст возможность внести залог кому-то другому.

Значимая часть жителей ДОма не принадлежит к категории «залогодержателей»: являясь «временными» или «постоянными» жителями, они занимают ту комнату, в которой на данный момент не живет ее, например, отправившийся в путешествие «залогодержатель». Поскольку «залогодержатели» периодически возвращаются, эти люди вынуждены с некоторой регулярностью менять комнаты. Как уже упоминалось выше, это имело место и со мной: по истечении месяца жизни в комнате, залогодержателем которой являлся Коля, временно отсутствовавший в ДОме, я переехал в соседнюю комнату, договорившись с Алисой, которая меняла комнату, но продолжала быть «залогодержательницей» предыдущей, где теперь жил я. Практически все, кто является «залогодержателями» тех или иных комнат, в ранний период своего пребывания в ДОме таковыми не были и, как следствие, были вынуждены также менять комнаты.

Оставленные в ДОме залоги, как и вещи (например, упомянутая в начале статьи карта), принадлежащие «залогодержателю», участвуют в формировании киборгов, выступая в них в качестве инструментов.

«Залогодержатель» сохраняет связь с присвоенной ему комнатой, даже покидая коммуну. Он передает ДОму залог, не расставаясь с ним оконча-

тельно (*keeping-while-giving*) (Weiner 2001) и благодаря этому сохраняет своеобразное представительство в сообществе. С помощью залога жителями коммуны конструируется киборг, благодаря которому появляется возможность уйти, оставшись. Наряду с залогом «залогодержатель» оставляет свои вещи и даже запахи. Анель, живущая в комнате, откуда была изъята и куда была возвращена упомянутая во вступном разделе статьи карта, по ее словам, «очень чувствительна к запахам», а Анна («залогодержательница») «принадлежит к большим любителям благовоний». Рассуждения об этом, Анель подвела итог словами: «Кажется, я даже сейчас чувствую благовония».

Оставленные в комнате вещи сами по себе не дают право вновь поселиться в комнате, однако, как уже было сказано выше, оставляют возможность туда вернуться. Прошлый хозяин комнаты никогда не становится прошлым полностью. Таким образом, отношения-киборги связывают максимально приватные личные комнаты с максимально публичным пространством, внешним по отношению в ДОму, — делают границы между ними более проницаемыми.

Будущие хозяева комнаты также заранее связываются с ее материальностью. Вещи и интерьер служат основой для выбора будущей комнаты. Так, Клава переехала в комнату, где жила последние три месяца к моменту моего приезда, ориентируясь на тот факт, что на втором этаже, служащим кроватью, закреплены качели. Это же стало мотивом Алисы, которая въехала в эту комнату после, как раз оставив комнату, которую я занимал второй. Ник предпочел стать «залогодержателем» именно той комнаты, где он проживал на момент моего полевого исследования, по наличию в ней большого стола, подходящего для обилия его компьютерной техники. Колиными ориентирами в таком же выборе было глубокое кресло и балкон (именно эту комнату он передал во временное пользование мне). Анель изначально планировала переехать в комнату, «залогодержательницей» которой является Анна, по той причине, что там было постелено самое новое во всем ДОме покрытие пола.

Агентность тех, кто только желал переехать в комнату, но не жил в ней, значительно ниже оставлявших свои комнаты «друзей ДОма» — создаваемый ими киборг, направленный в будущее, а не в прошлое (как в случае с оставленными вещами) оказывается не столь эффективен. Тот или иной элемент интерьера связывает потенциальных претендентов с комнатой и до какой-то степени приводит к их переезду, однако не только не гарантирует этого, но и не делает более весомой их кандидатуру.

Агентность, приобретаемая посредством создания киборга владельцем оставленной в комнате вещи, нормативно ограничена.

В частности, это послужило основанием конфликта между Клавой и Настей. Клава жила в комнате, которую выбрала, как уже упоминалось, среди прочего из-за качелей. Ее «залогодержательницей» была Настя, уехавшая в путешествие. Для описания их отношений информанты использовали формулу «Клава живет в доме-музее Насти». Настя требовала ни в коем случае не перемещать ее вещи и предупреждать всякий раз, когда в комнате появлялся кто-нибудь, кроме Клавы. Это привело к тому, что Клава сменила комнату, вслед за ней туда въехала Алиса, оставив предыдущую комнату мне. Рассчитывая на поддержку «домашних», она планировала на одном из собраний поднять вопрос о том, может ли оставаться «залогодержателем» человек, долго отсутствующий в ДОме, поскольку Настя не жила в нем уже более года.

«Дом-музей» — это киборг, вышедший из-под контроля. Агентность хозяйки вещей, существующая благодаря этим самым вещам как инструментам, не просто предполагала возможность возвращения на тех или иных условиях (как «залогодержательницы» или «друга ДОма») — Настя получила власть над приватным пространством другой жительницы ДОма, что и стало причиной недовольства и попыток лишить ее этой агентности.

Агентность инструментов внутри киборгов могут обретать не только оставленные вещи, но и люди. Те, кто некогда жил в коммуне, сохраняют свой круг общения среди «домашних» («компанию»). Например, Дана, с которой я общался больше, чем с другими членами коммуны, покинула ДОм через несколько месяцев после меня и, узнав, что я размышляю над тем, чтобы вновь переехать туда, утверждала, что это очень удобно для нее, поскольку ей будет, к кому прийти туда в гости. Аналогично, покинув ДОм, я договаривался о посещении его в качестве гостя с теми, с кем общался до того, а приглашая меня в гости, говорили (или писали) о тех, кто хотел бы меня видеть, формулой «тебя ждут [перечисление имен и прозвищ]».

Участники организуемого в ДОме мероприятия также приходят по приглашению его организатора из «домашних». Стоит также добавить, что именно люди, которые «ждут» гостя, особым образом приветствуют его (чаще всего объятиями), в то время как другие знакомые в ДОме ограничиваются только вербальным приветствием, а, учитывая, что состав «домашних» все время меняется, большинство его жителей со временем вовсе перестают здороваться с гостем, взаимодействие с ними сводится к вежливому невниманию по Э. Гофману (Гофман 2017).

Те, кто «ждут» бывшего и/или потенциального жителя «в гости», также представляют его кандидатуру на предварительном обсуждении,

если тот решает, поселиться в коммуне впервые или вновь, когда освобождается одна (или более) комната. В этом случае объявление о поиске нового жителя может вовсе не публиковаться. Таким образом, покидая ДОм, его житель остается представлен в нем своей «компанией», это позволяет им сформировать киборга, благодаря которому он в любой момент может появиться в «общих местах». С помощью своих представителей/инструментов, находясь в максимально публичном пространстве за пределами коммуны, «друг ДОма» обеспечивает связь с ее более частными «общими местами».

Заключение

Пространство коммуны ДОм на Синей ветке, будучи структурировано в логике континуума публичного и частного, разделяется на зоны от большей частности к большей публичности. Эти границы, однако, прозрачны и проницаемы. Люди, вовсе не живущие в ДОме, проникают в максимально частные личные комнаты, а практики более публичных «общих мест» определяются тем, какой эффект они производят в частных пространствах и наоборот.

Проницаемость коммунального пространства не существует сама по себе. Она обуславливается сетями связанных с ДОмом отношений и включенных в них акторов. Как в личных комнатах, так и в «общих местах» «домашние» действуют в рамках отношений взаимности — с оглядкой на осведомленного об их действиях Другого. Посредниками между человеческими участниками отношений взаимности часто выступают вещи и звуки. Осведомленность жителей ДОма о вещах и звуках в нем создает их отклик на чужие действия и заставляет действовать с учетом отклика Других. Вещи и звуки не просто разделяются как нечто доступное многим и тем самым публичное: особенности вещей и звуков, их агентности определяют необходимость действовать с учетом Другого. Таким образом, проницаемость между «общими местами» и личными комнатами создается отношениями взаимности.

Покидая ДОм, его бывший житель образует киборгов с другими коммунальными акторами. Он остается представлен в ДОме через инструменты (по М. Стратерн) — через свои вещи, которые хранятся в личных комнатах, занимаемых их новыми хозяевами, через связанных с ним людей и в ряде случаев через оставляемый им «залог». Благодаря вещам и людям он может вернуться в частное или публичное пространство коммуны в качестве гостя, кандидата на одну из комнат или того, кто хочет забрать свои вещи. Его связь с ней не будет разорвана — он останется «другом ДОма». В отличие от отношений взаимности, киборги

создают проницаемость между ДОмом (его комнатами и «общими местами») и полностью публичным внешним миром.

Распределенная агентность внутри отношений взаимности и киборгов ограничена. Вещи, «компания» и залог дают возможность вернуться, но не предполагают права распоряжаться пространством комнаты, когда там живет кто-то другой. А отношения взаимности совсем не всегда дают возможность определить, как именно должны действовать акторы, участвующие Другого.

Прозрачность пространства ДОма создается отношениями взаимности и киборгами между различным образом локализованными агентами. Этими акторами являются как жители коммуны, так и их общий мир, представленный не пассивными объектами, на которых обращен взор акторов, но особого рода агентами — инструментами внутри киборгов и посредниками в отношениях взаимности. Все агенты, вовлечены в отношения и взаимодействия не автономно — их агентность распределяется и тем самым воспроизводит прозрачность/проницаемость границы публичного и частного в коммуне.

Коммуна ДОм, таким образом, является совокупностью локализованных отношений (распределенных агентностей) разного рода, включающей в себя отношения взаимности и киборгов. Вся она, впрочем, не может быть исчерпывающе описана в рамках одной статьи.

Выражение благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-18-00962 «Экономическая антропология домохозяйства современной России за пределами мегаполисов» при финансовой поддержке Российского научного фонда. Автор выражает благодарность за ценные советы и мысли Николаю Ссоринову-Чайкову и участникам Антропологического кружка, а также всем своим собеседникам, которые встретились ему в ДОме и за его пределами.

Литература / References

- Арендт Х. (1996) *Истоки тоталитаризма*. М.: Центрком.
Arendt H. (1996) *The origins of totalitarianism*. Moscow: Centrcom (in Russian).
Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.
Arendt H. (2000) *Vita activa, or On active life*. St. Petersburg: Aleteyja (in Russian).
Богданова Е. А. (2017) Границы между частным и публичным в звуковом сообществе: исследование современного русского села. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 9(1): 4–29.
Bogdanova E.A. (2017) Rethinking public and private in an acoustic community: investigation of contemporary Russian village. *Laboratorium: zhurnal social'nykh*

issledovaniy [Laboratorium: Russian review of social research], 9(1): 4–29 (in Russian).

Бойм С.Ю. (2002) *Обице места: Мифология повседневной жизни*. М.: Новое литературное обозрение.

Boym S.Yu. (2002) *Common paces: mythologies of everyday life*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Бредникова О.Е. (2021) «Я с соседями совсем не общаюсь...»: соседство как рутинное взаимодействие. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 13(2): 101–123.

Brednikova O.E. (2021) “I don’t communicate with my neighbors at all”: neighboring as a routine interaction. *Laboratorium: zhurnal social’nyh issledovaniy* [Laboratorium: Russian review of social research], 13(2): 101–123 (in Russian).

Герасимова Е.Ю. (1998) Советская коммунальная квартира. *Социологический журнал*, 1/2: 224–241.

Gerasimova E.Yu. (1998) Soviet communal apartment. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 1/2: 224–241 (in Russian).

Герасимова Е.Ю. (2000) *Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Ленинграда, 1917–1991)*: дис. ... канд. соц. наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб.

Gerasimova E.Yu. (2000) *The Soviet communal apartment as a social Institution: a historical and sociological analysis (based on the materials of Leningrad 1917–1991)*. Dissertaciya kandidata sociologicheskikh nauk, Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. Sankt-Peterburg (in Russian).

Гофман Э. (2017) *Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ*. М.: Элементарные формы.

Goffman E. (2017) *Behavior in public places: notes on the social organization of gathering*. Moscow: Elementarnye formy (in Russian).

Гурова О.Ю. (2004) Нижнее белье в советской культуре: особенности приватной вещи. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 7(2): 99–114.

Gurova O.Yu. (2004) Underwear in Soviet culture: features of a private thing. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 7(2): 99–114 (in Russian).

Гурова О.Ю. (2008) *Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью*. М.: Новое литературное обозрение.

Gurova O.Yu. (2008) *Soviet underwear: between ideology and everyday life*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Корюхина И.Ю., Куклина В.В. (2019) О гетеротопии коммодифицированного жилого пространства (случай Байкальска). *Социологическое обозрение*, 18(1): 36–55.

Koryukhina I. Yu., Kuklina V. V. (2019) On Heterotopia of a Commodified Dwelling Space (Case of Baikal'sk) *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian sociological review], 18(1): 36–55 (in Russian).

Мануйлов А.Н. (2007) Практики приватности в южно-российском селе (кейс-стади). *Антропологический форум*, 6: 177–204.

Manuylov A.N. (2007) Praktiki privatnosti v yuzhno-rossijskom sele (kejs-stadi) [Privacy practices in South Russian village (case study)]. *Antropologicheskij forum* [Forum for anthropology and culture], 6: 177–204 (in Russian).

Рахманова Л.Я. (2018) Интимные пространства для тела и души в деревне: неловкость, смущение и стыд как часть включенного наблюдения. *Кунсткамера*, 2: 12–18.

Rakhmanova L.Ya. (2018) Intimate spaces for body and soul in the village: awkwardness, embarrassment and shame as a part of the participant observation. *Kunstkamera*, 2:12–18 (in Russian).

Соколовский С.В. (2022) Тело киборга: человек и концепция расширенного организма. *Сибирские исторические исследования*, 2: 6–26.

Sokolovskiy S.V. (2022) The Cyborg Body: human being and the concept of an expanded organism. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 2: 6–26 (in Russian).

Ссорин-Чайков Н.В. (2009) Предел прозрачности: черный ящик и антропология врага в ранней советологии и советскости. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.Р. (ред.) *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ: 19–57.

Ssorin-Chaikov N.V. (2009) The limit of transparency: the black box and the anthropology of the enemy in early sovietology and sovietness. In: Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.R. (eds.) *Visual anthropology: modes of visibility under socialism*. Moscow: ООО «Variant»; CSPGI: 19–57: (in Russian).

Утехин И.В. (2004) *Очерки коммунального быта*. М.: ОГИ.

Utekhin I.V. (2004) *Essays on communal mode of life*. Moscow: OGI (in Russian).

Утехин И.В. (2007) О бытовом ограждении. Левинтон Г.А., Вахтин Н.Б. (ред.) *АБ-60. Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: 375–383.

Utekhin I.V. (2007) On domestic fencing. In: Levinton G.A., Vakhtin N.B. (eds.) *AB-60. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of A. K. Bayburin*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 375–383 (in Russian).

Харауэй Д. (2005) Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. Бредихина Л.М. (ред.) *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000*. М.: РОССПЭН: 322–377.

Haraway D. (2017) A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. In: Bredihina L.M. (ed.) *Gender theory and art. Anthology: 1970–2000*. Moscow: ROSSPEN: 322–377 (in Russian).

Altman I. (1975) *The Environment and Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory, Crowding*. Monterey: Brooks; Cole Publishing.

Azozomox, Kuhn A. (2018) The Cycles of Squatting in Berlin. Martínez López M. A. (ed.) *The Urban Politics of Squatters' Movements*. New York: Palgrave Macmillan: 145–164.

Boym S. (1994) The Archeology of Banality: The Soviet Home. *Public Culture*, 6(2): 263–292.

Brown S.L. Introduction. In: Brown S.L. (ed.) *Intentional Community: An Anthropological Perspective*. New York: University of New York Press: 1–17.

Clynes M.E., Kline N.S. (1960) Cyborgs and space. *Astronautics*, Sept: 6–27, 74–77.

Dee E.T.C. (2016) Squatted Social Centers in London: Temporary Nodes of Resistance to Capitalism. *Contention*, 4(1–2): 109–127.

Geest S. van der (2018) Privacy from an Anthropological Perspective. In: Sloot B. van der, Groot A. de (eds.) *The Handbook of Privacy Studies: An Interdisciplinary Introduction*. Amsterdam: Amsterdam University Press: 413–444.

Gerasimova E. (2003) Public Spaces in the Communal Apartment. In: Ritter-sporn G.T., Rolf M., Behrends J.C. (eds.). *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs: Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag: 165–195.

John G. (2017) Sharing Knowledge, Making Place: Exploring “the Social” in Co/mmunity Living in London. In: Knox H., John G. (eds.) *Speaking for the Social*. New York: Punctum Press: 129–154.

Kadir N. (2016) *The Autonomous Life? Paradoxes of Hierarchy, Authority, and Urban Identity in the Amsterdam Squatters Movement*. Manchester: Manchester University Press.

Kuper A. (1994) *The Chosen Primate: Human Nature and Cultural Diversity*. Cambridge; London: Harvard University Press.

Madanipour A. (2003) *Public and Private Spaces of the City*. London; New York: Routledge.

Miller T. (1998) *The Quest of Utopia in Twentieth Century America*. Vol. I: 1900–1960. Syracuse; New York: Syracuse University Press: XX–XXI.

Muri A. (2007) *The Enlightenment Cyborg: A History of Communications and Control in the Human Machine, 1660–1830*. Toronto: University of Toronto Press, 2007.

Okely J. (2012) *Anthropological Practice: Fieldwork and the Ethnographic Method*. London; New York: Routledge.

Reed A. (1999) Anticipating Individuals: Modes of Vision and Their Social Consequence in a Papua New Guinean Prison. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 5(1): 43–56.

Sahlins M. (2013) *What kinship is — and is not*. Chicago: University of Chicago Press.

Sennett R. (2018) The public realm. In: Hall S., Burdett R. (eds.). *The SAGE Handbook of the 21st Century City*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC; Melbourne: Sage reference: 585–601.

Strathern M. (1988) *The Gender of the Gift*. Berkeley, Los Angeles; London: University of California Press.

Strathern M. (2004) *Partial Connections*. Walnut Creek; Lanham; New York; Toronto; Oxford: Altamira Press.

Sue S. (2005) Body and Soul: A History of Cyborg Theory. In: Sue S. *Cyborg Cinema and Contemporary Subjectivity*. New York: Palgrave Macmillan: 34–54.

Thévenot L. (2020) How Does Politics Take Closeness into Account? Returns from Russia. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 33(2): 221–250.

Weiner A. (2001) *Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While-Giving*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: California University Press.

RELATIONS AND CYBORGS: PUBLIC AND PRIVATE IN AN URBAN COMMUNE

Artem Kotelnikov (a-k-v-2m-s@mail.ru)

HSE University, St. Petersburg, Russia

Citation: Kotelnikov A. (2025) Relations and cyborgs: public and private in an urban commune. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 228–257 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.10> EDN: HNYDGP

Abstract. The article presents ethnographic research of one of about a dozen communes of St. Petersburg, based on cohabitation and common housing by people who are not blood or family related to each other in large apartments (once communal flats or dormitories). I consider the problem of the interrelation between private and public in a situation of uncertainty (transparency) of the boundaries between them, which is characteristic of communal life in the context, the importance of things as actors within this transparent space and dividual agency within it. Studies devoted to this kind of uncertainty either do not discuss the transparency of the boundaries of public and private, explaining the uncertainty in a different way (for example, through transitional spheres or performativity), or only state its existence without clarifying its structure. As an alternative analytical tool, I turn to Marilyn Strathearn's concept of relationships, which identifies two forms of dividual agency relevant to the realities of the commune I am exploring: 1) mutuality and 2) cyborg relations. The former presupposes an agency of actors in which an action is performed with an eye to and from the Other, while within the latter, some actors act as representatives of others. The mutuality relationship in the commune involves intermediaries. More often it is sounds or things. The connection with these intermediaries connects different people's private spaces and the public space of the commune. In turn, cyborgs, which include representatives of ex-residents of the commune — other people, ex-residents' belongings and rental liens — make it possible for these ex-residents to return to the commune space and, thus, connect the public

space outside it and its private sphere. The permeability of a commune's space is determined and structured in different ways by localized forms of dividual agency within it.

Keywords: urban commune, intentional community, public and private, transparency, mutuality relations, cyborg, dividual agency, common world.

Acknowledgments

Research for this article was conducted within the RSF project no. 23-18-00962 "Economic Anthropology of Household in Contemporary Russia outside Metropolitan Areas" with finding from the Russian Science Foundation. The author expresses appreciation for the valuable advice and thoughts of Nikolai Ssorin-Chaikov and Anthropological kruzhok participants, as well as to all his interlocutors who met him in the DOM and beyond.

РЕЦЕНЗИИ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ П.А. СОРОКИНА

Сводная рецензия: Черновики Питирима Сорокина: сборник архивных материалов (2019). Сост. Н.Ф. Зюзев. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина; Черновики Питирима Сорокина: публицистические материалы (2022). Сост. и науч. ред. Н.Ф. Зюзев; отв. за выпуск А.А. Мамедов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина; Питирим Сорокин: архивные материалы (2024). Сост. и пер. А.А. Мамедов; науч. ред. Н.С. Сергиева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина

Николай Александрович Головин (n.golovin@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Петербург, Россия

Цитирование: Головин Н.А. (2025) Архивные материалы в изучении творческого наследия П.А. Сорокина. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 258–266. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.11> EDN: HQXPAB

С 2019 г. Международный центр социальных исследований им. Питирима Сорокина в Сыктывкарском государственном университете издает черновики журнальных статей, рецензий, другие подготовительные научные материалы из творческого наследия русского и американского социолога П.А. Сорокина (1889–1968), а также малодоступные публикации его журнальных статей. Издания представляют собой переводы научных материалов с английского языка на русский вместе с их англоязычными оригиналами. Общее название издаваемой серии пока отсутствует, названия отдельных выпусков варьируются. Издания стали возможны благодаря сотрудничеству центра с отделом архивов и специальных коллекций Университета Саскачевана (Канада).

В первом выпуске «Черновики Питирима Сорокина: сборник архивных материалов» (2019, составитель, переводчик и автор предисловия Н.Ф. Зюзев) представленные десять материалов сгруппированы тематически: социологическая теория, этика альтруизма, книжные рецензии. Согласно издателю, они опровергают мнение многих коллег и современников Сорокина о «моралистическом повороте» в его творчестве, якобы произошедшем после Второй мировой войны, в результате которого он обратился к поискам путей альтруистической трансформации общества. Материалы

выпуска позволяют понять, что в действительности такого поворота не было, а гуманистическое общество — изначальная и неизменная цель его социологической программы. Достаточно обратиться к программной журнальной статье Сорокина «Социология и этика» (1927), в которой прямо заявлена названная цель, чему и послужит социология. Еще более ранним (но не самым ранним) подтверждением тому являются научно-популярные книги Сорокина «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве», «Общедоступный учебник социологии» и «Популярные очерки социальной педагогики и политики» (1919–1923), подготовленные еще в Советской России. Так, в первой из них утверждается: «Только право взаимной солидарности и любви является правом, осуществляющим заветы *братства, равенства и свободы*. Таков правовой идеал человечества, и таковым должно быть право идеального общества... Если окажется, что поступательным ходом истории право и поведение людей все более и более приближаются к очерченному идеальному обществу, построенному на праве взаимной любви и солидарности, это будет означать прогресс и улучшение правового состояния человечества» (Сорокин 2021: 160–161). *Материалы сборника помогают проследить глубокую и раннюю связь социологии и этики альтруизма в творчестве Сорокина*. С учетом этого публикуемый в первом выпуске сборника послевоенный материал «Альтруизм» лишь подчеркивает досадную невостребованность обществом альтруистической энергии. После войны Сорокин лишь добавляет ноу-хау: «Научных знаний об альтруистической энергии пока немного. Наше “ноу-хау” о том, как следует ее производить, аккумулировать, пускать в обращение и использовать в обществе, тоже весьма ограничено» (Черновики 2019: 81). Таким образом, материалы первого выпуска сборника в контексте всей научной программы Сорокина подтверждают, что гуманистическое общество, скрепленное альтруистической любовью, являются ранним и неизменным идеалом социолога Сорокина, ищущего средства его трансформации к идеалу.

В первый выпуск, в отличие от последующих, включены книжные рецензии, а также предисловие к книге М. Саркисянца «Россия и мессианизм Востока»¹, которые примечательны, однако оставлены составителем

---

¹ В 1950-е годы книга вызвала резонанс: в девяти странах было опубликовано не менее 40 отзывов на нее. Общеизвестное русское издание книги М. Саркисянца вышло в свет в 2005 г. под названием «Россия и мессианизм: к “русской идее” Н.А. Бердяева» с предисловием П.А. Сорокина, текст которого несущественно отличается по смыслу от публикуемого в первом выпуске сборника «Предисловия». Само русское издание представляет собой перевод с немецкого издания книги “Russland und der Messianismus des Orients” (1955).

без комментариев. В первой из рецензий «Заметки о книге Т. де Шардена “Феномен человека”», воздавая должное полноте анализа проблемы эволюции мироздания в концепции известного французского теолога и философа, концепции все-таки отказано в новизне. Это обстоятельство наверняка связано со студенческой молодостью Сорокина, когда он разбирался в проблемах мироздания под влиянием философии лимитизма К.Ф. Жакова. Действительно, стремление к пределу наблюдается даже в развитии права, которое в идеале отомрет, что зафиксировано в «Элементарном учебнике общей теории права...» (1919). Еще более наглядным подтверждением влияния философии лимитизма представляется теорема о пределе структурной вариативности социальных систем: «Все социокультурные системы изменяются ритмично, последовательно перебирая все доступные возможности самосохранения», — и тезис о том, что перебор системой вариантов стабилизации не может продолжаться до бесконечности в силу внутренних ограничений системы (цит. по: Светлов 2009: 157). Пример показывает, сколь глубинные связи в творчестве Сорокина помогают выявить публикации в рецензируемых изданиях.

Другая публикуемая книжная рецензия «Карл Мангейм. Человек и общество в век преобразования: исследования современной социальной структуры» (1940, расширенное и переработанное немецкое издание книги “Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus”, 1935), свидетельствует не только о вполне ожидаемом от автора «Социальной и культурной динамики» (1937, 1941) интересе к тематике изучения переходных эпох. Рецензия указывает и на постоянное внимание к формированию социологии знания, участником которого был Сорокин. Пусть, по его мнению, «данная работа, в отличие от “Идеологии и утопии” Мангейма, не является систематическим исследованием на точно обозначенную тему, а напоминает порхание по различным и свободно связанным темам нашего переходного века» (Черновики 2019: 138), она все равно свидетельствует о большой значимости для него социологии знания (*Wissenssoziologie*). Действительно, в третьем томе «Динамики» (1937) Сорокин прямо относит себя к числу ее основателей, часто пользуется немецким термином *Wissenssoziologie*. При описании исторической флуктуации идей в науке, философии и религии, он заявляет, что его «социология знания, такая же, как и современная *Wissenssoziologie*» (Сорокин 2020а: 26). Он полагает, что, исследуя проблемы эпистемологии и логики, «социолог мог бы сказать свое слово» (Сорокин 2020б: 240). Более того, в опубликованной в 1953 г. другой журнальной рецензии, не вошедшей в рецензируемые здесь издания, отмечена тщательность исследования «джунглей социологии зна-

ния» Мангеймом, существенное сходство идей рецензирующего и рецензируемого автора в общей социологии в целом и в социологии знания. Наконец, в 1963 г. он сам сделал это в очерке «Социология моей ментальной жизни», где социологию знания использовал для описания собственной научной социализации. К предмету *Wissenssoziologie* там отнесено: «... изучение факторов, обуславливающих существенное содержание, конфигурации и трансформации ментальной жизни индивида или группы» (Sorokin 1963: 3). Публикация рецензируемых материалов сборников ставит новый исследовательский вопрос о том, что такое социология знания по Сорокину.

Весьма интересно содержание второго выпуска сборника архивных материалов «Черновики Пителима Сорокина: публицистические материалы» (2022, составитель и научный редактор Н.Ф. Зюев, ответственный за выпуск А.А. Мамедов). Теоретическая социология представлена в них в аспекте смены поколений в науке об обществе, что значимо с точки зрения ее истории. Вопросы альтруистической этики представлены философско-антропологическими материалами.

Публикуемые материалы содержат многочисленные ссылки и указания П.А. Сорокина на свои труды по практическому воплощению альтруизма. Публикация журнальной статьи «Изящные искусства в программах высшего образования» (1957) разъясняет, как в условиях упадка искусства в нынешнюю чувственную эпоху через привлечение учащейся молодежи к искусству может быть проложен один из путей к третьей волне желанной идеациональной (высокоидейной) культуры.

Материалы второго выпуска раскрывают отношение Сорокина к политической ситуации и конфликтам в современном мире (период войны США во Вьетнаме, 1955–1975). Поиск путей создания альтруистически организованного общества идет именно на этом историческом фоне. Составитель и научный редактор выпуска Н.Ф. Зюев обращает внимание читателя на следующее важное обстоятельство: «Читая эти тексты, надо помнить, что они написаны в публицистическом жанре, а значит автор позволял себе иногда быть эмоциональным, иногда преувеличивать, иногда “забывать” какие-то важные факты. Задача публицистики — не только представить проблему, но и убедить читателя в своей точке зрения», — именно к этому стремится Сорокин в работе над будущими публикациями (Черновики 2022: 11–12). Здесь же со ссылками на публикуемые материалы составитель раскрыл творческую мотивацию Сорокина, который «может быть, не писал бы этих критических строк, если бы у него не было рецепта, с помощью которого больших бед можно было бы если не совсем избежать, то хотя бы смягчить. Его советы по измене-

нию системы и принципов взаимоотношений между людьми и народами опираются на принципы тщательно разработанной теории альтруизма. О тех выводах, к которым Сорокин пришел, рассказывается в статьях “Бескорыстная творческая любовь и свобода” и “Некоторые направления деятельности Гарвардского центра по изучению творческого альтруизма”, главный из которых заключается в том, что все надежды человечества на исправление мира любыми другими путями, кроме развития атмосферы доверия и сотрудничества между людьми, утопичны и бессмысленны. В статье “Выбор — за человечеством” он как раз и обсуждает, как бессильны современные социальные институты в их нынешней форме в своих попытках решить эти задачи» (Черновики 2022: 9). Тем самым второй выпуск сборника привлекает внимание к конкретно-историческому контексту творчества Сорокина. Он примечателен также участием студентов в подготовке текстов архивных материалов в качестве переводчиков под руководством опытных специалистов.

Третий выпуск «Питирим Сорокин: архивные материалы» (2024, составитель и переводчик А.А. Мамедов, научный редактор Н.С. Сергиева), отличается от предыдущих выпусков тем, что большинство его материалов были уже опубликованы Сорокиным, но остаются малодоступными для специалистов, за исключением журнальной статьи «Экспериментальное исследование эффективности работы в различных заданных условиях», опубликованной в 2022 г. в переводе с немецкого языка на русский в журнале «Социологические исследования» под названием «Производительность и поощрение труда (экспериментальные исследования на детях 3–4 и 13–14 лет)» и другой статьи по материалам тех же социологических экспериментов об альтруизме респондентов на словах и на деле, опубликованной там же. В данный выпуск вошли экспериментальные подготовительные материалы к названным журнальным статьям, опубликованным в Германии в 1928 г. Материалы позволяют заключить, что поиск путей к гуманистическому обществу был активизирован тотчас по готовности рукописи книги «Современные социологические теории» (1928), а также побывать в творческой лаборатории социолога (в терминах издателей выпуска — на его «исследовательской кухне»: Питирим Сорокин 2024: 6).

Публикуемый материал «Некоторые базовые факторы повышения качества образования студентов» познавателен в аспекте понятия качества образования. Под ним понимается «более качественное, глубокое и точное понимание и осмысление социальных явлений», — определяет понятие Сорокин и называет его главные предпосылки: научный уровень преподавателей и научный уровень лидеров науки в данный период времени

(Питирим Сорокин 2024: 123), что настолько точно определено, что вряд ли допускает дальнейшее уточнение.

Включенная в выпуск ранее опубликованная в 1938 г. на английском языке ныне малодоступная журнальная статья «Метафизика и социально-политические воззрения. Некоторые забытые факты» посвящена связи фундаментальной теории и социально-политических воззрений теоретика на примере критики точек зрения на названный предмет двух американских философов, которые по-разному определяли такую связь с либерализмом либо консерватизмом в политике. Сорокин доказывает тезис об отсутствии общей связи между фундаментальной теорией и идеологией. Знание им существа вопроса как опытным практическим политиком (пусть бывшим российским), особенно в отношении трудного для точного понятийного определения политического консерватизма впечатляет даже с учетом современного опыта исследований идеологий. Актуальность и практическая польза данной публикации состоит в защите наук о политике от научных стереотипов. Например, будто бы интерес к проблематике сохранения общества в теории непременно означает консерватизм в политической позиции ученого. Такое суждение было высказано леворадикальными социологами-современниками теоретика общества Т. Парсонса, что неверно, так как найти ссылки на Парсонса в сочинениях идеологов политического консерватизма пока не удается.

Всего в трех рецензируемых выпусках сборника опубликовано около тридцати научных материалов, помогающих проследить важные, но не всегда заметные связи идей в научной программе Сорокина в ходе ее реализации. Социолог предстает в этих публикациях как теоретик общества, исследователь социального поведения, автор оригинального этического учения, социальный педагог, преподаватель. У рецензируемой серии сборников есть авторитетные предшествующие издания архивных материалов Сорокина, перспективы таких изданий связаны с «революцией архивов» начала XXI в.: их раскрытием, оцифровкой и растущей общедоступностью. Это открывает новые возможности для исследователей-историков науки (Зарубина 2021).

Даже на фоне самого масштабного издательского проекта российской социологии — собрания сочинений Сорокина в 30 томах — выпуски сборников с подготовительными научными материалами остаются особым событием в возвращении на родину творческого наследия социолога. Сборники можно порекомендовать прежде всего специалистам, но социология как центральная наука об обществе и о социальных отношениях человека интересна всем. Материалы сборников подтверждают это.

Литература / References

Зарубина Н.Н. (2021) Актуализация методологического наследия М. Вебера в поисках ответов на вызовы современной социологии. *Социологические исследования*, 4: 3–14.

Zarubina N.N. (2021) Updating the Methodological Heritage of M. Weber in Search for Answers to the Challenges of Modern Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 4: 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250009355-3> (in Russian).

Питирим Сорокин: архивные материалы (2024). Сост. и пер. А.А. Мамедов; науч. ред. Н.С. Сергиева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина.

Pitirim Sorokin: Archival Materials (2024) Compiled and translated by A.A. Mamedov; ed. by N.S. Sergieva. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publishing House (in Russian).

Светлов В.А. (2009) *Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов*: учеб. пос. М.: Либроком.

Svetlov V.A. (2009) *Introduction to the Unified Theory of Conflict Analysis and Resolution*. Moscow: Librokom (in Russian).

Сорокин П.А. (2020а) Предисловие к полному изданию. В кн.: Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика*. Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.: Академ. проект: 24–28.

Sorokin P.A. (2020a) Preface to the Complete Edition. In: Sorokin P.A. *Social and Cultural Dynamics*. Translated from English, introductory article and commentary by V.V. Sapov. Moscow: Akademicheskii projekt: 24–28 (in Russian).

Сорокин П.А. (2020b) *Социальная и культурная динамика*. Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М.: Академ. проект.

Sorokin P.A. (2020b) *Social and Cultural Dynamics*. Translated from English, with an introductory article and commentary by V.V. Sapov. Moscow: Akademicheskii projekt (in Russian).

Сорокин П.А. (2021) Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. В кн.: Сорокин П.А. *Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики*. Сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.; СПб.; Сыктывкар: Центр гуманитарных инициатив: 21–192.

Sorokin P.A. (2021) Elementary Textbook of the General Theory of Law with the Doctrine of the State. In: Sorokin P.A. *Popular Essays on Legal Theory, Sociology and Social Pedagogy*. Comp., ed., foreword and commentary by V.V. Sapov. Syktyvkar: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ: 21–192 (in Russian).

Сорокин П.А. (2022) Эксперименты в социологии. О степени выраженности некоторых проявлений товарищества (альтруизма) на деле и на словах в зависимости от социальной дистанции. *Социологические исследования*, 1: 93–98.

Sorokin P.A. (2022) Experiments in Sociology. On the Degree of Expression of Some Features of Solidarity (Altruism) in Deed and in Word in Relation to Social Distance. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1: 93–98 (in Russian).

Черновики Питурима Сорокина: сборник архивных материалов (2019). Сост. Н.Ф. Зюзов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина.

Pitirim Sorokin's Drafts: A Collection of Archival Materials (2019). Comp. by N.F. Zyuzev. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publishing House (in Russian).

Черновики Питурима Сорокина: публицистические материалы (2022). Сост. и науч. ред. Н.Ф. Зюзов; отв. за вып. А.А. Мамедов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина.

Pitirim Sorokin's Drafts: Journalistic Materials (2022). Comp. and ed. by N.F. Zyuzev; managing ed. A.A. Mamedov. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publishing House (in Russian).

Sorokin P. (1938) Metaphysics and Social Attitudes: Some Forgotten Facts. *The Social Frontier*, IV(33): 178–180.

Sorokin P. (1953) (Rezension): Mannheim K. (1952) *Essay of the Sociology of Knowledge*. Kecskemeti P. (ed.) L.: Routledge; Kegan Paul. 237 p. *Kyklos: internationale Zeitschrift für Sozialwissenschaften*, 4: 178–179.

Sorokin P. (1963) Sociology of my mental life. In: Allen P.J. (ed.) *Pitirim A. Sorokin in review: The American sociological forum*. Durham, NC: Duke University Press: 1–36.

ARCHIVAL MATERIALS FOR THE STUDY OF P.A. SOROKIN'S CREATIVE HERITAGE

Summary Review: *Pitirim Sorokin's Drafts: A Collection of Archival Materials* (2019) compiled by N.F. Zyuzev. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publishing House; *Pitirim Sorokin's Drafts: Journalistic Materials* (2022) compiled and edited by N.F. Zyuzev; managing editor A.A. Mamedov. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publishing House; *Pitirim Sorokin: Archival Materials* (2024) compiled and translated by A.A. Mamedov; edited by N.S. Sergieva. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publishing House.

Nikolay A. Golovin (n.golovin@spbu.ru)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Golovin N.A. (2025) Archival materials for the study of P.A. Sorokin's creative heritage. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 258–266 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.11> EDN: HQXPAB

Abstract. The publication of three issues of a Selected Archival Materials from the legacy of the Russian and American sociologist P.A. Sorokin (1898–1968), published by Pitirim Sorokin International Centre of Social Research at Syktyvkar State University, follows the growing interest of specialists and the public in the humanization of society. Thanks to cooperation with the University of Saskatchewan (Canada), Archives and Special Collections Department publishes little-available materials from the sociologist Pitirim Sorokin's creative heritage. In the first issue "*Pitirim Sorokin's Drafts: A Collection of Archival Materials*" compiled by N.F. Zyuzev (2019), the ten materials presented are grouped thematically: sociological theory, ethics of altruism, book reviews. The materials of the second issue reveal Sorokin's attitude to the political situation and conflicts in the modern world (the period of the US war in Vietnam, 1955–1975). The second issue of the collection draws attention to the historical context of Sorokin's work. It is also notable for the participation of students in the preparation of texts of archival materials as translators under the guidance of experienced specialists. The third issue "*Pitirim Sorokin's Drafts: Journalistic Materials*" differs from the previous ones in that most of its materials have already been published by Sorokin, but remain inaccessible to specialists. The materials of the issue allow us to conclude that the search for ways to a humanistic society was intensified immediately after the manuscript of the book *Modern Sociological Theories* (1928) was ready. All publications add to the knowledge of the structural links in the implementation of P.A. Sorokin's scientific program, dating back to his early scientific works. The prospect of publishing archival materials is increasing in the course of the 'archival revolution' — policy of ensuring wide openness and digitization of data contained in the repositories of society's historical memory.

Keywords: P.A. Sorokin, history of sociology, historical sociology, archival revolution, research program, ethics of altruism.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГОРОДСКИЕ АСИММЕТРИИ:
ПОЛИТИКИ, ПРАКТИКИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (2024)
ОТВ. РЕД. Е.В. ТЫКАНОВА. М.; СПб.:
ФНИСЦ РАН. — 264 с.**

Анна Михайловна Сосновская
(sosnovskaya-am@ranepa.ru)

РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сосновская А.М. (2025) Рецензия на книгу: Городские асимметрии: политики, практики и репрезентации (2024) отв. ред. Е.В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН. — 264 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 267–273.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.12> EDN: НТОНЈQ

Книга, подготовленная коллективом авторов, представляет собой глубокое исследование властно-гражданских отношений в контексте городских пространств, акцентируя внимание на асимметриях, возникающих в процессе распределения ресурсов и власти. В условиях современных городов, где социальные, экономические и политические неравенства становятся все более заметными, данное издание предлагает читателям всесторонний анализ механизмов, формирующих эти асимметрии.

Монография состоит из четырех разделов, каждый из которых охватывает различные аспекты взаимодействия между властными структурами и гражданским обществом.

Первый раздел «Асимметрия власти, городских пространств и ресурсов», посвященный экстрактивизму в городской среде, анализирует, как городские власти и девелоперы извлекают ценность из городских пространств, что приводит к перераспределению ресурсов и изменению социальной структуры. Авторы подчеркивают, что такие процессы часто сопровождаются вытеснением менее обеспеченных слоев населения, создавая новые формы неравенства.

В первой главе «Экстрактивизм в городской оправе: как из города извлекают ценность» (автор А.Е. Пискунова) городской экстрактивизм описывает процессы, при которых город становится местом извлечения прибыли из различных ресурсов, включая землю и общественные пространства: «В капиталистическом процессе накопления город занимает стратегическое место именно из-за возможности извлечения прибыли из производства, услуг, жилья и даже общественного пространства» (с. 19).

Во второй главе «Перераспределение власти и ресурсов в городской жилищной политике и системе управления городским хозяйством» (автор Г.В. Еремичева) анализируется тренд на усиление государственного вмешательства в рыночную экономику, что связано с необходимостью решения проблем социального неравенства. Социолог Еремичева показывает, что современные ученые предлагают «рассматривать “государство” в роли деятельного актора рыночной экономики, в качестве “государства-предпринимателя” готового рисковать и формировать рынок» (с. 40).

Вопрос доступности жилья для населения остается актуальным, и государство должно вмешиваться для решения этой проблемы: проблема обеспечения жильем «базового» слоя населения, который представляет практически всех работающих на государство граждан, «только рыночными механизмами до сих пор не решается» (с. 51).

В третьей главе «Современные социоурбанистические идеи в отношении пустых пространств» (автор О.В. Сергеева) подчеркивается важность переосмысления пустых пространств в городах и их роли в социальном, экологическом и культурном контексте, необходимость учитывать их потенциал в градостроительной политике, а также с точки зрения устойчивого развития, гибридизации и эстетики.

Пустыри могут рассматриваться как «экологические убежища», где находят приют разнообразные виды растений и животных. Сергеева пишет, что исследование заброшенных участков в разных городах мира «подталкивает к их пониманию в качестве “экологических убежищ”, где находят приют разнообразные виды растений» (с. 66).

Современные представления о городской природе подчеркивают ее гибридность, в ней смешиваются элементы дикой и управляемой природы. Текущий момент в социоурбанистике отмечен осмыслением гибридности городской среды, «чувствуется влияние онтологического поворота» (с. 65).

Пустыри и заброшенные места могут быть источником эстетического опыта и культурного самовыражения: «Эстетические характеристики пустырей и других спонтанных пространств городской природы, а также руин и оставленных человеком мест вызывают сложные ассоциации, поскольку они могут быть ареалами беспокойства, депрессии, но вместе с тем местами свободы, творческого самовыражения и собранием уникальных означающих» (с. 69).

Во втором разделе «Состязательная политика и городские общественные движения» рассматриваются городские общественные движения и их роль в состязательной политике. Авторы акцентируют внимание на том, как низовые инициативы могут оспаривать доминирующие позиции властей, формируя новые формы гражданского участия и сопротивления.

Это взаимодействие между различными группами интересов подчеркивает динамичность городской политики и необходимость учета мнений всех участников процесса.

Четвертая глава «Укорененность городских экологических конфликтов в полях стратегического действия» (авторы Е.В. Тыканова, А.М. Хохлова) посвящена экологическому активизму. Экологические проблемы и состояние окружающей среды являются значительными причинами беспокойства граждан России. Конфликты вокруг экологической безопасности занимают лидирующие позиции в структуре городских локальных споров.

Исследование двух кейсов (Самара и Нижний Новгород) показывает, как различные конфигурации полей стратегического действия влияют на исходы экологических конфликтов: «Представители полей общественных движений в обоих городах также подчеркивают решающее значение экзогенных факторов, порой преуменьшают свой вклад в динамику и результаты конфликтов и фреймируют их исходы в терминах “везения” или “невезения”. Со своей стороны представители государственных полей также обесценивают участие активистов в дискуссиях о судьбе парков, хотя в реальности иногда принимают во внимание их аргументы: так, самарские власти номинируют сохранение лесопарка им. 60-летия Советской власти в качестве своего “подарка” горожанам, тогда как нижегородские власти и вовсе стигматизируют активистов как одиозных противников любого городского развития и благоустройства или “городских сумасшедших”. Между тем нельзя недооценивать роль полей общественного движения в конфликтах. Как видим, в обоих случаях активистам удалось добиться трансформации политической повестки и в разной степени повлиять на политические решения, хотя признания со стороны оппонентов они не получили» (с. 113).

В пятой главе «Властно-гражданские отношения: взгляд через призму комплексного развития территорий массовой жилищной застройки 1960–1970-х годов» (автор Е.П. Евдокимова) рассматривается новый закон о комплексном развитии территорий (КРТ), который актуализирует правовые координаты повседневной жизни и открывает возможность для анализа властно-гражданских отношений.

Граждане используют Telegram-чаты для обмена информацией и самоорганизации в ответ на изменения в правовой среде, что способствует повышению гражданской компетенции: «Анализ высказываний горожан в этих чатах показал, что многие горожане оценивают свои перспективы участия в КРТ как неблагоприятные, и это связано с опасениями нарушения их экономических интересов» (с. 134). Е.П. Евдокимова выявила раз-

личные группы жильцов с несовпадающими интересами, подчеркнув сложность властно-гражданских отношений. Участники чата обсуждают качество городской среды, включая инфраструктуру, качество строительства и озеленение, «строят свои доводы на противопоставлении» (с. 128) что влияет на их восприятие жизни в своих районах.

Третий раздел книги «Преодолевая асимметрии: соучастие граждан в процессах городского (со)управления» фокусируется на соучастии граждан в управлении городскими пространствами. Авторы исследуют, как граждане могут влиять на градостроительные проекты и участвовать в принятии решений, что способствует более инклюзивному подходу к управлению. Это особенно актуально в условиях, когда традиционные формы участия становятся недостаточными для решения сложных городских проблем.

В шестой главе «(Со)участие и экспертиза граждан в градостроительных проектах: социальные противоречия и перспективы» (автор С.М. Москалева) анализируются основные идеи и противоречия, связанные с участием граждан в градостроительных проектах в России, а также роль локальной экспертизы и коммуникативного поворота в этом процессе.

Седьмая глава «Между активизмом и исследованием: стратегия action research в проекте создания Общественного сада» (автор Л.А. Чернышева) посвящена рассмотрению стратегии action research («исследование действием») в контексте создания общественного сада, где исследователь активно участвует в процессе, а не просто наблюдает за ним: «Городские совместности — это способ существования городского сообщества, который предполагает коллективную заботу о различных ресурсах на некоммерческой основе и в общественных интересах» (с. 158).

В восьмой главе «Наука граждан vs наука профессионалов: формы участия в производстве научного знания (на примере городов Казань, Набережные Челны и Иннополис)» (автор Е.Н. Рассолова) рассматриваются отношения между профессиональной наукой и гражданской наукой на примере городов Казань, Набережные Челны и Иннополис.

Заключительный раздел «Воображая город: репрезентации городских пространств» посвящен репрезентациям городских пространств и тому, как различные группы воспринимают и интерпретируют свою городскую среду. Авторы подчеркивают, что восприятие города не является однородным и зависит от социального контекста, в котором находятся его жители.

В девятой главе «Доступные магазины, далекие университеты: пространства повседневной активности студенческой молодежи Санкт-

Петербурга» (авторы **А. Е. Ненько, Е.В. Недосека**) рассматриваются проблемы городского неравенства и сегрегации в Санкт-Петербурге, а также их влияния на доступность сервисов для различных социальных групп, в частности для студенческой молодежи.

Концепция 15-минутного города акцентирует внимание на необходимости доступа к различным сервисам в пределах 15 минут пешком. Это связано с улучшением качества жизни горожан. Как отмечается, «концепция подчеркивает роль географической дистанции в формировании социально пространственного неравенства, где пространственно-временная дистанцированность от благ свидетельствует о депривированном положении жителей определенной части города. Таким образом, равномерная близость сервисов является главным принципом уравнивания жителей в правах на город» (с. 191).

Десятая глава «“В Питере жить...”: квалификация городских районов» (автор **О.Е. Бредникова**) посвящена вопросам городского неравенства и сегрегации в Санкт-Петербурге через восприятие различных районов города жителями.

Исследование фокусируется на резидентальных биографиях, которые формируются на основе опыта жизни в разных районах. Автор подчеркивает: «Основные исследовательские вопросы, которые поставлены в исследовании: как петербуржцы оценивают районы? По каким характеристикам происходит определение “качества” района / его квалификация? Что делает район “хорошим” или “плохим”? Представления жителей складываются в целый комплекс оценок, который реконструируется в данной главе» (с. 212).

Качество районов определяется через материальность, пространство и время, атмосферу: «Так, атмосфера воплощается в пространстве. Она невещественна и невидима, ибо ее нельзя потрогать» (с. 215).

Автор заключает, что идентификация с социальной средой может оказаться важнее прочих квалификационных характеристик района: «Согласно исследованию, важна социальная близость с жителями районов, и тогда район будет восприниматься как безопасный, рассматриваться в качестве “своего” и классифицироваться как “хороший район”» (с. 226).

Книга отличается высоким качеством изложения и глубиной анализа, это делает ее ценным вкладом в изучение городских социологических процессов. Авторы успешно сочетают теоретические подходы с эмпирическими данными, позволяя читателям получить комплексное представление о властно-гражданских отношениях в современных городах.

Однако, конечно, представленные в монографии достижения не исчерпывают тему. Монографию только бы обогатила оптика акторно-

сетевой теории, понимание агентности и властности вещей, определяющих маршруты городской жизни. Так, бесспорно, разрыв между воображаемой картой города (например, путь из дома на работу и домой в воображении горожанина) и культурной картой города как совокупности культурного наследия преодолевается всегда просветительской деятельностью, но сейчас он может преодолеваться и самими вещами. Маршрут по городу можно представлять как квест, сбор артефактов, где каждый артефакт представляет какой-то слой городской жизни. Равно как транспортная организация — это действие как практик работы и досуга, так и вещей, таких как своевременное снабжение всех точек города ресурсами, где именно вещи и пространства требуют для себя людей и транспорта. Представлять решение проблем просто как учет воли горожан как раз парадоксально может приводить к безволию, когда текущая воля эссенциализируется, представляется как принятие горожанином городской среды. На самом деле современный горожанин располагает текучей волей, например используя парк и для рекреации, и для реорганизации привычек взаимодействия с городом, т.е. агентность вещей парка позволяет человеку не просто осуществить для себя какую-то из функций городской среды, но и улучшить функционал взаимодействий, в зеркале вещей узнать свою потребность, прежде не артикулированную.

Полиграфическое оформление книги соответствует высоким стандартам научных изданий, а наличие иллюстраций, графиков и таблиц способствует лучшему восприятию представленного материала.

Создание обложки монографии стало результатом межвузовской коллаборации дизайнеров. Выбранный вариант представляет изображение кружков, ассоциативно они одновременно связаны с современным городским пространством и содержанием монографии. Разница между кружками символизирует разницу в практиках: несмотря на то что мы все живем в городах, каждый из нас сталкивается с различными формами несправедливости. Взаимодействие с соседями, конфликты в общественных скверах, где ведется строительство, захламливание пустырей, анклавов биотопов — все это становится яркими примерами того, как неравенство проявляется в физическом пространстве города.

Монография помогает увидеть, что изменения в городском пространстве являются не только архитектурными, но и социальными процессами, которые отражают измерение власти. Сегрегация жителей, массовая миграция и формы сжатия городов создают условия для властно-гражданского неравенства, уникальные в рассмотренных кейсах. Разные группы интересов влияют на политику и управление городом, что приводит к множеству конфликтов и противоречий.

В монографии подчеркивается, что представленность различных групп в городском управлении и практиках становится ключевым элементом для достижения справедливости. Политика, направленная на развитие территории, должна учитывать интересы всех участников, чтобы создать более инклюзивное и устойчивое городское пространство. Таким образом, взаимодействие между различными группами и их способность к коллаборации становятся необходимыми факторами в борьбе с городскими асимметриями и неравенством.

В целом монография является важным источником для дальнейших исследований в области городской социологии и может служить основой для разработки новых подходов к управлению городскими пространствами. Она вдохновляет на дальнейшие исследования, направленные на изучение устойчивости городских сообществ и их способности адаптироваться к меняющимся условиям.

**BOOK REVIEW: URBAN ASYMMETRIES: POLICIES,
PRACTICES, AND REPRESENTATIONS (2024)
ED. BY E.V. TYKANOVA. MOSCOW, ST. PETERSBURG:
FCTAS RAS. — 264 p.**

Anna M. Sosnovskaya
(sosnovskaya-am@ranepa.ru)

RANEPA, Saint Petersburg, Russia

Citation: Sosnovskaya A.M. (2025) Book Review: *Urban Asymmetries: Policies, Practices, and Representations* (2024) ed. by E.V. Tykanova. Moscow, Saint Petersburg: FCTAS RAS. — 264 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(3): 267–273 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.3.12> EDN: HTOHJQ

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученые степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания
производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2025 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоцис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023 г.

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория К1, Белый список — уровень 1, индексируется в базе данных RSCI.

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2025. Том 28. № 3. Дата выхода в свет 29.09.2025.

Формат бумаги 60х84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40